

попaдaнeц
ПОПAДAНEЦ

МИХАИЛ СИМАКОВ

ЧЕКИСТ

Сознание офицера российских спецслужб, погибшего от рук бандитов, переносится в тело комиссара-чекиста времен начала Гражданской войны в России.

Часть 1

Пролог

Полковник Федор Михайлович Перекуров, старший оперуполномоченный отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, нервно царапая бумагу золотым пером авторучки, писал рапорт на внеочередной отпуск. Знакомые слова никак не хотели складываться в нужные предложения. Но деваться было некуда. В отпуск — и на машине в Белоруссию, к границе, а оттуда дорогами, да хоть болотами в Польшу, в свободный мир. И надо спешить. Васисуалий Федотычев, связник Перекурова с колумбийскими наркокартелями, вчера был отправлен под домашний арест. И пусть следователю Козлову пока ещё ничего не известно о его настоящей роли в российском кокаиновом бизнесе, но выяснение этого — только дело времени.

Так, вот и последняя фраза. "В связи с резким ухудшением состояния здоровья, прошу..." — Перекуров заранее запасся заключением экспертной комиссии служебного госпиталя о тяжёлой болезни почек — оно обошлось ему в пять тысяч баксов, но дело того стоило. Теперь эта бумажка спасёт ему жизнь.

Всё. Тяжело вздохнув, полковник встал, спустился в секретариат, зарегистрировал рапорт, и, вернувшись в свой кабинет, принялся ожидать вызова к генералу. Что такой вызов вскоре последует, он ничуть не сомневался. Генерал Юстасий Пятакашвили, курировавший их отдел, еженедельно получал от него туго набитый бумажками с портретом Франклина конверт и незапланированный месячный перерыв в этих поставках должен был его сильно огорчить. Но на генерала, прикрывавшего его деятельность, надежды не было — как только он узнает, что процент от торговли наркотиками полковник платил ему только от двух картелей, а сам получал от пяти, он немедленно его сдаст. Вот почему пришлось писать рапорт на досрочный отпуск и готовиться к бегству.

Тихо звякнул красный телефон служебной связи.

— Федор Михайлович, зайдите ко мне. — Голос генерала звучал совершенно нейтрально и только хорошо знавший его человек мог различить в нём нотки обеспокоенности. — Ещё бы ему не беспокоиться, — хмыкнул вполголоса Перекуров, собирая бумаги. Генерал — это генерал, но и над ним есть начальство, которому тоже нужно заносить — не еженедельно, конечно, но хотя бы ежемесячно. Полковнику припомнились судьбы нескольких его знакомых, которые заносили слишком мало или слишком редко, и он зябко поёжился. Нет, он не хотел бы оказаться на их месте. Перевод в первый отдел рыбзавода в каком-нибудь Усть-Урюпинске в таких случаях можно было бы считать подарком судьбы. С другой стороны, он не понимал и ханжей, что либеральных, что патриотических, которые считали, что олигархи, ничего для страны не сделавшие, могли иметь яхты, дворцы, бентли, шикарных проституток — а служивым людям, не щадящим живота своего ради Отечества, подобное не к лицу. Ладно, оставим лирику побоку. Сложив документы в папку, Перекуров встал и направился к начальству.

— Федор Михайлович, что это значит? — Пятакашвили держал в руках рапорт,

внимательно, даже настороженно, глядя на подчинённого. — Мы с тобой всего два дня назад планировали поехать на выходные в Тверскую область пострелять лосей.

При этих словах Перекурову вдруг вспомнился депутат Рашкин, после чего неизвестно по какой ассоциации пришла на ум кучаналичной "зелени" в квартире, которую за оставшиеся часы предстояло как-то раскидать — и его лицо выразило такое неподдельное страдание, что генерал расслабился, подобрел и даже сочувственно сощурился.

— Болит? — спросил он.

Перекуров только махнул рукой.

— Ладно. — Генерал размашисто подписал рапорт и вернул его подчинённому. — Отдай сам Танечке, пускай побыстрее оформит. Оставь мне материалы по текущим делам и отдыхай. Через месяц будь на рабочем месте.

— Есть, товарищ генерал. — Полковник положил на стол папку с документами и, дождавшись разрешающего кивка, покинул кабинет начальника.

*

"Форд" полковника уже сворачивал на сельскую дорогу, ведущую в сторону записанной на троюродную сестру дачи, в огороде которой Перекуров намеревался закопать остатки "капусты", когда наперерез ему выехала и, резко затормозив, преградила путь бежевая "Мазда". Из машины выскочили трое в капюшонах с прорезями для глаз и с автоматами в руках. Перекуров судорожно дёрнулся к пистолету, но было уже поздно, да и бессмысленно. Его грудь прошили несколько очередей. Налётчики, небрежно отпихнув труп, быстро обыскали "Форд", покидали добычу в заранее приготовленные мешки, облили покорёженную пулями машину бензином, подожгли её и умчались прочь.

Глава 1. Попадание.

Очнувшись, Перекуров осознал, что лежит спиной на земле в неглубокой яме, похожей на придорожную канаву. Шевелиться было больно. Скопив глаза, он увидел травянисто-грязные края ямы, а за ними — парочку странно одетых людей.

— Мы думали, тебе капец, тарищ комиссар. А ты, оказывается, жив, — бодро сказал один из них, помоложе.

— Живой он, живой, — густым басом добавил другой. — Тащи, Ванятка. Отвезём в ЧеКа сначала, пушай с ним там разберутся. Не из наших он. Может, из соседней деревни ехал, там какая-то часть стоит. А беляки из засады напали.

— Где я? — с трудом проговорил Перекуров. Ему было больно и до крайности неудобно.

Не отвечая, двое красноармейцев в будёновках взяли его за ноги, вытащили из канавы и, не без труда, взгромоздили на телегу. Лошадь грустно косилась на происходящее, не переставая меланхолично жевать травку.

— Где я? — повторил Перекуров.

— Так ведь Сопрониха напротив, — ответил молодой, который, похоже, был поразговорчивее. — От вашей части пять километров. А мы сейчас в Чуприху едем. Там наши стоят и ЧеКа есть. Да тебя, похоже, сильно приложили, тарищ комиссар, — ощупывая голову спасённого, сказал он. Затем вытер испачканную в крови руку о тряпку.

Перекуров размышлял. Нападение киллеров он помнил, потом как отрезало. На розыгрыш это не походило. Двое в красноармейской форме с винтовками... телега, лошадь... слишком сложно для розыгрыша. Голова по-прежнему болела и он, закрыв глаза,

стал вслушиваться в монотонный успокаивающий скрип колёс. Затем погрузился в дрему.

— Тпру, приехали.

Полковник открыл глаза. Телега стояла.

— Сам слезешь аль пособить? — обратился к нему с вопросом красноармеец постарше.

Перекуров, не отвечая, спустился на землю, отряхнулся и осмотрелся. Телега остановилась возле изгороди деревянного дома, украшенного кумачовым знаменем. Местность была явно сельской и какой-то сильно неухоженной.

Перекуров художественную литературу читал и про попаданцев знал. Сообразив, что выжить после нападения группы автоматчиков он не мог, он сделал логичный вывод, что его перенесло в тело кого-то, кто, в свою очередь, погиб здесь. Осталось понять, где и когда это "здесь", и кто, собственно говоря, он такой.

Полковник глянул на своих попутчиков. Будёновки с красными звёздами. Винтовки. Ещё раз посмотрел на здание, возле которого они стояли. Красный флаг.

— Хм, совок, значит, — пробормотал он, хлопая себя по карманам полувоенной гимнастёрки. — Сов. Россия двадцатых. Ладно, разберёмся. — Он достал документ, немного похожий на его старое удостоверение. — Старший оперуполномоченный ГубЧеКа Яснев Пётр Матвеевич, — вслух прочитал он и покосился на красноармейцев. Те забеспокоились и который постарше, загасил о подошву сапога зажжённую было сигарку. — Звиняйте, товарищ, коли что не так, — сказал он. — Вот, Митька Шнур идёт, наш комиссар, вы уж сами с ним побазарьте.

Со ступенек деревенского дома спускался молодой парень в матросской форме и с кобурой на боку.

— Товарищ Яснев? — полуутвердительно спросил он. Затем, глянув на мандат, кивнул. — Мы вас ждали. Операция по ликвидации банды контрабандистов Косого намечена на сегодняшний вечер.

— Угу, — неопределённо отозвался полковник, всё ещё осторожно осматриваясь. Раз речь идёт о контрабандистах, значит, они находятся где-то недалеко от границы. Впрочем —

— У вас есть карта? — спросил он.

— Конечно, — живо ответил парень. — Заходите к нам в штаб, заодно и закусите.

Переступив порог, Перекуров оказался в небольшой душной комнатке со столом посредине, на который были навалены самые разные предметы — фляга, стакан, кобура, несколько красных флажков, газеты.

Небрежно спихнув всё это хозяйство на пол, Шнур достал с полки замусоленную карту и расстелил её на столе.

— Вот, — тыча грязноватым пальцем в какие-то крестики возле голубого кружка, изображавшего, по-видимому, местный пруд или озеро, произнёс он. — Тут их база. Отсюда, — он переместил палец в сторону пересекавшей всю карту полосы, похожей, сельской дороги, — к ним можно подойти. Через лес они нас не заметят.

Полковник, морщась и чертыхаясь про себя, рассматривал эту пародию на карту. Наконец, он сказал: — Надо, прежде всего, выслать разведчиков. Если у них стоят часовые — снять. Только после этого можно отправлять основной отряд. Сколько у вас человек?

Митька Шнур счёт в школеучил, но особо в этом неусердствовал. Он зашевелил пальцами, напрягся, даже покраснел от усилий, наконец, вытолкнул из себя ответ: — Двадцать четыре бойца, товарищ уполномоченный.

— А у противника? — Перекуров задавал вопросы почти автоматически, внимательно

изучая карту. Он хотел понять, куда же конкретно попал, но напрямую задать такой вопрос, конечно, не мог. На карте же никакой подсказки не обнаруживалось. Только в правом углу было грубо накарябано заглавными буквами СОПР — это, видимо, и была та Сопрониха, с которой говорили обнаружившие его красноармейцы. Ладно, придётся добывать сведения окольным путём.

— Тоже пара дюжин, — пожал плечами Шнур. — Но у них только обрезы, а у нас винтовки, да ещё два пулемёта. И гранат несколько. Хотя-он почесал затылок, — гранаты-то хотелось бы поберечь. Для пулемётов запасы обещали ещё подвезти, а гранат, говорят, нету пока.

— Куда может контра уйти, ежели мы не всех их возьмём, как думаешь? — бывший полковник решил, что будет нелишним подладить свою речь под местный революционный диалект.

Шнур задумался.

— В сторону Полесья пойдут, — наконец, решил он. — Там большой отряд индивиду-лу-тьфу ты чёрт, язык сломаешь, индивидуалистов-анархистов.

— А через границу не двинут? — небрежно поинтересовался Перекуров.

Шнур замотал головой.

— Кто же их с оружием пустит-то, — сказал он. — А оружие они не бросят, не дурные.

Ответы не вполне удовлетворили Перекурова, но спрашивать дальше он поостерёгся. Пока было ясно только, что он находится где-то поблизости от Беларуси. — Как и собирался в той жизни, — мысленно усмехнулся он. — Только счетов в швейцарском банке нет, как и наличности. Ладно, главное, что живой. Прорвёмся.

— Бандиты напали, — пояснил он комиссару, который с тревожным любопытством рассматривал его рану на голове. — Надо промыть спиртом. И ещё мне понадобится оружие. Наган. — Он похлопал себя по карманам. — Курево есть?

— Как не быть, — Шнур потянулся к той же полке, откуда доставал карту, и снял с гвоздя сильно пахнущий мешочек. — Махорка. Ну а для самокруток газеты берём. Нет, мы с пониманием, — заторопился он, увидев как построжело лицо уполномоченного, — берём только старые, а новые сразу на полит-политинформациях читаем.

— Это хорошо, — кивнул Перекуров и некоторое напряжение, возникшее между ними, спало. — Итак, спирт и наган мне. Потом постройте бойцов. — Бывший полковник уже понял, что руководить операцией придётся лично ему, но ничего против не имел. Руководить он любил. Главным в этом деле было умение разбираться в людях.

Ах да, чёрт возьми, газеты!

Делая вид, что ему нужна бумага для самокрутки, Перекуров собрал несколько газет, затем властным взмахом руки отослал прочь Шнура, бросив ему только "Наган. И побыстрее", после чего жадным взглядом впился в печатные тексты, бормоча вполголоса: — Так, значит... товарищ Ленин выступил на съезде профсоюзов... дальше... под руководством товарища Троцкого доблестная Красная армия... дальше... Ага. 13 мая 1919 года Первый конный корпус отбросил от Царицына белобандитов... дальше...

— Товарищ... Товарищ...

Перекуров так увлёкся чтением новостей, что даже проигнорировал подошедшего Шнура, который ещё пару раз обратился к нему, потом громко кашлянул, а потом тряхнул его за плечо. — Товарищ, вот спирт. Протереть рану может тётка Маврикивна, она у нас как кухарка, и раненых пользует. А вот наган. — Он поставил на стол бутылёк явного самогона и

рядом положил оружие. — Так позвать её?

— Что? Да-да, конечно, зови. Спасибо, товарищ.

"Тётка Маврикивна" оказалась маленькой худой старушкой, которая быстро и довольно умело протёрла рану, уже покрывшуюся запёкшейся кровью, и хотела было наложить на неё повязку из чистой белой материи, которую принесла с собой, но Перекуров остановил её. — Нет, бинтовать не надо, — распорядился он. — Время военное, боевой дух солдат снижать не будем, да и приметным станет белое в полутьме.

— Оно верно, ваше благородие-ой, — даже перекрестилась в страхе от оплошки "Маврикивна", — простите дуру старую, товарищ.

— Товарищ Яснев, — откликнулся бывший Перекуров. — Ничего, я всё понимаю. Пережитки проклятого времени уходят нескоро. Идите, товарищ, благодарю вас.

Глава 2. Контрабандисты.

— Мурка, в чём же дело, чего ж ты не имела, — заливался соловьём, подыгрывая себе на старом разбитом баяне, светловолосый парень в посконной косоворотке и смазных сапогах, — разве ж я тебя не одевал?

— Кольца и браслеты, шляпки и жакеты, ну разве ж я тебе не покупал! — подхватывал за ним другой, откаблучивая рядом подобие чечётки.

В некотором отдалении от них ещё трое контрабандистов жарили нанизанные на вертела громадные куски свинины, с которых прямо в костёр стекал сочный жир, уносясь оттуда непередаваемо аппетитным дымком.

— Братва, харе лясы точить! А ну все сюда! — громкий возглас Мишки Косого, главаря банды, расслышали все его соратники, даже те, кто купался в поросшем камышами пруду.

Полянка возле дуба, под которым стоял Косой, быстро заполнилась живописно одетым людом разбойного вида. Только трое, жарившие свиной шашлык, не прервали своего занятия, но и они кивнули своему главарю, когда тот на них глянул — дескать, калякай, мы слышим.

Мишка Косой, как заправский оратор, поднял руку, и, когда гомон братвы утих, велеречиво заговорил.

— Чёрная рать тиранов идёт на нас, чтобы сгубить наши вольности. Кровопийцы мировой буржуазии сомкнулись с краснопузыми чекистами. Святое дело свободы, за которое мы боремся, под угрозой.

— Анархия — мать порядка! — воодушевлённо воскликнул кто-то из толпы.

— Где власть — там насилие! — поддержал его другой.

— Даёшь индивидуализм-анархизм!

Косой снова поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

— Короче, братва. Пришла малява от верного человека — вечером сюда выдвинутся чоновцы. Будем с ними драться аль уйдём туда, где вольная воля свободному люду? Решайте.

Загомонили все разом и по большей части возмущённо.

— Бросить всё, непосильно награбленное?!

— Трудились как рабы на галерах!

— Не забудем, не простим!

— Не позволим!

— Наддадим краснопузым!

— Кровью умоются!

— Лохи мы, что ли?!

Мишка Косой, уяснив настроение масс, вскинул обе руки.

— Харе, братва. Посыл понятен. Не фраера мы, верно говорите. Значится так. Ты, Мыкола Кузьмич, — обратился он к седому деду в вышиванке, — достанешь из схрона пять коробок патронов и всем их раздашь. Ты, Митяй, — он повернулся к щуплому пареньку в восьмиугольной кепке, — заляжешь в кустах у дороги, и, когда краснопузые появятся, свистнешь. Как разобьём вражин — отправимся в деревню. Гульнём на всю ивановскую!

Глава 3. Инструктаж.

Пока полковник Перекуров, или как он теперь именовался, уполномоченный Яснев, спешно просматривал новости, в его памяти всплывали сведения об этом времени — историю КПСС он в институте, к счастью, не прогуливал. Так, значит, гражданская война будет ещё около года. Потом Ленин объявит нэп — новую экономическую политику — и пламенные революционеры возглавят самые доходные предприятия, которые снова станут частными — толькос другими владельцами. Года до 25-го будут рулить троцкисты, затем их крепко прижмут к ногтю.

Со двора доносились выкрики — комиссар Шнур собирал подчинённых на построение.

— Ладно, попозжезапишу, всё, что вспомню, — пробормотал Перекуров, откладывая газеты, — а теперьнадо уточнить своё положение.

Он подошёл к мутному треснувшему зеркалу, висевшему на стене, и принялся с интересом изучать доставшуюся ему физиономию. Тупойвзгляд запойного алкоголика его даже порадовал — интеллекта не заподозрят, а с таким выражением лица выжить в новом мире будет проще. Хотя следует побриться — Перекуров был по природе аккуратист, и небрежностей во внешнем виде не любил. Что у нас есть ещё? Он снова охлопал свою гимнастёрку. В прокладке справа зашуршало. Уполномоченный вывернул гимнастёрку, распорол ржавым ножом, обнаружившимся на полке, подозрительное место, и извлёк из него официального вида бумагу, озаглавленную *Предписание*. Где прочитал следующее:

Настоящим приказываю вам возглавить отряд ЧОНа, дислоцированный в деревне Чуприха, и ликвидироватьгруппировкуместных анархистов, занимающихся контрабандой. Все ценности, найденные при них, сдать в фонд революционной обороны. По итогам операции подобрать перспективные кадры, одного-двух человек, для работы в губернской ЧеКа.

С революционным приветом

комиссар Ровенского ГубЧека Исай Борисович Фельдцерман

Подпись, печать.

Подивившись забавному совпадению фамилии своего, похоже, начальника и своего бывшего преподавателя истории КПСС, несгибаемого партийца, впрочем, ставшего в начале перестройки директором коммерческого ларька, Перекуров сложил бумагу испрятал её во внутренний карман.

— Ровно, значит, — проворчал он. — Запад Украины. Вечные бандеровцы и всякая прочая сволочь. Изъять ценности у контрабандистов идея хорошая. Но, может, ещё и отжать у них бизнес? Или, по крайней мере, взять его под крышу? — продолжал размышлять Перекуров. — Приватизировать метр госграницы, — усмехнулся бывший полковник, вспомнив шутку времён начала перестройки. — Нет, не получится. Вводных данных

недостаточно.

Свернув сигарку, уполномоченный закурил, попыхтел немножко, а затем снова погрузился в размышления.

— Насчёт ценностей, буде таковые найдутся, решим по ходу дела. И хорошо бы они нашлись. Если Фельдцерман послал Ясенева на захват контрабандистов, то он был стопроцентно уверен, что тот человек надёжный — найдёт всё, что надо, и правильно, то есть, согласно субординации, занесёт... эээ... сдаст в фонд революционной обороны.

Перекуров глянул в окно. На площадке перед домом выстраивались красноармейцы. Пора было идти знакомиться с контингентом. Загасив недокуренную самокрутку и бросив бычок в стоявшее в углу ведро, старший уполномоченный повернулся к двери, и тут вдруг вспомнил фразу из Предписания — "подобрать перспективные кадры для работы в губернской ЧеКа". А вот это как раз то, что нужно, и в чём он разбирается. Собрать свою команду. Бывший полковник усмехнулся и уже увереннее зашагал к выходу.

*

— Товарищ старший уполномоченный, 24-я отдельная рота частей особого назначения по вашему приказанию построена. К выполнению боевого задания готовы! — высоким, срывающимся от волнения голосом выкрикнул комиссар Шнур.

Две шеренги молодых парней в будёновках и при винтовках стояли, можно сказать, по стойке "смирно", хотя получалось это у них не слишком умело. Кто-то поправлял ремень, кто-то чесался, кто-то громко рыгал.

Вспомнив, что дисциплина в военных отрядах на раннем этапе революции понималась весьма своеобразно, Яснев-Перекуров решил взять свойский тон:

— Здорово, ребята! — гаркнул он. И, не дожидаясь уставного ответа, который, впрочем, вряд ли бы прозвучал, продолжил: — Пойдём вечером контру бить. Землю крестьянам, мир народам, баб всем желающим!

Незамысловатая грубоватая шутка пришлась парням по вкусу и многие из них заухмылялись.

— Грабь награбленное! — бойко добавил какой-то шустрик, но старший уполномоченный крепко держал в уме предписание Исай Борисовича и счёл нужным подправить политически незрелого энтузиаста.

— А вот это, товарищи, надо делать с пониманием. Сейчас наши братья рабочие ведут борьбу против наёмников мировой буржуазии, поэтому все валютные ценности, которые мы у контры отобьём, прошу сдавать по акту в фонд революционной обороны.

Слова "борьба", "буржуазия", "революция" бывшие крестьяне, достаточно наслушавшиеся митинговых речей, привычно проигнорировали, но неслыханные ранее "валютные ценности" и "по акту" их напрягли и показали, что новый командир, несмотря на безыскусную запойную рожу, не так-то прост и с ним надо держать ухо востро. Кое-кто заметно поскущел.

Уполномоченный ГубЧеКа, уловив изменения в настроении масс, пояснил:

— Брошки, колечки, дамские браслетики и всётакое-прочее, можете оставить для своих милых пташек. Но вот царские золотые монеты и разные бриллианты-жемчуга попрошу сдавать. По акту.

Возникшее было напряжение рассеялось и среди чоновцев послышались смешки:

— Да откуда у Мишки Косого брильянты-жемчуга?

— Он их, небось, и не видал никогда.

— Как и золотые монеты.

— А то!

Стоявший с края первой шеренги русоволосый парнишка с простодушным выражением лица робко спросил.

— Нам в дом новый котёл надо бы. Можно будет его взять или тоже в этот... фонд обороны?

— Котёл можно, — благосклонно разрешил уполномоченный.

Бойцы загомонили, живо обсуждая, кто какие предметы обихода видел у контрабандистов. Один припомнил керосиновую лампу, другой — переносную железную печь, третий — серебряные ложки. Военский строй, и без того весьма сомнительный, грозил совсем уже распасться, так что Перекуров-Ясеньев, повернувшись к Шнуру, выразительно глянул на него. Тот понял правильно.

— Товарищи бойцы! — воскликнул он. — Минутку внимания. Товарищ старший уполномоченный ещё не закончил!

Гомон постепенно стих и чоновцы более-менее восстановили строй.

— Товарищи бойцы! — на этот раз уполномоченный подпустил в свой голос каплю раскалённого революционного металла. — Наша партия большевиков, во главе с товарищем Лениным, вождём и учителем всех угнетённых трудящихся, ведёт народ к светлому будущему. Мы должны беспощадно разбить тёмные силы и совершить экспроприацию экспроприаторов! Только тогда, когда во всём мире восторжествует пролетарская революция, рабочие и трудовое крестьянство освободятся от гнёта капитала!

Один из чоновцев повернулся к своему соседу, с виду поинтеллигентнее прочих, и спросил шёпотом: — Васёк, а шо такое "экспроприация"?

— Это когда ты жрёшь от пуза и каждая баба тебе даёт, — с видом знатока ответил Васёк.

— Ооо! — широко раскрыл глаза тот, и стал слушать речь нового командира ещё внимательнее.

Перекуров, тем временем, прошёлся по контрреволюционерам, анархистам, белополямкам, Врангелю, Колчаку, Юденичу, генералу Корнилову, указал на историческую обречённость старого строя и необходимость поддержания партийной дисциплины; призвал не поддаваться на провокации несознательных элементов и крепить революционное единство пролетариата и трудового крестьянства. Затем он перешёл к международной обстановке, осудил Чемберлена, Ллойд-Джорджа, американского президента Вильсона и кровопийц-банкиров лондонского Сити. Впрочем, заметив, что слушатели начали скучать, он перешёл на более актуальные темы жратвы, баб, и выпивки. После чего повернулся к политическому моменту.

— Мы должны, товарищи, образно говоря, подняли на вилы эксплуататоров трудящегося класса, — гремел он. — На вилы, под тесаки, ножи, кинжалы, топоры! Рубить им бошки! И не только наших капиталистов-эксплуататоров, но и зарубежных, которые хотят грабить нашу родину! Но мы не позволим, чтобы солдаты НАТО топтали нашу землю! Сотрём их всех в радиоактивную пыль! Разожжём на горе всем буржуям мировой пожар!

Когда полковник выдал про радиоактивную пыль и солдат НАТО, глаза у комиссара Митьки Шнура стали совсем как блюдечки, и оратор, поняв, что переоценил интеллектуальный уровень своей аудитории, решил снизить накал страстей.

— Итак, значит, вот как обстоят дела, — откашлявшись, продолжил он. — Во-первых,

жратва, во-вторых, выпивка, в третьих, бабы...

Произнося свою речь, бывший российский полковник одновременно отслеживал реакцию слушателей, высматривая перспективные кадры. К сожалению, большинство членов в самые критические моменты зевали, чесались, в общем, проявляли политическую несознательность и даже, можно сказать, оппортунизм.

Его внимание привлёк смуглый черноволосый небритый парень, стоявший в середине второй шеренги. Как и все, он пропускал мимо ушей революционные фразы, как и все, оживлялся, слыша про баб, жратву и выпивку, но, в отличие от других, его глаза начинали странно поблескивать при упоминании ножей, топоров и усековенных голов капиталистов-эксплуататоров. Перекуров решил взять его на заметку.

Ещё раз помянув жратву, выпивку и баб, старший уполномоченный ГубЧеКа закончил свою речь короткой здравицей в честь товарища Ленина и всемирной революции.

Когда наступила тишина, комиссар Митька Шнур, кое-что повывавший в своей матросской жизни, сначала ошалело мотнул головой, а потом неистово зааплодировал. Другие бойцы тоже захлопали, замахали будёновками, застучали винтовками о землю — в общем, стали различными способами выражать одобрение.

Лет пятнадцать назад Федька Перекуров, студент МГИМО, балагур и душа компании лишь порадовался бы такому успеху своего выступления и пригласил бы слушателей в пивную за его счёт. Но с тех пор он успел уяснить, что подлинный успех в этом мире достигается не словами и речами, а деньгами, родоплеменными связями, и холодным цинизмом. Ещё раз проанализировав план операции, который уже сложился в его голове, бывший российский полковник вскинул сжатый кулак, потряс им в качестве ответного приветствия бойцам, а затем повернулся к штабу и кивнул комиссару, предлагая следовать за ним.

*

— Кто из бойцов лучше всего знает в лицо главаря банды? — был первый вопрос старшего уполномоченного.

— Мишку Косого-то? — переспросил Митька Шнур. — Ванятка Мохин, конечно. Они дальние родичи, и, до того, как Мишка банду организовал, приятельствовали. А потом Мишка у него невесту отбил, и они вдрызг разругались. Да вы его знаете — Ванятка с Петровичем вас сюда на телеге подвозили.

— Очень хорошо, — кивнул Яснев-Перекуров. — Поручим ему отдельное задание: выслеживать главаря банды.

— Это он в охотку, — ухмыльнулся Шнур, — давно с ним поквитаться хочет.

— Дальше, — уполномоченный взял карандаш и нарисовал на карте, в тех местах, где дорога близко подступала к лесу, три кружка. — Вот здесь, здесь, и здесь, — он потыкал карандашом, — я бы устроил засады часовых. Поэтому, перед тем как выдвигаться основному отряду, надо послать разведчиков проверить эти места. И снять часовых, если они там будут. Нужны люди, которые умеют скрытно передвигаться и хорошо владеют холодным оружием.

На этот раз Шнур задумался. — Ахмед, Федорка и Ерёма-мясник подойдут, пожалуй, — сказал он, наконец.

— Ахмед — это черноволосый небритый парень? — вскользь поинтересовался Перекуров. — Откуда он?

— Ага. — Митька кивнул. — С Кавказа откуда-то. К нам год назад прибился после

демобилизации. Сначала у солдатки какой-то жил, потом в наш отряд вступил. А что? Ножом владеет отлично, с десяти метров в доску всаживает. И тесаком махает будь здоров.

— Годится, — утвердил уполномоченный, у которого на Ахмеда уже начали вырисовываться кое-какие планы. — Фамилия его как?

Молодой комиссар наморщил лоб, подумал немного, и растерянно ответил: — Не помню. — Он встал, вышел в соседнюю комнату, вернулся с замызганной тетрадкой, полистал её. Затем лицо его посветлело, и он объявил, водя пальцем по бумаге: — Нашёл. Ахмед Кирбазаев, двадцати трёх лет, из Дагестана. Воевал рядовым в империалистическую войну. Холост. Записано с его слов.

— Итак, дальше, — продолжил развёртывать план операции уполномоченный. — После того, как часовых снимем, отправляем основной отряд. Со стороны дороги даём несколько неприцельных очередей из пулемёта по лесу, в разные стороны, затем гоним всю банду от леса к озеру и там ликвидируем. Движемся группой. Боец Иван Мохин идёт отдельно, ищет главаря.

Полковник не уточнил, что выгнать контрабандистов из леса к озеру он хочет, чтобы отсечь их от схрона, а выследить главаря — потому что тот, как только поймёт, что дело пахнет жареным, наверняка кинется к ухоронке.

Комиссар Шнур некоторое время сопел, укладывая в голове руководящие указания и глядя на карту, но вопросов у него не возникло.

Затем тетка Маврикивна принесла чай, бутерброды, и оба командира завели разговор по душам.

— Скучно, небось, в деревне постоянно сидеть? — поинтересовался старший.

— Есть немного, — признал Митька. — Мы скачки на лошадях иногда устраиваем.

— Если операция пройдёт успешно, то всем будет поощрение от руководства. Имеются ли какие-нибудь пожелания? Кроме оружия, конечно, это само собой. Гранаты для вас я выбью, не сомневайся.

— Сапоги новыенадобно бы, пар десять для бойцов. Ситцу — бабам ихним на подарки. Да и хоть занавески справить на окна. Чего-нить из мануфактуры. Может, стаканы ещё, — перечислил нехитрые пожелания деревенского люда парень.

— Доставим в лучшем виде, — заверил уполномоченный. — У вас тут должен быть представитель ЧеКа. Что-то я его сегодня не видел, — с ноткой вопроса в голосе произнёс он, меняя тему.

— Запил Егорка, — ответил Шнур, прихлёбывая чаёк. — Сейчас в белой горячке валяется.

— Значит, и доли в трофеях у него не будет, — отметил Яснев, постучав по столу карандашом. — А какие у отряда отношения с местным населением?

— Так ведь четверть наших сами местные.

— Кур, яйца, млеко хозяйки дают?

— Всё в счёт продрозвёрстки записываем.

— Баб бойцы пощупывают? — свойски-фамильярно поинтересовался уполномоченный.

Комиссар Митька Шнур отчего-то запечалился и, отведя взгляд в сторону, стал мямлить про революционную сознательность трудящихся масс, но, поймав усмешку Яснева, покраснел и признался:

— На бандитов нарваться можно, — почти шёпотом сказал он. — У многих родичи живут здесь в деревне. С тех пор как мы ЧОН организовали, они пару наших бойцов, которые

затемно к бабам ходили, на ножи поставили. Одного откачали, а второй отошёл. Так что не ходят наши больше на гулянки по вечерам, — с грустью добавил он.

Глава 4. Ликвидация банды.

На задание чоновцы выдвинулись, когда из-за горизонта появилась и начала тускло освещать местность молодая Луна.

Выйдя на проезжую дорогу, они вскоре увидели вдали темнеющий лес — основное место базирования банды. Взмахом руки полковник направил Ахмеда Кирбазаева и ещё двух человек, выделенных в разведчики, к подозрительным кустам на краю перелеска. Вскоре оттуда раздался чей-то короткий писк, и довольный Ахмед, обтирая рукавом окровавленный тесак, вернулся к основной группе.

— Сидел там мелкий шакал, — с лёгким акцентом сообщил он.

Полковник кивнул, попутно отметив про себя, что боевой характер кавказца он, похоже, оценил верно.

Двое других разведчиков вернулись, ничего подозрительного не обнаружив.

— Значит, часовой был только один. Очень хорошо. Пулемёты вперёд, — приказал старший уполномоченный, и две тачанки, на которых громоздились неуклюжие "Максимы", свернув с дороги, покатали в сторону леса. Отряд двигался за ними. Когда все вышли на границу леса, полковник скомандовал "Пли!" и очереди пуль начали поливать кустарники, молодую поросль, старые деревья. В глубине леса слышались бессвязные выкрики, команды, стоны — кого-то зацепило.

— В атаку! — приказал старший уполномоченный и махнул рукой с наганом. Держа винтовки наперевес, чоновцы бросились на крики. Вскоре началась пальба, которая постепенно отдалась — очевидно, бандитов теснили в сторону озера. А может, они и сами отходили туда, рассчитывая на более надёжное убежище в камышах.

Ванятка Мохин, которому было поручено выслеживать главаря, осторожно двинулся вглубь леса, то и дело осматриваясь. Уполномоченный Яснев, короткими перебежками следовал за ним, прикрываясь стволами деревьев.

— Есть! Попался, стервец! Это тебе за Машку! — услышал Яснев торжествующий крик бойца, после чего слышались два выстрела и треск от падения тяжёлого тела в кустарник.

Старший уполномоченный осторожно выглянул из-за дерева. Чоновец стоял, уперев приклад винтовки в землю, рядом с ним лежало чьё-то тело, а немного левее находилась неглубокая яма, очевидно, только что в спешке раскопанная, в которой виднелось нечто вроде сундучка.

Убедившись, что ухоронка контрабандистов найдена, Перекуров быстро осмотрелся, затем вышел из-за дерева, и окликнул чоновца: — Это ты, Ванятка?

Мохин обернулся на голос, и Перекуров, вскинув наган, точным выстрелом в сердце уложил его наповал. Чоновец свалился рядом со своим недругом, не издав ни звука.

Проверив, что оба мертвы, полковник подошёл к сундучку и открыл его. Внутри лежали золотые монеты царской чеканки, брошки, кольца с драгоценными камнями, рубиновое ожерелье. Десяток монет полковник выгреб и запихал во внутренний карман, затем, немного поколебавшись, сунул туда же и ожерелье, а остальные вещи выровнял, чтобы они казались нетронутыми.

Простодушные чоновцы ошибались. У Мишки Косого имелись и драгоценности, и золотые монеты — он не только возил контрабанду, но и брал мзду за то, что провожал

тайными тропами желающих покинуть первое в мире государство рабочих и крестьян. А каких-то беженцев его люди, скорее всего, просто грабили и убивали. Несомненно, это знал и комиссар Исай Борисович Фельдцерман, направивший на ликвидацию контрабандистов своего особо доверенного человека. А может быть, они даже работали в паре или, наоборот, конкурировали, подумал Перекуров и ещё раз порадовался тому, что отверг поспешную идею отжать бизнес контрабандистов. Затем его мысли вернулись к найденным ценностям. Нехватку десятка монетникто не заметит. Но ведькто-то может знать про ожерелье. Поразмыслив минуту, Перекуров заглушилчуйку, сигналившую об опасности, поглубже задвинул предметы во внутреннийкарман гимнастерки и застегнул его, чтобы монетыне звякали.

Тем временем, стрельба около озерапонемногу затихала.

Нагнувшись и ещё раз проверив, что главарь контрабандистов и чоновец мертвы, старший уполномоченный выпрямилсяи крикнул:

— Бойцы, ко мне!

Отклика не было.

Уяснив, что парни заняты сбором трофеев и их сейчас не докличешься, уполномоченный выразил своё требование в более привлекательной форме:

— Бойцы, срочно ко мне! Найдены ценности!

*

После успешно проведённой операции, завершившейся глубокой ночью, утомлённые бойцы намеревалисьсразойтись по домам, но уполномоченныйнастоял, чтобы все они собрались в штабе ЧОНа.

Самым первым делом ценности, найденные в сундучке, были по акту оприходованы и знавшие грамоту обозначили на бумажке свои подписи. Новый командир не задавал вопросы, ктои чем прибарахлился на стоянке контрабандистов; крестьянские парни, в свою очередь, понимали, что драгоценные камни и золотые монетыим не по чину, так что обе стороны осталисьсвполне друг другом довольны. А Ахмед, экспроприировавший в свою пользу громадный кинжал, просто сиял. После описи Перекуров вернул ценности обратно в сундучок и, для большей гарантии сохранности, обвязал его ремнями и скрепил их неким подобием пломбы, наспех сделанной им из свечного стеарина. Список вещей он положил в карман своей гимнастёрки.

Затем комиссар Шнур подвёл краткий итог прошедшей операции. Из бойцов, как он сообщил, погибли четверо, включая принявшего героическую смерть от главаря контрабандистов Ивана Мохина. Бандитов ликвидировано более десятка, остальные сумели уйти. Гранаты израсходованы все, боезапас к пулемётам — наполовину. Больше других отличились Ермолай Петрович и Ахмед Кирбазаев, на счету которых оказалось по трое убитых врагов.

После него слово взял старший уполномоченный. Поздравив бойцов с выполнением задания командования, он от именируководства пообещал всем ценные подарки, а Ахмеду Кирбазаеву, как особо проявившему в бою мужество и смекалку, предложил перейти на работу в ГубЧеКа, с предоставлением твёрдого оклада и служебной жилплощади. На этом, заметив, что у бойцов уже слипаются от усталости глаза, он закрыл собрание и распустил всех по домам.

*

Утром уполномоченный ГубЧеКа Яснев и комиссар отряда ЧОНа Шнур пили в штабе

чай и обсуждали оставшиеся нерешёнными вопросы. Уполномоченный пообещал прислать с оказией оружие и подарки отличившимся бойцам, а комиссар попросил выделить лично ему именной браунинг. Потом, намечая будущие революционные перспективы, Перекуров расспросил Шнура про иконы у сельчан и церковные ценности. Он помнил, что вскоре в Советской России должна начаться кампания борьбы с пережитками прошлого, и хотел заранее быть к ней готовым. Комиссар обрисовал ему ситуацию, посетовав на бедность их местной церквушки.

Затем старший уполномоченный подтянул ремень и вышел, вместе с комиссаром, во двор, где уже собрались для его проводов бойцы роты. Ахмед Кирбазаев, в папахе, с тесаком и громадным кинжалом за поясом, построился на охапке сена в готовой к отбытию телеге. На её облучке сидел тот же Петрович, которого полковник встретил в новом мире, вместе с Ваняткой Мохиным, ныне покойным, первыми.

Перекуров, держа сундучок, забрался на телегу, привязал его ремнями к борту; повернулся к бойцам и, не тратя лишних слов, вскинул сжатый кулак в знак прощания с ними, затем махнул возчику рукой — отправляйся.

Глава 5. Эффективный менеджмент.

Здание Ровенского ГубЧеКа располагалось в центре города, в помещении бывшей местной жандармерии. Когда телега остановилась около него, старший уполномоченный Яснев бодро спрыгнул на землю, подхватил с собой сундучок с ценностями и направился ко входу, приказав попутчикам дожидаться его возвращения. Первым делом ему нужно было найти "свой" кабинет в ГубЧеКа и "свою" квартиру — вероятно, служебную. Впрочем, полковник был уверен, что легко справится с этими задачами.

Как только он вошёл в помещение, усатый охранник с винтовкой окликнул его: — Матвеич! Комиссар приказал, чтобы ты зашёл к нему, как только появишься.

— Угу, — неопределённо отозвался Перекуров. — А где сейчас начальник хозяйственной части? — Ему нужно было побыстрееполучить основные сведения о "своих" сослуживцах, по крайней мере, наиболее значимых из них, чтобы случайно не ошибиться в именах и должностях.

— Яков Львович с обеда был у себя, — ответил охранник. — Ты поспеши, товариш Фельдцерман срочно хотел тебя видеть. — Он махнул в сторону двери, на которой висела табличка с надписью крупными буквами "Председатель ГубЧека".

Перекуров, однако, спешить не стал. Он прошёлся вдоль коридора, по пути незаметно изучая таблички на других дверях, остановился возле доски объявлений, из которых узнал, что товарищу Заяц П.С. объявлен выговор по партийной линии, а товарищ Кошкин П.А. премирован именовым оружием. Там же прочитал приказ о проведении 25 мая субботника по уборке территории, с обязательным участием всего рядового и командного состава. Газету, прикреплённую к доске, он читать не стал, поскольку с положением дел в стране уже ознакомился по печатным листкам, найденным в штабе ЧОНа. Затем зашагал дальше. Возле кабинета в конце коридора, на котором было написано "Уполномоченные", он остановился и, пару секунд подумав, распахнул дверь. Сидевшие в комнате подняли головы, а один из них, по возрасту его ровесник, воскликнул: — О, Матвеич вернулся! Тебя документы ждут. — Он кивнул в сторону одного из столов, за которым никто не сидел, и Яснев понял, что это его рабочее место.

Подойдя к столу, он положил на него обвязанный ремнями и опечатанный ящичек, на

который с любопытством покосились все четверо мужчин, сидевших в комнате, бегло просмотрел бумаги, представлявшие собой, похоже, бухгалтерские отчёты предприятий города, затем сказал: - Зайду попозже. Сейчас надобно отчитаться по командировке.

С этими словами он подхватил ящичек и заспешил на выход. Товарищу Фельдцерману, по-видимому, уже доложили о его прибытии, и заставлять его ждать не следовало.

Дверь в кабинет губкомиссара была приоткрыта. Старший уполномоченный толкнул её ногой и вошёл внутрь, держа обеими руками перевязанный ремнями ящичек.

— С революционным приветом, товарищ комиссар! — воскликнул он.

Фельдцерман слегка удивлённо посмотрел на него, затем перевёл взгляд на ящичек.

— Так что, значит, побили мы контру, — сообщил Перекуров, выгружая свою ношу на стол, — а потом приняли ценности согласно акту.

Он достал из кармана гимнастёрки бумагу с описью конфискованного у контрабандистов имущества и положил её перед комиссаром. Тот нацепил пенсне и принялся внимательно изучать документ. По ходу дела лицо Исая Борисовича всё больше светлело. Дочитав до конца, поднялся и потряс старшему уполномоченному руку.

— Спасибо, товарищ Яснев, — проникновенно сказал он. — Объявляю вам благодарность от имени революции.

Перекуров на пару секунд задумался, каков в это время должен быть уставной ответ, и, не найдя однозначного решения, предпочёл осторожно сообщить:

— Остальные ваши поручения тоже выполнены товарищ комиссар. Подобрал кадры для работы в ЧеКа, политически сознательного и хорошо проявившего себя в ходе операции.

— Кто таков? — осведомился Фельдцерман, открывая большой сейф, вмонтированный в стену, и отправляя туда ящичек.

— С Кавказа. Зовут Ахмед Кирбазаев. Приехал со мной. Надо бы его на довольствие поставить и к жилплощади определить.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался комиссар, усаживаясь обратно в кресло. — Пригласи его сюда.

— Есть, — ответил Перекуров. Он повернулся, вышел из кабинета и, пройдя по коридору к посту охраны, сказал: - Товарищ Фельдцерман приказал пригласить к нему кавказца, что сидит на телеге снаружи.

Охранник кивнул, и Перекуров, выйдя из здания, крикнул: - Ахмед, поди сюда!

Молодой кавказец, как был в папахе и при кинжале, соскочил с повозки и быстро взбежал по лестнице.

— Товарищ Фельдцерман, председатель ГубЧеКа хочет тебя видеть, — сообщил ему Перекуров.

Оба прошли в кабинет губкомиссара и старший уполномоченный объявил: - Это, значит, товарищ Кирбазаев, передовой боец революционного отряда ЧОНа. Отлично проявил себя во время операции против контры.

Председатель ГубЧеКа благосклонно глянул на вошедшего, сходу распознав в нём социально близкий элемент. Впрочем, здороваться с ним за руку он не стал, а только спросил.

— Готов служить революции в ЧеКа, боец?

— Готов, — кратко ответил Кирбазаев и поправил свой громадный кинжал.

— Чем занимались твои родители?

— Пасли овец в горах, — по-прежнему кратко отвечал Кирбазаев.

— Происхождения рабоче-крестьянского, значит. Отлично. Назначаю тебя временно стажёром к товарищу Ясеневу. Заполнишь анкету в секретариате. В хозяйственном отделе получишь талоны на питание и ордер на место в общежитии, — с такими словами он принялся выписывать мандат, а уполномоченный, тем временем, попросил:— товарищ губкомиссар, выделите ему красноармейца для сопровождения. Товарищ Ахмед не знаком с расположением местности.

Фельдцерман пожевал губами, потом кивнул, нажал кнопку звонка и приказал вошедшему порученцу, с виду латышу:— Кариньш, проводи стажёра в хозотдел и передай его с рук на руки товарищу Катценельсону. Дальше тот сам разберётся.

— Дождитесь меня на улице, — шепнули уполномоченный, когда кавказец и латыш выходили из кабинета.

Председатель ГубЧеКа проводил их довольным взглядом. — Вот это и есть единство народов, подлинный пролетарский интернационализм, — назидательно произнёс он. — Ты молодец, товарищ Ясенев. Он повернулся к своему подчинённому, только сейчас заметив шрам на его голове, воскликнул:— Да ты ранен!

— Пустяки, — скромно отозвался тот, — уже зажило.

— Нет, нет, три дня отпуска тебе, отдохни. Потом снова займись документацией по налогам. Мошенничают, мерзавцы, а у меня нет времени разбираться с их бумагами.

— Будет сделано, — произнёс Перекуров-Ясенев и, уже поворачиваясь к выходу, сообщил:— Мне тоже надо зайти в хозяйственный отдел. Во время боёв потерялись ключи от квартиры.

— Конечно. Я распорядюсь, чтобы Яков Львович выдал тебе дубликаты. Выздоровливай, товарищ. — Председатель ГубЧеКа пожал ему на прощанье руку.

*

Общежитие стажёров оказалось комнатой, расположенной в пятиэтажном служебном доме как раз над квартирой самого Ясенева, дубликаты ключей к которой ему не слишком охотно выдал заведующий хозяйственной частью товарищ Катценельсон.

Велев Ахмеду быть готовым завтра приступить к работе, уполномоченный снова отправился в ГубЧеКа, собрал бумаги, лежавшие на его столе, и, оформив в секретариате трёхдневный отпуск, ушёл домой, чтобы в спокойной обстановке поразмыслить. Понять, как лучше всего использовать свои нынешние возможности и прошлые знания, чтобы оптимальным образом устроить жизнь в ситуации, в которой он оказался.

Решение полковник нашёл, изучая взятые в ГубЧеКа документы, оказавшиеся налоговыми отчётами городской буржуазии. Крышевание бизнеса — а именно так в переводе на современный язык называлось это направление деятельности здешних силовиков — было темой, прекрасной ему знакомой. Разобравшись за пару часов с принципами местной бухгалтерии и посмеявшись над наивностью составлявших финансовые ведомости лиц, пытавшихся примитивными приёмами скрыть прибыли своих предприятий, бывший российский полковник составил план действий по повышению размера сбора денежных средств с туземных капиталистов.

На следующее утро старший уполномоченный ГубЧеКа Ясенев, сопровождаемый стажёром Кирбазаевым, отправился в объезд городских предприятий, которые он решил самыми первыми обложить налогом, исчисленным им не по полуфиктивным отчётам, а по реальному производству. Последнее ему, используя свой опыт, определить было нетрудно. Технология налогообложения бизнесменов также была взята им из прошлой практики.

Сначала к главе предприятия заявлялся, в полном обмундировании и с мандатом ЧеКа Ахмед Кирбазаев, который предъявлял требование о сдаче революционного налога, выразительно держа руку на своём громадном кинжале. При этом, для большей эффективности перфоманса, в телеге начинал жалобно блять купленный чекистами на рынке белый барашек. По разработанному полковником сценарию, сумма налога, которую требовал стажёр, была заведомо неподъёмной. Однако, после того, как бизнесмены в достаточной степени прониклись ситуацией, стажёра Кирбазаева сменял старший уполномоченный Яснев, который, демонстрируя глубокое знание финансовых дел гибкость подхода, выписывал уже реальный налог и быстро добивался его выплаты.

Белому барашку пережить объезд чекистами городских бизнесменов было не суждено. На одном из предприятий, встретив отчаянно несговорчивых бухгалтера и директора, разозлённый Ахмед приволок бляющего барашка в помещение, одним взмахом своего громадного кинжала отсёк ему голову и швырнул её к ногам оппонентов. После чего революционный налог был быстро в полном объёме выплачен.

В конце рабочего дня простодушный стажёр спросил уполномоченного: почему нельзя было просто заходить на предприятия, да и забирать все деньги, которые там имелись.

— Здесь столько жирных овец, что сам Аллах велел их резать, — добавил он.

Перекуров постарался объяснить ему разницу между такой одноразовой акцией и постоянным *крышеванием*. Второе отличается от первого, как стрижка овцы от её забоя. Забить овцу можно лишь один раз, а стричь её можно многократно.

После столь наглядного ответа и, особенно, разъяснения смысла звучного слова *крышевание*, Ахмед Кирбазаев, поначалу не слишком-то уважавший своего случайного начальника, проникся к нему глубоким почтением.

*

Когда Перекуров принёс письменный отчёт о проделанной работе по обложению городской буржуазии революционным налогом и собранную сумму наличными, комиссар Исая Борисович Фейгельман посмотрел на старшего уполномоченного весьма задумчиво. На всякий случай он два раза пересчитал деньги и убедился, что ошибки нет.

— Что ж, приятная неожиданность, — сказал он, наконец, смахивая деньги в ящик письменного стола. — Умеете работать, товарищ Яснев. Революции нужны эффективные менеджеры.

Для бывшего российского полковника выражение "эффективные менеджеры" прозвучало как напоминание о прошлом, точнее, о будущем, и он слегка вздрогнул.

Тем временем, комиссар ГубЧека раскрыл папку с документами. — Я полагаю, что вас следует представить к награждению орденом, — сообщил он и взялся за перо.

Вспомнив о новом стажёре, про перфоманс которого с усекновением башки барашка ему уже доложили, комиссар добавил: а товарищу Кирбазаеву передайте от меня особый революционный привет. Такие люди — наш золотой резерв.

Глава 6. Иконы для диктатуры пролетариата.

— Пётр Матвейч, партвзносы сегодня занеси, — напомнил уполномоченному парторг ГубЧеКа Шустриков, встретив того в коридоре. — И ещё, — он ткнул пальцем в бумажку, прикрепленную к доске объявлений. — Скоро состоится партийное собрание по вопросу положения на фронтах. С резолюцией и приветственной телеграммой председателю Реввоенсовета товарищу Троцкому. Явка обязательна. Не опаздывай.

Некоторое время Яснев-Перекуровраздумчиво изучал текст объявления, потом шагнул к кабинету губкомиссара и, по-свойски, не постучавшись, толкнул дверь.

Исай Борисович просматривал газету, одновременно разговаривая с кем-то по телефону. Когда его сотрудник с пролетарской непосредственностью распахнул дверь, он поморщился, но неудовольствия вслух не высказал, только вопросительно глянул на него.

— Товарищ комиссар, разрешите доложить, так что контра, которую мы побили в Чуприхе, не одна. Много несознательного элемента в деревне сочувствует им. Тёмные люди, иконы в домах держат. Старые, — как бы невзначай добавил он.

— Старые иконы, говоришь, — оживился Исай Борисович. — То есть... эээ... жители сочувствуют контра, говоришь?

— Сочувствуют, хотя виду особо не подают, — кивнул головой Перекуров. — Тёмные люди. На доски молятся. Есть и старые, — повторно закинул удочку Перекуров. — Читальню с революционной литературой им надо бы соорудить, а от реакционных предметов избавиться начисто. Так сказать, сделать прививку от мракобесия.

Комиссар ГубЧеКа Исай Борисович Фельдцерманотложил газету и, попрощавшись с кем-то по телефону, вернул трубку на место. Затем он подошёл к тяжёлому, вмонтированному в стену железному сейфу, открыл его длинным ключом, достал папку с бумагами.

— Поедешь туда снова, — велел он, усаживаясь обратно в кресло. — Как человеку, уже знакомому с обстановкой, тебе и разобраться будет легче. Возьмёшь в хозчасти для тамошних активистов поощрения. Проведёшь сход местных жителей и разъяснишь политическую линию. Объяснишь, что поддерживать контра мы не позволим и покараем за это по всей строгости революционного закона. Потом поставишь на голосование схода вопрос об избе-читальне и, одновременно, о ликвидации пережитков прошлого. А когда проголосуют, сразу же пойдешь с отрядом активистов по избам и эти пережитки соберёшь. Согласно решению схода. При этом будешь брать подписку о добровольном согласии — чтоб они потом не требовали компенсаций. Сейчас я выдам тебе мандат и предписание. — Комиссар достал из папки прямоугольник твёрдой красной бумаги, на котором стояли гербовые печати.

— Да, и вот ещё что. У нас через пять дней будет партийное собрание по поводу положения на революционных фронтах, — сообщил он, вписывая в мандат должность и фамилию Яснева. — Примем приветственную телеграмму товарищу Троцкому. Постарайся вернуться к этому времени, товарищ старший уполномоченный.

— Ага, конечно, — пробурчал, выйдя из кабинета комиссара, Перекуров. — Революционное приветствие товарищу Троцкому. Ищи дурака. Товарищ Сталин никогда ничего не забывает и никогда ничего не прощает, — повторил он запомнившуюся фразу из институтских лекций по истории партии. — Только надо будет побольше икон сдать... в фонд революционной обороны. Чтобы товарищ Фельдцерман посмотрел сквозь пальцы на моё опоздание.

*

Сельский сход, вопреки ожиданиям старшего уполномоченного, проходил не совсем гладко. Получившие новые сапоги и отрезы ситца для жён чоновцы стояли в оцеплении с винтовками, но, тем не менее, деревенские жители выказывали неудовольствие. Первая часть, резолюция насчёт избы-читальни, прошла без проблем, а вот на второй, об изъятии реакционных пережитков, дело застопорилось. Уполномоченный имел неосторожность

обмолвиться, что к таковым прежде всего относятся иконы, как распространители бактерий мракобесия, и сельчане, недовольно зашумели. Особенно усердствовала одна женщина, с виду похожая на актрису Марию Шукшину.

Вначале полковник, чувствуя за собой мощь передовой науки и психологическую поддержку цепи вооружённых чиновцев, спокойно и даже с некоторым юмором отвечал на её аргументы. Потом он начал нервничать. Наконец, её заявление, что насильственное изъятие икон нарушает закон об отделении церкви от государства, окончательно вывело его из себя.

— Ерунду говорите, товарищ! — рявкнул бывший российский полковник. — Изъятие икон не нарушает никаких законов. Изымая иконы, мы только заботимся о том, чтобы незаметные личности не заражали мракобесием окружающих.

— Но ведь люди иконы из дома не выносят, как они могут ими кого-то заразить? — не унималась женщина.

Полковник ощутил сильное желание пнуть её сапогом в живот, но счёл за лучшее сдержаться. Деревня — это не обезличенный город, где встречные друг друга не знают; здесь многие связаны родственными отношениями, и женщина, которую ты ударишь сапогом в живот, вполне может оказаться матерью кого-то из тех, кто тебя охраняет, притом с оружием в руках. Тут ина подарки от власти могут наплевать. С сожалением подумав о ещё бытующих среди граждан предрассудках, мешающих воспитанию восторженного образа мыслей и неукоснительной преданности начальству, полковник отвернулся от возмутительницы спокойствия и приказал чиновцам:

— Всё, закончили трёп. Оцепляйте деревню и собирайте предметы мракобесия по спискам.

Вспомнив наказ Исай Борисовича Фельдцера, он добавил, обращаясь к комиссару Шнуру:

— И требуйте подписку о добровольном согласии на изъятие. А у тех, кто откажется её дать, забирайте корову и лошадь.

*

Исай Борисович, при виде обширной коллекции икон, среди которых были и явно старинного письма экземпляры, даже не вспомнил об отсутствии уполномоченного на партийном собрании. Отложив в сторону не имеющие валютной ценности новоделы, он велел отправить их в комитет по борьбе с религиозными предрассудками для наглядной агитации и последующей ликвидации, а антиквариат запер в сейф. Его он собирался позже переправить через границу в Польшу и далее за океанским родичам. Которые заносили в банк на его счёт, при подобных сделках, определённый процент от продаж.

Отчёт Ясенева о проведении акции по борьбе с пережитками он, в целом, одобрил, но всё же попеняла то, что старший уполномоченный не сумел добиться полностью добровольной сдачи селянами предметов мракобесия.

— Запомните на следующий раз, батенька, — наставительно сказал он, немного грассируя под Ленина, — нам нужно, чтобы люди по своей воле признавали решения советской власти. Всё время действовать путём насилия это не есть верное понимание политической линии большевиков.

— Время поджимало, товарищ председатель, — хмуро ответил уполномоченный. — И потом зараза мракобесия в этой деревне широко распространилась, пришлось отказаться от методов убеждения.

Признаваться в том, что он не сумел переспорить каких-то сельских женщин, полковнику не хотелось.

Глава 7. Статусный символ.

Сбор революционного налога с городской буржуазии оказался делом трудоёмким, поэтому комиссар ГубЧеКа Исай Борисович Фельдцерман вскоре освободил старшего уполномоченного Ясенева и его подчинённого Кирбазаева от всех других заданий, поручив заниматься только экспроприацией излишков собственности у капиталистов в пользу трудящихся масс.

Уполномоченный предпочитал брать налоги буржуазных элементов валютой, золотом и николаевскими червонцами. Основную часть он сдавал своему непосредственному начальнику, но малую толику, процентов примерно десять, оставлял себе.

Дополнительный доход шёл на качественные продукты питания — хорошо поест полковник любил и в прошлой жизни — а также в личный стабилизационный фонд. В него он вкладывал, в основном, валюту и золотые монеты, представлявшие собой наиболее компактное размещение капитала. Перекуров помнил, из курса по истории партии, что вскоре в Сов. России произойдёт финансовая реформа, в результате которой разнообразные революционные фантики, ныне девальвирующие со скоростью падения снежной лавины, сменит твёрдый золотой червонец. А потом появится ещё и Торгсин, аналог более поздних советских "Берёзок", в котором трудящимся будут продавать всё, что угодно — но только за капиталистическую валюту, которой они, увы, не имели.

Через некоторое время бывший российский полковник решил вложить часть прибыли в повышение своей репутации коллег. В его прежнем мире главным статусным символом уважаемых людей разных слоёв общества, от депутатов до сотрудников силовых структур, был золотой унитаз. Здесь до такого пока не додумались, хотя товарищ Ленин вроде бы говорил что-то на этот счёт.

Полистав томик статей вождя пролетариата, Перекуров одной из них нашёл совет Ленина трудящимся выплавить из золота унитаз и использовать его по назначению, демонстрируя таким способом презрение к кумиру буржуазии.

Установив надёжную идейную основу для своего проекта, Перекуров с жаром принялся за его осуществление. Набросал техническое задание. Нашёл золотых дел мастера, который подрядился изготовить требуемый объект, оценил стоимость работ по напылению унитаза, бачка, ершика, а также необходимое для этого количество драгоценного металла. Затем собрал недостающее количество золота с буржуазных элементов в счёт революционного налога. И через неделю центральный предмет обновлённого туалета уже радовал глаза хозяина приятным мягким желтым блеском.

Когда сотрудник внутренней контрразведки доложил Исай Борисовичу о золотом унитазе товарища Ясенева, губкомиссар изумился, не поверил, отправил старшего уполномоченного в двухдневную командировку, а сам, взяв в хозотделе ключи от его служебной квартиры, пришёл туда и в полном ошеломлении долго созерцал золотой унитаз с золотым ёршиком. Потом потрогал его, царапнул ножом гладкую поверхность, оторвал пришедшую на мгновение дикую мысль попробовать на зуб. В конце концов, он отпилил кусочек ершика и забрал с собой на экспертизу, выдавшую заключение: золото высокой пробы.

Вернувшегося из командировки Ясенева секретарша Розочка Блюм, которой он сдал

отчёт, попросила зайти к председателю ГубЧеКа. Догадываясь, о чём пойдет речь, уполномоченный усмехнулся, заскочил к себе домой, прихватил томик работ Ленина, и уверенно направился в знакомый кабинет.

Комиссар Фельдцерман не хотел показывать своему подчинённому, что он тайно побывал в его квартире, но и ситуация с золотым унитазом требовала прояснения. Он нацепил пенсне, взял с полки брошюру Политиздата "О бытовой скромности большевиков", и сделал вид, что читает её, одновременно поворачивая книжку так, чтобы уполномоченному становилось видно её название.

Яснев-Перекуров, в свою очередь, положил на стол своего начальника томик работ Ленина и развернул его на странице, где была фраза про золотой унитаз.

— Так что вот, назло мировой буржуазии, последовал совету вождя угнетённого пролетариата, товарищ губкомиссар, — откашлявшись, сказал он. — Чтобы трудящиеся массы могли выразить своё презрение к символу, значит, капитализма.

Исай Борисович изучил подчёркнутый текст, затем прочитал всю статью вождя пролетариата целиком, поднял глаза на своего подчинённого, и старшему уполномоченному показалось, что во взгляде председателя ГубЧеКа выразилось нешуточное уважение.

— Я, собственно, вызвал вас, товарищ Яснев, чтобы поговорить насчёт изменения формы документации по сбору революционного налога, — сказал он, возвращая на место брошюру.

Глава 8. Новое назначение.

Золотой унитаз значительно повысил статус старшего уполномоченного среднего коллег — как было и в прежнем мире Перекурова. Почти все сотрудники управления под тем или иным предлогом напрашивались к нему в гости, а затем, ссылаясь на естественную потребность, занимали туалет и по полчаса высиживали на золотом унитазе. Непосредственный подчинённый Ясенева, стажёр ЧеКа Ахмед Кирбазаев попроситься посидеть на золотом унитазе не рискнул, но по всему было видно, что авторитет начальника вознёсся в его глазах на небывалую высоту.

Однако бенефис Ясенева-Перекурова был недолгим.

Через неделю после разговора с комиссаром на столе у старшего уполномоченного ГубЧеКа зазвонил служебный телефон и Исай Борисович пригласил его зайти. На вопрос надо ли взять с собой новую документацию по сбору революционного налога, начальник ответил отрицательно, и старший уполномоченный, ощущая некоторую обеспокоенность, отправился по вызову.

В знакомом кабинете Яснев увидел председателя ГубЧеКа, восседавшего на обычном месте, рядом с ним его советника Якова Фейгисона и начальника наградного отдела Петра Крысина. На стульях у стены сидели ещё несколько чекистов.

Исай Борисович, поднявшись с кресла, долго тряс Ясневу руку, после чего объявил, что его, как особо отличившегося по работе, направляют в распоряжение центрального аппарата ЧеКа, в Москву. Затем начальник наградного отдела Крысин, тоже пожав Ясневу руку, вручил ему орден Красного Знамени, а советник Фейгисон ласково ему улыбнулся.

Известие о переводе в столицу обрадовало полковника, но ему стало жалко потраченного на покрытие унитаза золота. Придётся соскребать, но как это делать? — размышлял Перекуров, машинально отвечая на рукопожатия и поздравления сослуживцев.

Когда церемонии закончились, бывший начальник сказал ему с доброй улыбкой:

— Ключи от служебной квартиры не забудьте сдать в наш хозяйственный отдел, товарищ Ясенев. Пусть другие революционеры тоже посидят, назло мировой буржуазии, на вашем золотом унитазе.

Выслушав это, Перекуров, хотя и не дрогнул лицом, но ясно осознал, что с Исай Борисовичем ему тягаться пока рано. Впрочем, и в прошлом миредоцент кафедры истории КПСС, парторг института Лев Моисеевич Фельдцерман регулярно обходил по жизни. Когда Фёдор Перекуров только получил свои капитанские погоны, тот уже имел миллион — и не деревянных, а самых натуральных, хоть и диковинных ещё для многих тогда баксов. Когда Перекуров отпраздновал звание майора, его бывший преподаватель купил квартиру с видом на Темзу в Лондоне. Однако судьба была вовсе не так прямолинейна — через пару лет Лев Моисеевич отправился валить лес в места не столь отдалённые Сибири, зато его прежний студент, ставший подполковником, освоил золотую жилу борьбы с наркоторговлей. Здесь тоже дела ещё могут повернуться по-разному, подумал про себя обозлённый Перекуров. Вслух же он попросил:

— Товарищ комиссар, я бы хотел взять с собой на новое место службы стажёра Ахмеда Кирбазаева.

На физиономии председателя ГубЧеКа отразилось лёгкое сомнение. Очень уж пришёлся ему по душе расторопный молодой кавказец. Таких перспективных кадров Фельдцерман не видывал давно. Однако вспомнив своего знакомого, несколько раз просившего за родича, которого теперь можно было бы пристроить на освободившуюся ставку, Исай Борисович посветлел лицом и благосклонно кивнул.

— Да пожалуйста. Впишем в предписание и его тоже.

*

— Не всё тебе будет масленица, троцкист, — раздосадованно пробурчал Перекуров, вернувшись домой. Он собрал вещи, не забыв и золотой ёршик для унитаза, одни упаковал в чемодан, другие кинул в походную сумку.

Затем бывший старший уполномоченный немного передохнул, почаёвничал, поразмышлял и направился в общий отдел ЧеКа, располагавшийся через два квартала от его дома. Начальнику хозяйственной части он оставил ключи, а у Розочки Блюм, секретарши канцелярии, за малый прайс приобрёл протоколы партийного собрания с приветствиями от революционных масс товарищу Троцкому. На первом месте среди подписей красовался размашистый автограф Исая Борисовича Фельдцермана.

Если даже чрезмерно самоуверенный губкомиссар и узнает об этом его поступке, то не увидит в нём ничего подозрительного. Откуда ему знать, что нынешнего наркомвоенмора, создателя Красной армии, наследника Ленина, чьи портреты украшают все государственные учреждения Советской России, через несколько лет будут официально именовать "врагом народа", его имя будут вымарывать из всех книг по истории революции, а списки подписей под "пламенными приветствиями товарищу Троцкому" станут списками на расстрел.

Уложив ценную бумагу в папку к остальным документам, бывший старший уполномоченный ГубЧеКа мстительно улыбнулся. — Не всё тебе будет масленица, троцкист, — вполголоса повторил он. — Вспомнишь ещё, жадюга, золотой унитаза.

Затем он вызвал своего помощника, сообщил ему о новом назначении, и велел готовиться к отъезду. Напоследок они вместе обошли все торговые точки городских буржуев, собрали с ним внеочередной налог на революционные нужды и конвертировали его в текущие хозяйственные потребности.

Эпилог

С орденом на груди, с мандатом в кармане, с золотыми червонцами и фунтами стерлингов в двойном дне чемодана, и в сопровождении Ахмеда, бывший старший уполномоченный ГубЧеКа Яснев Пётр Матвеевич, он же бывший российский полковник Перекуров Фёдор Михайлович (названный так патриотически настроенными родителями в честь писателя Ф.М. Достоевского) шагнул к вокзалу, чтобы отбыть на новое место службы. В Москву.

На перроне их встретил красноармеец, посланный комиссаром Фельдцерманом. Он вручил Перекурову бонус от Исай Борисовича: памятную благодарственную грамоту, подписанную всеми сотрудниками ГубЧеКа, и его личную письменную рекомендацию к своему двоюродному брату в Москве, работавшему в наркомате по линии распределения продовольствия.

Когда чекисты обосновались в купе, Яснев-Перекуров положил полученные бумаги в папку, где уже находились его удостоверения, характеристики, наградные листы и прочие документы.

— С таким инструментарием мы наверняка покорим столицу во второй раз, — сказал он.

— Почему во второй? — недоуменно спросил Ахмед, но бывший российский полковник только усмехнулся и ничего не ответил.

Часть 2

Пролог

— Вечер в хату, часик в радость, чифирь в сладость, — несколько наигранно бодрым тоном произнёс старший уполномоченный Яснев, когда его, связанного по рукам и обезоруженного, втолкнули в затянутую табачным дымом комнату на втором этаже трактира "Разносолье", где вокруг стола, заставленного спиртными напитками и закусками, сидели трое. Один из них, высокий седой морщинистый старик, окинул чекиста мрачным взглядом.

— Это ещё что за фрукт? — спросил он.

— Краснопузый! — радостно объявил конвоировавший Яснева щербатый коротышка с наганом в руке. — Он пару раз внизу в нашем ресторане обедал. А потом я его возле Лубянки в форме срисовал. Теперь снова зачем-то здесь объявился. Я его и сдёрнул. С Митяем вместе — тот сейчас внизу у лестницы сторожит.

Старик повернулся к своему соседу справа, кивнул, и тот, подойдя к Ясневу, сноровисто обыскал его и вытащил из внутреннего кармана мандат. — Старший уполномоченный Московской ЧеКа Яснев Пётр Матвеевич. Отдел по борьбе с незаконным оборотом ценностей, — вслух зачитал он, передавая мандат старику. — Краснопузый он, точно, Корнеич. Гляди-ка, как Васятка угадал.

— Не угадал, а распознал, — важно поправил коротышка конвоир.

Старик взял мандат, мельком глянул на него и бросил на стол. — Развяжи, — приказал он Васятке.

Тот засунул наган за ремень и несколькими ловкими движениями распутал довольно сложный узел, которым он же немного ранее и завязал.

— Садись, — кивнул чекисту названный Корнеичем, который был тут, очевидно, за

главного. — А ты покарауль у двери, Василий.

Яснев, растирая успевшие немного занеметь руки, осторожно опустился на не вызывавший большого доверия по виду стул. Однако тот оказался вполне надёжным.

Некоторое время хозяева рассматривали незваного гостя.

— И что же ты скажешь, друг ситный, — нарушил, наконец, молчание Корнеич. — Какая нужда привела тебя к нам?

Старший уполномоченный МосЧеКа облизнул пересохшие губы. Он планировал встретиться с главой компании "Мальцев и сыновья", легально занимавшейся реставрацией антиквариата, а нелегально — его переправкой через границу, чтобы предложить им, говоря современным языком, крышу от силовых структур в обмен на процент от доходов. Однако он планировал провести эту встречу в другом формате: во-первых, собрав побольше информации о компании и её руководстве, во-вторых, на нейтральной территории, а не в офисе предполагаемых клиентов, да ещё будучи доставленным туда под конвоем. Впрочем, бывший российский полковник в своём прошлом мире попадал и в более сложные ситуации. Раздумывая, с чего начать, он одновременно незаметно изучал хозяев. "Корнеич", сидевший в центре, был, несомненно, Семён Корнеевич Мальцев, глава предприятия. Он не очень походил на расплодившихся в двадцатых годах, после объявления нэпа, скороспелых хамовитых богачей, своего рода аналогов новых русских прошлого мира Перекурова. По внешнему виду он напоминал полковнику смесь вора в законе с профессором университета и был, очевидно, умён, скрытен, опасен. Тип справа от него имел брутально-уголовную внешность. Яснев-Перекуров предварительно идентифицировал его как начальника службы безопасности. А сидевший слева и немного поодаль от Мальцева тип в золочёных очках и с претензией на интеллигентность, похоже, представлял собой специалиста по антиквариату. Таких личностей бывший полковник во множестве повидал в своём прежнем мире, где они обретались в качестве консультантов при олигархах, авторитетах и чиновниках. Разница была лишь в выражениях лиц — если те консультанты представляли собой, в целом, безлико-универсальные образцы, обкатанные десятилетиями воздействия внешней бюрократической среды, то этот явно был из черносотенцев-националистов, и своей выразительной внешностью прямо-таки заранее напрашивался на 282-ю статью.

Закончив предварительный анализ ситуации, полковник решил сразу взять быка за рога.

— Бог заповедал делиться, — сказал он.

На туповатом лице безопасника, очевидным образом незнакомого со сленгом российской постперестроечной братвы, появилось недоуменное выражение, интеллигент-консультант тоже непонимающе нахмурился, зато Корнеич, сходу уяснив суть проблемы, задумчиво потянулся к рюмке водки. Выпил, закусил солёным огурчиком. Потом кивнул гостю:

— Угощайся.

Старший уполномоченный чиниться не стал, помня, что совместные возлияния укрепляют деловые связи. Однако он всё же налил себе не водки, а коньяка, и закусить предпочёл красной рыбкой.

— У нас уже есть блацкий бугор в МУРе, — сообщил ему Мальцев, хрустя огурцом.

— Петровка против Лубянки — всё равно, что Каштанка супротив человека, — парировал старший уполномоченный, жуя рыбку.

— а он ходит под секретарём московского горкома, — продолжил глава фирмы.

— Безродные космополиты, — скривился Яснев. — Сосут кровь из трудового народа.

За нас стоит помощник секретаря ЦеКа по идеологии. Истинно русский человек. И у него есть прямой канал на реализацию антиквариата через Ревель.

Мальцев прикрыл глаза, поразмыслил, потом кратко спросил:

— Сколько?

— Двадцать процентов, — также кратко ответил полковник. И добавил:- оплата будет чеками Банка Англии на предъявителя, которые заверит второй секретарь английской торговой миссии. Он же может и переводить их в валюту. Его доля при обналичке — три процента.

Мальцев продолжал пребывать в задумчивости, и старший уполномоченный решил немного усилить нажим:

— Наш процент пойдёт на укрепление позиций патриотической группы в составе ЧеКа и ЦеКа. Вы же знаете, что сейчас в стране ведётся борьба между безродными космополитами и истинно русскими людьми.

Начальник службы безопасности хмыкнул. Консультант-черносотенец взволновался, раскрыл было рот, порываясь что-то сказать, но под жёстким взглядом главы компании закрыл его обратно.

— Мне до ваших тёрков дела нет, — сказал, как отрезал, Мальцев, и Перекуров мельком отметил про себя, что, определяя его как авторитета, он, похоже, не ошибся. — Принимаю твоё предложение, деловой. Ты будешь отвечать за товар и бабки. За двадцать процентов, — подтвердил он, в ответ на вопросительный взгляд Перекурова. — Хват, — он кивнул на безопасника, — ведает доставкой, а Евлампий, — он кивнул на консультанта — оценкой. Присылай за товаром своих людей сюда через пять дней, в понедельник, после обеда. Бабки вернёшь через две недели. Только сначала разберись с уголовкой — они придут сюда в то же время.

— Договорились. — Полковник встал. Свой чекистский мандат он со стола взял, но руку хозяину не подал, чтобы не попасть в неловкое положение — среди воров не принято было ручаться с ментами. Однако, бросив взгляд на конопато-курносую физиономию консультанта, он решил добавить: — Заверяю вас ещё раз, что эти деньги пойдут на благо русского народа.

Мальцев отчётливо фыркнул, но это не смутило полковника — кашу маслом не испортишь, а идейный союзник в среде бандитов лишним не будет. Закрывая за собой дверь, он расслышал высокий взволнованный голос Евлампия:

— Не погибла ещё Россия!

Глава 1. В МосЧеКа.

За полгода работы в московской ЧеКа Ясенев-Перекуров, назначенный уполномоченным отдела по борьбе с незаконным оборотом ценностей, успел досконально изучить как местный контингент, так и партийно-политические расклады. В быстрой адаптации к текущим реалиям ему очень помог опыт прошлого мира.

Вначале Перекуров полагал, что деятельность его новых коллег будет состоять в выполнении указаний политического руководства и, одновременно, крышевании возродившегося при нэпе бизнеса, с неизбежной конкуренцией между отделами и ведомствами. В общем так и было, но в деталях ситуация оказалась более сложной — что определялось, в первую очередь, острой борьбой внутри партии, неизбежно сказывавшейся и на силовых структурах.

По наблюдениям Ясенева-Перекурова, чекисты его отдела (и МосЧеКа в целом) делились на три группы. Первая, наиболее сплочённая, состояла из идейных большевиков и её лидером был начальник отдела Альфред Кронин, вступивший в РСДРП(б) ещё в 1906 году. Идейные люди всегда были Перекурову неприятны, с ними трудно, а иногда и невозможно было найти деловой компромисс. В его прошлом мире, они, к счастью, как он считал, уже почти вывелись, и если ещё встречались изредка, словно динозавры в эпоху млекопитающих, то лишь на низовых, ничего не решающих должностях. Однако, зная историю партии, Перекуров понимал, что в дальнейшем именно эта группа составит костяк сталинистов, победителей в ожесточённой партийной борьбе второй половины двадцатых-начала тридцатых годов, и потому конфликтов с ними избегал. Хотя и своим человеком для них не особо старался стать — до победы Сталина в 1929 году было далеко, и за восемь очень непростых лет с рядовым оперативником могло случиться что угодно.

Вскоре после своего назначения в отдел Кронина, Яснев-Перекуров попытался прощупать начальника, задав ему с невинным видом немного провокационный вопрос: как согласуется новая экономическая политика с партийными установками на искоренение буржуазии и построение социалистического общества? Старший уполномоченный понимал, что Кронин, которого он довольно быстро определил как твердокаменного большевика и будущего сталиниста, с одной стороны не может относиться сочувственно к нэпу, а с другой стороны — обязан выполнять решения партии.

Нюх на провокации у старого чекиста был отменный и, несмотря на простецкую физиономию нового сотрудника, прямо-таки располагавшую к беседе душа нараспашку, и бесхитростный тон, с которым он задал вопрос, Кронин никаких своих подлинных мыслей не высказал, и даже не изменился в лице, ограничившись стандартно-партийным ответом:

— Из России нэповской будет Россия социалистическая, товарищ Яснев. Наш долг как членов партии — выполнять решения ЦеКа. А нашего с вами отдела задача — пресекать незаконный оборот ценностей.

Уяснив, что развести на откровенность (а потом, по мере надобности, заложить) начальника — дело практически безнадежное, уполномоченный сдал назад, с неудовольствием отметив про себя, какие, однако, прожжённые кадры составят в будущем стеновой хребет сталинизма.

Вторую, более обширную, но не столь идейно однородную группу сотрудников МосЧеКа, составляли троцкисты и зиновьевцы — сторонники председателя Реввоенсовета и председателя Коминтерна, соответственно. В их число входили назначенцы председателя ВЧК Дзержинского, горячего поклонника "гениального Троцкого". Найти взаимопонимание с ними, в том числе по деловым вопросам, Ясневу-Перекурову было гораздо легче, хотя для этого часто приходилось прибегать к условно-эзопову языку и партийным эвфемизмам. Однако, учитывая историческую обречённость этих групп, старший уполномоченный сближаться с ними не хотел, тем более, что они, будучи, в основном, из числа интеллигенции либо мелкой буржуазии, смотрели на рабоче-крестьянскую физиономию Ясенева с некоторым снисхождением, что было ему, конечно, не слишком приятно.

Наконец, третью, самую большую группу составляли практические работники пролетарского происхождения, пришедшие в ВЧК как в силовую структуру, дающую власть, безопасность и достаток. Все они довольно быстро выучились партийной фразеологии, но она никак не затронула их глубинных убеждений, сводившихся, в основном, к удовлетворению простейших потребностей. Впрочем, у многих из них, несмотря на

декларируемый, по установкам партии, интернационализм, несомненно, имелись, как сказал бы товарищ Ленин, великорусско-шовинистические настроения. Вычислить таковых полковнику Перекурову было легче лёгкого, потому что в своём прежнем мире он три года проработал в отделе по борьбе с экстремизмом, и личностей, подпадавших под 282-ю статью, мог определять по одному только выражению лица. Хотя представители этой группы были люди простые, и в своей массе тоже будущие сталинисты, то есть победители во внутрипартийной борьбе, Перекуров чересчур сближаться и с ними избегал — как по неодолимому отвращению к националистическим идеям, так и чтобы не вызвать недоверия у остальных групп.

В общем, он держался ровно со всеми. И все группы считали его отчасти своим.

*

После успешно завершившейся встречи с хозяином конторы по нелегальной переправке за рубеж антиквариата, старший уполномоченный в приподнятом настроении вернулся на Лубянку.

— Товарищ Ясенов, вас вызывал товарищ Кронин, — предупредил его Ахмед Кирбазев, когда старший уполномоченный переступил порог своего кабинета. Кирбазев был принят в МосЧеКа на ту же должность стажёра, что он занимал и в провинции, и так же прикреплен к Ясенову в качестве порученца.

— Хорошо, — сказал Ясенов. Он бегло просмотрел почту, не обнаружил ничего срочного, и направился в кабинет начальства.

Кронин сидел за обширным столом, изучая карту города и, одновременно, заглядывая в какие-то бумаги. Своего подчинённого он встретил кивком и, предложив садиться, подтолкнул к нему папку с документами.

— Товарищ Ясенов, на воскресенье МУР наметил операцию по ликвидации банды Фрекса. В ней должен принять участие представитель нашего отдела, потому что Фрекс занимался, среди прочего, грабежом комиссионных магазинов и ломбардов. Вот тут, — он указал на папку-списки похищенного. Однако магазины могли брать на реализацию особо ценные предметы и не внося их в свои книги. Ваша задача — выделить такие вещи и отправить их в Гохран. Муровцами будет командовать начальник оперативной группы из отдела по борьбе с бандитизмом Глеб Жиголов. Ознакомьтесь с материалами по этому делу. — Он постучал пальцем по папке. — Участвовать в самой операции по задержанию бандитов вы не должны. Ваше дело только оформить по описи предметы незаконной торговли.

Ясенов взял папку, затем поднялся и спросил: - Разрешите идти.

— Идите, — кивнул Кронин.

*

После окончания рабочего дня уполномоченный МосЧеКа Ясенов направился на Сухаревку, где он каждый четверг забирал продовольственные талоны у Льва Самойловича Фельдцера, заведовавшего отделом в наркомате труда, двоюродного брата прежнего начальника Ясенева. Эти талоны он должен был завизировать в хозяйственном управлении своей организации, а в субботу отнести на рынок, где их распродавала, под его присмотром и охраной, Сарочка Гобман, хозяйка кооператива "Воробышек". Доля старшего уполномоченного в такой коммерции составляла пять процентов от выручки плюс возможность покупать продукты компании без торговой наценки.

— Лев Самойлович, не наступила ещё Эпоха Милосердия? — спросил с порога, вместе

приветствия, старший уполномоченный, отряхивая кепку от дождевых капель и вешая кожанку на крючок у двери.

Фраза стала его дежурной шуткой после того, как полгода назад, на пятый или шестой день их знакомства, Лев Самойлович Фельдцерман застенчиво признался ему, что иногда пишет повести, в которых выражает свою мечту о наступлении в мире Эпохи Милосердия.

Лев Самойлович скорбно посмотрел на чекиста и в его печальных чёрных глазах мелькнула слезинка.

— Не надо шутить над светлой надеждой человечества, — укоризненно произнёс он.

— Ну, не сердитесь, — словно бы в извинение, но всё-таки немного театрально произнёс Яснев. Этот обмен фразами тоже утвердился в их общении как своего рода ритуал. Затем, уже деловым тоном, он спросил:

— Ладно, раз Эпоха Милосердия пока не наступила, давайте займёмся нашим маленьким бизнесом. Какие талоны намечены к реализации на этот раз?

Лев Самойлович, тоже приняв деловой вид, завозился с кипой бумаг. Из неё он вытащил несколько листков серого цвета, разграфленных на прямоугольники с подписями и печатями каждый:

— Масло сливочное, колбаса краковская и шоколад фабрики Эйнем, — сообщил он.

— Кому они предназначались?

— По разнарядке должны были пойти работницам ткацких фабрик Северного района.

Яснев поморщился.

— Шоколад — работницам ткацких фабрик? Да в вашем наркомате совсем с головой не дружат. Им карточки на хлеб и селёдку отоварить сейчас проблема. А шоколад они, поди, и не знают, с какой стороны надо надкусывать.

Лев Самойлович пожевал губами, потом согласно кивнул головой:

— Ваша правда. Но мы для того и работаем, чтобы каждый получал по своим надобностям.

"То есть, каждому — своё", — мысленно перевёл Перекуров, а вслух спросил: - Пускать всё в продажу через кооператив или часть надо кому-то передать на руки?

Кооператив "Воробышек" был предприятием, учреждённым вначале наркоматом труда, а потом переуступленным в частное владение. Он торговал вещами и продуктами, поставляемыми народными социалистическими предприятиями по низкой цене, которая была следствием низкой зарплаты работников этих предприятий. Народные предприятия часто становились банкротами, и тогда государству приходилось брать на себя их долги. Частным же кооперативам банкротство не грозило, потому что, во-первых, качественные товары народных предприятий скупались ими все на корню — то есть, они были монополистами, а во-вторых, они перепродавали поставленные им товары по ценам, много превышавшим исходные; разница между первыми и вторыми составляла прибыль хозяев кооператива.

— Приватизация прибылей и национализация убытков, — произнёс вполголоса Перекуров, когда он познакомился с этой схемой, прекрасно известной ему по его прошлому миру. Лев Самойлович Фельдцерман услышал и поправил, значительно поднял палец: - Эффективный менеджмент!

Часть пользующихся спросом товаров и продуктов должна была не поступать в кооперативы, а распределяться по талонам наркомата труда среди работников предприятий, чтобы, наряду с грамотами, стимулировать ударников социалистического производства. Вот

эти-то талоны сначала списывал, потом утверждал списание в ЧеКа, а потом реализовывал на чёрном рынке, при содействии уполномоченного Ясенева, начальник продовольственного отдела наркомата труда Фельдцерман. Иногда он передавал часть этих талонов нужным людям за какие-то услуги. Посыльным в таких случаях был порученец Ясенева Ахмед Кирбазаев.

— Десять талонов на краковскую колбасу пусть ваш человек занесёт товарищу Скобликову в валютный отдел Госбанка. Остальные — на продажу, — распорядился Фельдцерман.

— Принято, — по-военному кратко отозвался Яснев.

Уложив продовольственные талоны в папку и отклонив предложение хозяина выпить чайку, старший уполномоченный отправился к себе домой. Теперь трудовой день можно было считать окончательно завершённым.

Глава 2. Совещание.

Еженедельно по пятницам, с десяти часов утра, в МосЧеКа проходили собрания партактива и оперативных работников, посвящённые текущим политическим или идеологическим вопросам. Председательствовал на них обычно Кронин, как парторг ведомства. Нередко в таких собраниях принимали участие представители центрального аппарата партии и профильные специалисты. На этот раз их было двое: сотрудник секретариата Сталина, имя которого Яснев не расслышал, и отставной жандармский полковник Николай Христофорович Селиверстов.

В повестке дня собрания значились три вопроса: воспитание человека нового типа, усиление борьбы с подрывными элементами, и подготовка к выборам на следующую партконференцию.

Доклад про воспитание нового человека делал секретарь комитета комсомола МосЧеКа Макс Лившиц. Он с энтузиазмом демонстрировал аудитории буквари, на первой странице которых было написано большими буквами: МЫ НЕ РАБЫ, РАБЫ НЕ МЫ; рассказывал о недавно устроенных в деревнях избах-читальнях, показывал графики роста грамотности в первые годы советской власти; цитировал Владимира Ильича Ленина, заявлявшего, что "большевики непременно воспитают новые поколения свободных советских людей".

Полуприкрыв глаза, полковник слушал плавное журчание речи комсомольского секретаря и усмехался про себя, вспоминая, как подобострастно суетились бывшие советские люди, особенно всесоюзно известные "звёзды", обслуживая недавно возникший олигархат. Да и существовали ли на самом деле, в сколько-нибудь значительном числе, эти "советские люди"? Которых сегодня начали учить в школе: "мы не рабы, рабы не мы"?

Но вот речь комсомольского секретаря подошла к концу и он, провожаемый аплодисментами, спустился с трибуны в зал.

— Тема следующего доклада — борьба с подрывными элементами, — объявил председатель. — Слово предоставляется Николаю Христофоровичу Селиверстову.

Появление на трибуне бывшего жандармского полковника вызвало шум в аудитории, однако Кронин, пресекая его, требовательно постучал карандашом по столу.

— Товарищи, прошу внимания. Многим из нас не хватает в своей работе профессионализма. Идеиная убеждённость это замечательно, но надо ещё и уметь дело делать, и учиться этому мы должны у всех — даже у наших бывших политических врагов. Николай Христофорович пришёл сюда, чтобы поделиться своим профессиональным опытом

с представителями трудового народа.

Старый жандарм откашлялся и заговорил, не слишком уверенно.

— Значит, ловили мы тех, кто выступал против правительства. А как иначе? У меня под рукой было двадцать служащих и ещё филеры. Выслеживали неблагонадёжных. Затем внедряли своих людей к ним. Как где соберутся, и речи бунтарские начнут вести, так наш человек даёт знать, и мы всех их вяжем.

— А если враг никак себя не проявляет? — задал вопрос кто-то из президиума.

— Надо дожидаться, пока он совершит противоправное деяние, — ответил жандарм. — К такому подобные личности весьма склонны.

— Есть подозрение, что левый эсер Блюмкин задумал террористический акт против членов Совнаркома. Какие меры вы посоветовали бы в связи с этим предпринять? — послышался ещё один вопрос из президиума.

— Надо захватить его на противоправном деянии и арестовать, — бестолково повторил жандарм.

Несколько человек в зале засмеялись, кто-то иронически похлопал.

— На чём его захватишь?

— Исключительно скользкая личность.

— Предъявить ему нечего.

Старый жандарм беспомощно озирался, вытирая лоб платком.

Перекуров не выдержал: — Да подбросьте ему наркотики и берите тёпленьким, — сказал он.

В зале воцарилась тишина.

— Действительно, ведь ходят слухи, что он нюхает кокаин, — наконец, задумчиво сказал кто-то. — Весьма здравая мысль.

— Арестуем его, но у него столько связей в ВЧК, что его сразу же выпустят, — возразил другой. — И проблема никак не решится.

— Нет человека — нет проблемы, — парировал старший уполномоченный.

Секретарь Сталина сделал пометку в своём блокноте.

Кронин, сидевший в центре президиума, повертел в руках карандаш.

— Мы, большевики, не являемся сторонниками миндальничания с врагами трудового народа, — сказал он. — Но ведь, действуя таким образом, мы будем плодить мучеников.

Бывший полковник небрежно махнул рукой.

— Подпоите его, разденьте, и выкиньте голым из окна высотного здания. Сразу и ликвидируете и скомпрометируете. Или подбросьте ему фотографии голых девиц и обвините в педофилии. Кто будет сочувствовать осуждённому педофилу или алкоголику, который в пьяном виде без одежды сиганул вниз головой на мостовую?

Несколько коллег бросили на Ясенева любопытствующие взгляды, в которых явно читалось удивление от контраста между простецкой физиономией опера и высоким профессионализмом подаваемых им советов. Бывший царский жандарм тоже посмотрел на Ясенева с нескрываемым уважением.

Какое-то время чекисты молча усваивали информацию, потом председатель, поблагодарив докладчика, объявил свободную дискуссию на тему предстоящих через неделю выборов делегатов на очередную партийную конференцию. — Велика опасность, — озабоченно сказал он, — что на неё могут пробраться оппортунисты, которые будут вносить в нашу работу смуту и расколы. Поэтому я прошу вас давать предложения о том, как нам

обеспечить на выборах здоровое большинство делегатов.

Из зала начали поступать советы:

— Надо изготовить побольше плакатов, разъясняющих политику партии.

— Направить в ячейки заслуживающих доверия агитаторов.

— Разоблачить до конца гнилую сущность оппозиции.

— Убедить партийцев голосовать за платформу ЦеКа.

— Добиться, чтобы на выборы пришли все сознательные рабочие.

Бывший российский полковник слушал, изумляясь полной некомпетентности своих коллег. Наконец, он решил высказаться:

— Товарищи, не имеет никакого значения, кто и как будет голосовать. Имеет значение только одно — кто будет считать голоса.

По залу прокатился нестройный гул, в котором смешались оттенки разных чувств — от заторможенного непонимания до мгновенного прозрения. В президиуме зашептались, а секретарь Сталина сделал ещё одну пометку в своём блокноте. Кронин переглянулся с ним и кивнул.

— Благодарю, товарищи. Обсуждение сегодня было весьма плодотворным. На этом собрание объявляю закрытым, — сказал он, поднимаясь.

Чекисты начали расходиться.

Направлявшегося к выходу Ясенева перехватил бывший жандармский полковник.

— Позвольте вас на пару слов, — взволнованно произнёс он. — Я был просто потрясён вашими замечаниями. Какие, однако, таланты имеются в нашем народе! Если бы у нас были такие кадры, как вы — Российская Империя не погибла бы, — тут старый жандарм всхлипнул. — Ах, вальсы Шуберта, и хруст французской булки...

Яснев терпеливо слушал расчувствовавшегося старика.

— Знаете, недавно я прочитал фантастический роман про машину времени, — высморкавшись в платочек и немного успокоившись, продолжил тот. — Там по сюжету человек попадал то в прошлое, то в будущее. Как вы думаете, если бы такая машина действительно существовала, и кто-то решительный попал бы в наше прошлое, то можно ли было бы какими-то мерами спасти Российскую Империю?

— Да, можно было бы спасти, — кратко ответил Яснев-Перекуров.

— Но как, голубчик, как? — Бывший царский полковник просительно заглядывал ему в глаза, при этом бессознательно теребя пуговицу на комиссарской форме.

Бывший российский полковник усмехнулся — уж он-то знал как.

Старик, моргая покрасневшими веками, терпеливо и с надеждой ждал.

— Ладно, я скажу вам, — ответил, наконец, Перекуров. — Перво-наперво — враньё. — Он вспомнил робкое советское враньё в газетах, на радио и телевидении, и ему стало почти стыдно за державу, в которой он когда-то родился и прожил двадцать лет.

Отставной жандарм непонимающе смотрел на него.

— Да, враньё, — с нажимом повторил Перекуров. — Вашему правительству и всем его ведомствам следовало лгать на порядок больше.

Пока старый жандарм осмысливал это утверждение, Перекуров продолжал: — Далее, воровство. Это, пожалуй, ещё важнее, чем враньё.

— Воровство, конечно, я понимаю, — забормотал бывший царский жандарм, — но что с ним можно было поделать, как ни искореняй, оно всё равно-

— Не то, — усмехнулся бывший российский полковник. — Вам всем надо было

воровать открыто, нагло и на два порядка больше, чем раньше. Распиливать бюджет, поставлять прогнившую еду для школьных завтраков, захватывать рейдерством предприятия бизнесменов, вывозить награбленное за границу. А главное, надо было повязать всех воровством, а кто не ворует — тот подозрительный элемент, считай, готовый революционер. — Про себя Перекуров снова подумал о Советском Союзе, в котором воровать было не так-то просто, а за поставки испорченной еды для школьников можно было попасть под суд — может, потому и рухнула эта страна.

— А полицию и войска надо было использовать для защиты уворованного и большего удобства уворовывания, — добавил он.

На лице бывшего жандарма начало отражаться понимание.

— А... а что ещё нам надо было сделать для спасения родины? — неуверенно спросил он.

— Вашей власти надо было стать своего рода антиМидасом — превращать в грязь всё, к чему она прикасается — от армии и церкви до науки и культуры, — жёстко сказал бывший российский полковник. — Тогда в обществе воцарилась бы атмосфера всеобщего цинизма и любые подрывные идеи были бы заранее скомпрометированы.

Вместе с тем, вам нужно было бы дать людям моральный стимул, духовную, если можно так выразиться, скрепу, наглядную, всем понятную, осязаемую цель жизни. Ну скажем... — бывший российский полковник на минуту задумался, — скажем... золотой унитаза.

— Золотой... унитаза...?? — эхом отозвался бывший царский жандарм, замороженно глядел на Перекурова.

— Именно. Вместо того, чтобы желать странного, зачастую внушённого агентурой спецслужб Запада, люди должны были бы иметь перед собой ясную цель. Тогда никакие происки национал-предателей не смогли бы нарушить в стране порядок.

Бывший жандармский полковник, разинув рот, смотрел на старшего уполномоченного ЧеКа как на пророка Божия.

Яснев-Перекуров усмехнулся, довольный произведённым его речью эффектом, затем кивнул на прощание, повернулся и зашагал к выходу.

Старый жандарм украдкой крестил уходящего чекиста и по его лицу текли слёзы счастья. — Не погибла ещё Россия, — шептал он.

Глава 3. Субботний отдых.

Каждую субботу уполномоченный МосЧеКа Пётр Яснев, после передачи продовольственных талонов Сарочке Гобман, хозяйке кооператива "Воробышек", и получения выплаты за прошлые поставки, отправлялся в ресторан "Метрополь", где обстоятельно и со вкусом обедал.

Конечно, в нэпмановской Москве были и другие, вполне приемлемые даже для разборчивого полковника рестораны, например, "Савой" или "Балчуг". Но "Метрополь" подходил ему больше всех остальных. Во-первых, кооператив "Воробышек" находился на улице Тверской рядом с ним. Во-вторых, гостиницу, при которой располагался ресторан (она нынче носила название "Второй дом Советов"), вскоре после революции заселили высокопоставленные партийцы, и постоянный посетитель мог завести там полезные связи, услышать сплетни о жизни представителей советской элиты, а то и собрать *материал* на кого-то из них. С этой целью уполномоченный ЧеКа прикормил жившего в "Метрополе"

среднего партийного чина, сотрудника Малого Совнаркома, который, за утку по пекински и бутылку шампанского регулярно выкладывал ему служебные и бытовые дразги. Некоторые Ясенев-Перекуров записывал и позже использовал, одни — для оперативной работы, другие — в качестве компромата, третьи — как занимательные анекдоты. Из последних ему больше всего нравились слухи и сплетни про деятелей, чьи имена были известны ему из истории. То есть, про предков или родичей каких-то советских знаменитостей.

Вот и сегодня Марк Борисович — так звали его информатора — откушав утку и утолив жажду половиной бутылки шампанского, доверительно склонился к чекисту и, похихикивая, поведал ему комическую новеллу, случившуюся не так давно в "Метрополе". В этой престижной гостинице всегда был дефицит жилплощади и за право поселиться в ней порой разгорались нешуточные бои местного значения, с выливанием конкурирующими сторонами ушатом помоев друг на друга. На этот раз в центре скандала оказался товарищ Певзнер, крупный партийный работник, который не так давно прибыл с юга. Он принёс в администрацию гостиницы заявление, согласно которому живущая здесь со своим мужем товарищ Гиммельфарб работала в Одессе на Деникина и выдавала белым скрывавшим от них большевиков. Разумеется, такая товарищ недостойна была жить в "Метрополе" и её жилплощадь следовало передать более ответственным товарищам. Однако товарищ Гиммельфарб оказалась штучкой непростой и доказала, что во время занятия Одессы войсками Деникиным она сама скрывалась и помогала прятаться своим коллегам из ЧеКа. В результате товарищ Певзнер с громким треском сел в лужу.

Для старшего уполномоченного Ясенева эта история оперативной пользы не принесла, но поскольку фамилия Певзнер была ему хорошо знакома по советским и постсоветским временам, то он тоже посмеялся над ней вместе с Марком Борисовичем и поблагодарил его за доставленное удовольствие.

*

Дело шло уже к четырём часам пополудни, когда старший уполномоченный поднялся из-за обеденного стола, распрощался с сотрудником Малого Совнаркома, и направился на Петровку. Он решил зайти в МУР, чтобы заранее познакомиться с командой, которой было поручено заниматься завтра захватом бандитского логова.

Из материалов дела ему было известно, что группировка преступников, численность которых оценивалась в семь — десять человек, специализировались на грабежах комиссионков и ломбардов. За последние полгода они совершили налёты на пять магазинов и вынесли ценностей примерно на семьсот тысяч червонцев.

Глеб Жиголов, начальник опергруппы, обнаружился в кабинете, на двери которого висела табличка "Отдел по борьбе с бандитизмом". У него было красивое мужественное лицо, чёрные до синевы волосы, густые брови и вызывающий доверие взгляд. На лацкане пиджака оперативника красовался орден Красного Знамени. Когда старший уполномоченный МосЧеКа вошёл в комнату, Жиголов вскинул голову, мигом распознал, по чёрной кожанке, ведомство посетителя и протянул ему руку.

— Петр Матвеевич Ясенев? — полуутвердительно спросил он.

Старший уполномоченный кивнул, и они обменялись рукопожатием.

Поскрипывая новенькими хромовыми сапожками, оперативник подошёл к полке, достал карту города и расстелил её на столе.

— Наши клиенты обосновались на Ордынке, — сообщил он, ткнув карандашом в один из домов на карте. — Их база — подвал трактира "Весёлый гусь". Довольно обширное

помещение.

— Они хранят там награбленное?

— Да. — Жиголов кивнул.

— Мне поручено просмотреть вещи на предмет незаконной торговли и отправить, если таковые найдутся, в Гохран. Остальное надо будет вернуть в магазины.

— Хорошо, — ответил оперативник. — Как только мы арестуем бандитов, проведёте осмотр.

— Вы полностью уверены в своих сотрудниках? — помолчав, осторожно поинтересовался чекист. — Когда поблизости оказываются большие ценности, даже старые проверенные кадры могут впасть в соблазн. Может, стоит прислать наряд для дополнительной охраны?

— Наши работники — люди высокой революционной сознательности, — с достоинством ответил Жиголов. — Они ощущают причастность к большому, нужному делу и работают без корысти, на одном только патриотизме. Для родины, для народа. Так что за сохранность социалистической собственности можете не беспокоиться.

— Ну и прекрасно, — кивнул уполномоченный. — Значит, под вашу ответственность.

Глава 4. Воскресный рейд.

С утра пораньше Яснев закемарил в кресле кабинета на Лубянке, дожидаясь звонка из МУРа. На операцию он взял с собой Кирбазаева, велел тому завести машину и быть на улице в полной готовности.

Телефон звякнул после того, как стрелка часов перевалила через семь.

— Бандиты собрались в своём логове, — сообщил Жиголов. — Мы выдвигаемся.

— Вас понял. Через полчаса будем на месте, — немного хриплым спросонья голосом отозвался чекист.

Когда чёрный служебный "Паккард" подкатил к старому четырёхэтажному дому с вывеской "Весёлый гусь", там уже стояло оцепление из десятка милиционеров, а помятых воров конвоиры паковали в наручники и без особых церемоний закидывали в зарешёченный фургон.

Махнув мандатом, Яснев, сопровождаемый Кирбазаевым, прошёл мимо цепи охранников и оказался внутри трактира. Из подвального помещения оперативники выносили и складывали возле дубовой стойки бара разнообразные предметы — браслеты, часы, сервизы, картины, меха.

Глеб Жиголов выговаривал что-то прислонившейся к бару тщедушной официантке в фартуке. Увидев чекистов, он кивнул им и снова повернулся к женщине.

— Всё, Машка, на этот раз ты влипла крепко. Уговоры на тебя, как видно, не действуют, будем выселять за сто первый километр, — сказал он. — Устроилась в бандитском притоне, надо же.

Та всхлипнула. — Не виноватая я, гражданин начальник. Моё дело было еду разносить да вино подавать. Ни сном, ни духом не ведала, что тут делается. Двое детишек, пожалейте.

— Ты из меня слезу не жми, — бросил Жигалов. — Пока вы тут сладко ели да крепко спали, я с товарищами на колчаковских фронтах кровь проливал.

— Гражданин начальник, вот всё что у меня есть, — официантка начала было рыться в карманах, но оперативник прикрикнул на неё:

— Да ты рехнулась, Машка! Чтобы Жиголов ваши бандитские деньги взял?! А ну

двигай в машину.

Покорно ссутулившись, та побрела на выход.

Муровец заметил взгляд, брошенный на женщину Ясеныным, и пояснил.

— Наводчица это. Слушала разговоры богатых клиентов, а потом их Фрексу и его дружкам закладывала.

Стажёр Кирбазаев с любопытством вертел головой, присматриваясь к выносимым из подвала предметам, к напиткам на стойке бара, к закованным в наручники хмурым бандитам. Оперативник глянул на молодого чекиста и сказал ему наставительно:

— Вот так-то, юноша. Привыкай вести с ворами беспощадную борьбу, как того требует от нас народная власть. Преступный элемент живёт инстинктами, как зверь. У него нет таких понятий, как долг, мораль, совесть, честь. Вот, смотри, — он взял с подноса большой золотой, украшенный изумрудами и рубинами, явно антикварный крест, который милиционеры только что вынести из подвала вместе с другими сокровищами. — Видишь этот крест? Он, наверняка имеет огромную художественную ценность. А они бы его сплавляли барышникам или продали бы за рубеж. Тупые звери, что им до нашей культуры.

— Я уверен, — подал голос старший уполномоченный ЧеКа, — что этот крест взяли в комиссионку без занесения в реестровые книги. Так что его следует конфисковать и отправить в Гохран.

— Вам виднее, — несколько напряжённо ответил Жиголов. — Списки похищенного в магазинах у вас есть, разбирайтесь.

Ясенеv кивнул и занялся осмотром собранных предметов. Дешёвые новоделы он возвращал в общую кучу, а ценные и антикварные вещи передавал своему помощнику, который их упаковывал и перевязывал, после чего относил в машину. Время от времени уполномоченный для проформы заглядывал в списки похищенного, впрочем, даже не давая себе труда показать, что он их читает. Находившиеся в помещении несколько милиционеров смотрели на деятельность чекистов с плохо скрываемым неудовольствием, но вмешиваться в неё не решались.

Закончив сортировку, старший уполномоченный скользнул взглядом по стоявшим с кислыми физиономиями муровцам, усмехнулся, поблагодарил их за "добросовестное содействие советской власти", вслед за чем сел в "Паккард" и велел стажёру заводить мотор.

Глава 5. Приём товара.

В понедельник на двери трактира "Разносолье" с самого утра висела табличка: "Закрыто на обслуживание". Обслуживание это, впрочем, заключалось в описи и упаковке антиквариата, который его хозяева передавали в компанию "Корнеич и сыновья" формально для реставрации, а на самом деле для реализации за валюту, каковую, по известным причинам, можно было получить только за рубежом. До нынешнего дня фирма Корнеича пользовалась услугами контрабандистов на польской границе, куда посланцы с товаром добирались в сопровождении военных и милиции. Однако чекист Ясенеv предложил лучший канал сбыта — через Ревель, столицу недавно ставшей независимой Эстонии, где официально продавались ценности, которые желала обменять на марки, фунты и доллары молодая советская власть, лишённая, вследствие дипломатической и торговой изоляции, других рынков сбыта. И Семён Корнеевич Мальцев, авторитетный с царских времён вор в законе, а ныне ещё и глава коммерческого предприятия, его предложение принял.

К обеду работа была в основном закончена. Консультант Евлампий Дубровин составил

опись подготовленных к отправке предметов и их валютную оценку, уполномоченный МосЧеКа Ясенев придирчиво сверил её с наличным инвентарём, стажёр Кирбазаев уложил вещи в служебный "Паккард". Оставался только один, чисто технический момент — объясниться с прежней крышей из уголовки, которая должна было вот-вот появиться.

Пока шли минуты томительного ожидания, Ахмед алчно посматривал на богатую коллекцию холодного оружия, украшавшую стену трактира.

Подметив специфический интерес своего порученца, старший уполномоченный наклонился к нему и тихо сказал:

— Забудь. Пользоваться надо только такими вещами, за которыми заведомо нет криминальной истории. А эти предметы надо сначала *отмывать*.

— Отмывать? — непонимающе переспросил Кирбазаев.

Бывший полковник усмехнулся и в нескольких словах объяснил неопытному коллеге смысл слова *отмывание* и технологию этого дела.

Ахмед понял не всё, но основное, и потому посмотрел на висевший на стене кинжал, который он уже примерил было себе, с сожалением.

— Не расстраивайся, — полковник ободряюще хлопнул помощника по плечу. — После распродажи товара ты сможешь купить себе такую игрушку, если захочешь, совершенно законно.

— Идут, — прервал их диалог начальник службы безопасности Хват и кивнул в сторону окна. Рядом с "Паккардом" чекистов стоял милицейский фургон; к трактиру подходили трое в форме. В одном из них старший уполномоченный без особого удивления узнал своего недавнего знакомого Глеба Жиголова.

А вот для муровцев появление чекистов в трактире оказалось неприятной неожиданностью.

— Товарищ уполномоченный, что вы здесь делаете? — весьма нелюбезно обратился оперативник к сидевшему за столом Ясеневу. — Здесь должна проводиться спецоперация МУРа.

— Здесь проводится спецоперация МосЧеКа, — небрежно ответил тот. — В вашем присутствии нет никакой необходимости.

Красивое мужественное лицо Жиголова исказилось от гнева.

— Вы... вы превышаете свои полномочия, — процедил он. — Товарищ Яacobсон из горкома партии будет очень недоволен.

— Товарищ Иванник из секретариата ЦеКа одобрил нашу операцию. Товарища Яacobсона и вас он ждёт с докладом, — парировал чекист. — Поспешите. Не стоит утомлять его ожиданием.

Изо всех сил хлопнув дверью, Жиголов и его коллеги покинули помещение. Уполномоченный проводил их взглядом, потом повернулся и сказал своему порученцу:

— Вот так-то, стажёр Кирбазаев. Век живи, век учись. Тут тебе не сражения с беляками, где всё ясно, кто враг, кто друг. Тут сегодня боевой товарищ, а завтра — оборотень в форме, антикварными вещами спекулирует. — И старший уполномоченный МосЧеКа Ясенев тяжело вздохнул, словно выявившееся участие оперативника МУРа Жиголова в крышевании банды подпольных барыг напрочь подорвало его веру в человечество.

*

— Двигай на Николаевский вокзал, там стоит спецпоезд, куда сгрузим товар, — дал команду старший уполномоченный. — По пути заверни ко мне домой, захватим вчерашнюю

поставку.

Притормаживая машину возле дома Ясенева в Кривоколенном переулке, стажёр спросил: - А разве не нужно было бы сначала оценить стоимость предметов, что мы вчера взяли?

— Нужно было бы, — признал бывший полковник. — Но у меня пока нет специалиста. — Произнося эти слова, Перекуров думал о Евлампии, которому он в будущем отводил именно такую роль. Вот только пока что привлекать его было рискованно. Корнеич — вор в законе — не потерпит прямой работы своего человека на ментов.

Старший уполномоченный достал ключ от квартиры и кивнул помощнику. — Пошли. Упакуешь чемоданы и погрузишь в машину. Завтра выезжаем в Петроград, а оттуда в Ревель.

Глава 6. Беседа об искусстве.

Советская Россия начала 1920-х гг. находилась, фактически, в блокаде — дипломатической и торговой. Раньше всего эту блокаду удалось прорвать на балтийском направлении: в январе 1920 года между РСФСР и объявившей о своей независимости Эстонией начались переговоры, завершившиеся установлением мира и отправкой в Ревель, столицу Эстонии, торговых агентов. Они занимались продажей за валюту драгоценностей, антиквариата, картин, мехов, и закупками военного снаряжения, техники, медикаментов. Валюта переводилась также на зарубежные счета разных советских организаций.

По договорённости с наркоматами путей сообщения и иностранных дел, вещи для продажи доставлялись в Ревель на особом поезде, сопровождаемом сотрудниками ведомств, ответственных за их поставки. Тут были представители наркомвнешторга, Реввоенсовета, Коминтерна, и других структур.

Старший уполномоченный МосЧеКа Пётр Матвеевич Яснев входил в группу, отвечавшую за вагон с ценностями, валюта от реализации которых должны были пойти на тайные заграничные счета непосредственно партии — "золото партии", как он полушутя говорил про себя. Впрочем, этим занимались особо доверенные товарищи. Его задача была много проще — распродать начинку пяти чемоданов — в них уместились вещи, полученные от Корнеича и изъятые у банды Фрекса — а затем передать чеки и валюту курировавшему его деятельности секретарю ЦеКа — за вычетом доли хозяев вещей, посредников (фирмы Корнеича) и его собственной.

Яснев занял диван в двухместном купе, а его помощник расположился вместе с охранниками в общем вагоне. В Москве к уполномоченному никто не подсел, и тот уже задавался вопросом — не останется ли он в одиночестве до конца поездки, что было бы немного странно, учитывая число желающих любыми способами покинуть первое в мире государство рабочих и крестьян. Однако в Петрограде, перед отправлением поезда, когда Яснев вернулся после прогулки в своё купе, он обнаружил там плюгавого человечка, устроившегося на втором диване и выкладывавшего на стол водку и закуски.

Попугчик представился старшему уполномоченному как "писатель Ваннерман" и вскоре они уже завели, под звон стаканов, беседу об искусстве.

В прежнем мире Перекуров почитывал художественную литературу, так что Ваннерман оказался для него собеседником интересным. Писатель, в свою очередь, был рад внимательному слушателю и увлечённо рассказывал о своём творчестве. Он похвастался, что одну из его повестей наркомпрос включил в список литературы, рекомендуемой для среднего школьного возраста, и Перекуров, напрягши память, вспомнил, что, действительно,

в его время учительница читала им повесть Ваннермана "Лучший друг детей". Затем писатель стал похвалиться связями в мире искусства. Рассказал о салоне Лили Брик, который посещали звёзды советской литературы — а также, добавил он, бросил взгляд на кожанку собеседника — ответственные товарищи. Перекуров, немного поразмыслив, понял, что его знакомец имеет в виду особоуполномоченного Агранова, восходящую звезду ВЧК, будущего героя крупных политических процессов 1930-х гг., который в послереволюционный период, так сказать, курировал советскую творческую интеллигенцию.

А писатель, окончательно опьянев, тем временем гордо сообщал о своих гонорарах, о своих знакомствах, о дядюшке из Америки, который год назад приехал в Советскую Россию, и, почти не зная русского языка, стал комиссаром Литературного института. Вслед за чем он выразительно и с жестикуляцией стал читать отрывок из своей новой революционной поэмы. Поскольку писатель уже еле вязал слова, Ясенев-Перекуров сумел уловить только общий сюжет повествования — где в ледяной воде под огнём безжалостного врага тонул красный командир, которого ждала любимая, а свой дополнительный паёк под койкой он не жрал втихаря и за спины красноармейцев под пулями не прятался. Но, когда он выплыл, её убили, и сыновья у них не родились, и Эпохи Милосердия они вместе не дождались.

Услыхав знакомое название, Перекуров наострил уши и спросил у попутчика: не знаком ли он с Львом Борисовичем Фельдцерманом? Пьяно ухмыляясь, тот ответил, что они не встречались лично, но у них есть общий приятель — и назвал фамилию, довольно известную в советское время. Как помнил Перекуров, один из представителей этой семьи был видным экономистом, редактором журнала "Коммунист", его сын стал олигархом, племянник — кинокритиком. Брат родоначальника семейства, крупный писатель, во время войны дожидаясь Эпохи Милосердия в Ташкенте, откуда слал горячие приветствия доблестным бойцам Красной Армии. Его внучатые племянники, братья-близнецы, тоже пошли по писательской части.

Быстренько покрутив в уме все эти факты, старший уполномоченный понял, что ему в руки попал отличный *материал* на нового знакомого. Теперь писатель Ваннерман, как приятель родича троцкиста Фельдцермана из Ровно, был у него на крючке и мог, при надобности, без особого труда пополнить список "необоснованно репрессированных кристально честных коммунистов".

А тот, ничего не подозревая, заливался соловьём, сообщая, что его последнюю повесть читал нарком просвещения Луначарский, что её похвалил сам Маяковский, что её выдвинула на премию Ассоциация пролетарских писателей.

Материал было бы неплохо дополнить, и уполномоченный небрежно спросил:

— Изображаешь, значит, врагов революции как чертей из ада, а наших комиссаров — как святых подвижников?

— Нет, для реализма добавляю, что и наши могут ошибаться, но хотят-то они хорошего, вот что главное. И рассказы выходят жизненные. Таковы принципы художественного творчества, — икнув, сообщил Ваннерман.

— Ну а доведись тебе оказаться на другой стороне, изображал бы, поди, комиссаров чертями из ада? — по-свойски подмигнул ему Ясенев, но писатель, словно внезапно протрезвев, остро глянул на чекиста своими чёрными глазами и ничего не ответил, только опрокинул в рот ещё один стакан водки и захрустел солёным огурцом.

Глава 7. Бизнес в Ревеле.

Спецпоезд пришел в Ревель рано утром. На перроне приезжих встречала группа субъектов, по виду типичных международных гешефтмахеров, с бегающими глазками и физиономиями плутов. Они, очевидно, имели уже отработанную технологию взаимодействия с поставщиками, поскольку сразу подходили к своим клиентам, получали от них списки предметов на реализацию и отбывали восвояси. К покинувшему вагон Ясеневу никто не подошёл, хотя парочка спекулянтов и бросила в его сторону заинтересованные взгляды. Писатель Ваннерман незаметно исчез.

Вздыхнув, чекист приказал Кирбазяеву сгрузить поклажу. Затем он кликнул такси и попросил шофёра отвезти их в гостиницу, которую занимают советские дипломаты. Это оказалась "Золотая Рысь", старое обветшалое здание, возле которого по тротуарам гуляли такие же гешефтмахи — ловля рыбки в мутной воде полузаконной торговли привлекала многих.

Сопровождаемый порученцем и носильщиками, тащившими чемоданы, Ясенев заказал номер, поднялся туда, велел принести обед и, приняв душ, поспал. После чего направился в апартаменты посольства, отыскал кабинет секретаря по торговле, постучал, вошёл и, без долгих рассуждений, положил перед тем мандат, список предметов, предлагаемых для реализации, а рядом — три банки с чёрной икрой. Банки секретарь привычным жестом смахнул в ящик стола, список же принялся внимательно изучать.

— Годится, — вынес он, наконец, вердикт. — Вы будете постоянным поставщиком?

Ясенев кивнул.

— Тогда я советую вам обратиться к Якобу Штальмайеру, это оптовик, он платит сразу, если, конечно, договоритесь по ценам. Назад что-нибудь повезёте?

— Только чеки, — ответил уполномоченный.

Секретарь нажал кнопку звонка и велел явившемуся клерку: — Проводи товарища, — он глянул на мандат-Ясенева в офис Штальмайера и помог ему, после заключения договора, с банковскими транзакциями. — С этими словами он черкнул на бумажке пару строчек и передал её Ясеневу. — Отдадите Штальмайеру, что делать дальше он скажет, — пояснил секретарь.

Двигаясь вслед за клерком по узкому тротуару, старший уполномоченный вполуха слушал словоохотливого провожатого, который, по ходу дела, рассказывал новоприбывшему о жизни посольства вообще и торгового отдела в частности. Поначалу Ясенева напрягали многократные заверения клерка в своей честности и неподкупности, но потом, уяснив, что под этим имеются в виду два процента комиссионных в бюджет посольства от общей суммы сделки, он успокоился и стал обращать больше внимания на окружающий пейзаж, чем на местные сплетни. Наконец, они дошли до трёхэтажного дома с колоннами и характерной для всего города остроконечной крышей.

— Нам сюда. — Посольский служащий поздоровался со стоявшим на входе охранником, который открыл перед ними массивные двери. — Направо, затем по лестнице на второй этаж. Я подожду вас здесь. — Он сел в одно из кресел, стоявших в вестибюле, и взял со столика газету.

Старший уполномоченный пожал плечами и зашагал в указанном направлении.

Якоб Штальмайер с виду был типичным западно-европейским бюргером — плотная фигура, короткая стрижка, чёрный костюм, белая рубашка, аккуратно повязанный галстук. Записку от секретаря торгового отдела он, прочитав, небрежно отложил в сторону, зато

список предлагаемых ценностей принялся изучать очень внимательно. Время от времени он фыркал — видимо, из-за цен, которые Яснев для вещей от банды Фрекса поставил отчасти наугад. Цены на товар от Корнеича он увеличил на 15 процентов, поскольку был уверен, что придётся торговаться.

Наконец, перекупщик закончил изучать список и принялся быстро черкать в нём карандашом, проставляя свои расценки.

— Вот, — закончив манипуляции, он пододвинул листок бумаги к уполномоченному. — Наши предварительные предложения. Окончательную оценку можно будет дать после осмотра вещей.

Яснев взял прейскурант и углубился в его чтение, а Штальмайер, слегка наклонив голову, принялся незаметно изучать сидевшего напротив него человека. Что-то в нём было непонятное. Простецкая физиономия плохо сочеталась с чёткими выверенными движениями. "Разведчик или чекист", — подумал про себя Штальмайер. Его гость, словно уловив мысли хозяина, неожиданно вскинул голову, мельком скользнул по нему взглядом и снова занялся чтением. Цены на товары вернулись практически к тем, которые проставил оценщик фирмы Корнеича, что подтвердило его квалификацию и добросовестность скупщика. Поэтому Яснев решил не оспаривать прайс, а отдал его обратно с согласным кивком.

— Мы остановились в гостинице "Золотая Рысь", — сообщил он. — Ваш человек может посмотреть вещи, когда ему удобно.

— Хорошо. Тогда не будем терять времени, — ответил коммерсант и взял трубку телефона. — Грег, зайди ко мне, — распорядился он.

Через минуту в кабинет вошёл молодой человек с папкой в руках.

— Проведёшь окончательную оценку товара, — перекупщик протянул ему прейскурант. — Вам наличные или чеки? — повернулся он к клиенту.

— Чеки Банка Англии по пятьдесят фунтов стерлингов на предъявителя, и сотня мелким кэшем, — сообщил Яснев.

Штальмайер кивнул. — Идёт. Составишь договор, — обратился он к своему подчинённому. — Чеки заверишь в местном отделении банка Ллойда. Устраивает? — он снова повернулся к клиенту.

— Вполне, — отозвался тот.

*

Деловая атмосфера советской нэповской торговли в Ревеле понравилась бывшему полковнику и напомнила ему обстановку в российском бизнесе ХХІ века, когда тот уже упорядочился и всяк сверчок знал свой шесток, а также свои отношения с чиновниками: этому надо дать столько-то, а вот этому столько-то. Кончил дело — гуляй смело и приглашай всех причастных на банкет. Для последнего уполномоченному и потребовалась сотня фунтов наличными вразбивку.

Однако, как Яснев знал из истории, период нэпа в Советской России длился недолго. Вскоре прежняя партийная элита неожиданно для себя сначала оказалась оттеснённой от власти, а затем и вовсе сгинула в подвалах Лубянки и лагерях ГУЛАГа. Настало время сталинизма.

Другим путём пошла Российская Федерация ХХІ века. Российские эффективные менеджеры, в своём большинстве потомки *необоснованно репрессированных кристально честных коммунистов*, взяли реванш за поражение родичей. Реванш с громадной

контрибуцией — всё, созданное народом при Сталине, стало их собственностью. А так как история любит пошутить, то вскоре они решили ещё и отзеркалить сталинизм, сделав своего рода гротескную пародию на него. Возможно, так выглядела бы Советская Россия в случае победы в ней в 1920-х — 30-х гг. троцкизма.

Под мерное постукивание колёс спецпоезда, неторопливо отсчитывавшего километры на пути из Ревеля в Москву, старший уполномоченный МосЧеКа Пётр Матвеевич Ясенев, он же бывший российский полковник спецслужбы Фёдор Михайлович Перекуров сравнивал свой прежний мир с тем, в котором он волею судеб оказался ныне.

Эпизод

Вернувшись домой после отчётного визита в секретариат ЦеКа и в фирму Корнеича, старший уполномоченный спрятал в тайнике чеки, затем перекусил, затем задумался о дальнейших планах.

На ближайшие годы, до окончания нэпа, положение, в целом, определилось. Копить валюту, расширять связи, собирать *материал*. Укреплять профессиональную репутацию, давая в МосЧеКа прогрессорские уроки из практики продвинутого общества.

А что, если он не успеет или не сумеет уехать, и ему придётся жить здесь во времена Сталина? Как быть тогда?

Полковник вспомнил наивные романы о попаданцах, которые оказавшись в Советском Союзе тридцатых или сороковых годов, стремились на приём к Сталину, чтобы помочь стране в будущей войне, и он усмехнулся. Если бы кто-то из таких попаданцев встретился со Сталиным и рассказал ему про Российскую Федерацию XXI века, то мы все уже давно пили бы баварское. А поскольку история не изменилась, то, значит, никто ни Сталину, ни советским командирам времён Великой Отечественной войны про самые длинные в мире яхты, супердворцы, золотые унитазаы и пьяных мальчиков не рассказал.

Так что надо быть реалистом и готовить, как говорили в его время в кругах российской элиты, "запасной аэродром" — недвижимость на берегу южного моря и счёт в швейцарском банке.

Часть 3

Глава 1. Нефтедоллары.

— Отлично сработано, — вкладывая фотографию в приклеенный кармашек довольно пухлой папки, похвалил своего подчинённого, агента III разряда Ахмеда Кирбазаева старший сотрудник особых поручений ОГПУ Пётр Матвеевич Ясенев. На чуть размытом снимке полный лысый человечек в чёрном костюме, с виду типичный совслужащий, получал от сидевшего рядом с ним за ресторанным столиком высокого холёного иностранца плотно набитый конверт.

Ахмед поправил висевший на поясе громадный кинжал. — Надо брать шакала, — с заметным кавказским акцентом произнёс он. — Бабло он хранит дома, я проследил. — Можно взять много. Айя, как много! — прищёлкнул он языком. — Этот борхатаб бахр ему уже шестой конверт даёт.

Старший сотрудник по особым поручениям усмехнулся и отрицательно покачал головой. — Мы не будем делать бульон из курицы, которая может нести золотые яйца, — сообщил он, выдвигая верхний ящик стола и возвращая туда папку. На лицевой стороне её

обложки значилось слово "Рыбопром", но это была только маскировка её основного содержания. Хотя текущим заданием группы Ясенева, входившей в отдел по борьбе со спекуляцией московского отделения ОГПУ, действительно было расследование уклонения от налогов кооперативного объединения "Рыбопром", однако гораздо больше Петра Матвеевича интересовала неофициальная разработка Анатолия Авксентьевича Бодуна, ответственного сотрудника объединения "Нефтесиндикат", материалы по которому, для конспирации перемешанные с "рыбопромовскими", и хранились в этой папке.

Вскоре после преобразования ЧеКа в ГПУ, а затем в ОГПУ подразделение по пресечению незаконного оборота ценностей было включено в отдел по борьбе со спекуляцией. Ясенев, получивший звание старшего сотрудника особых поручений, стал руководителем небольшой группы, в которую вошёл Ахмед Кирбазаев, повышенный из стажёров вагенты III разряда, и Митя Фельдцерман, племянник Льва Самойловича назначенный сразу агентом II разряда. Через некоторое время Ясенев посодействовал переводу в Москву работника Тверского губотдела ОГПУ Мокея Телятникова. Этому кадру он заметил во время своей недельной командировки в Тверь. Московскому чекисту было поручено разобраться с сигналами о хищениях реквизированного церковного имущества. Во время расследования Ясенев вышел на Телятникова, собрал на него хороший *материал*, и вызвал для личной беседы. По мере предъявления показаний свидетелей, провинциал принимал всё более грустный вид. Убедившись в готовности клиента, столичный гость предложил ему написать явку с повинной и указать места хранения похищенных ценностей. После чего часть украденного была обнаружена в заброшенной даче, парочка попов арестована, дело успешно закрыто, а перспективного кадра Ясенев порекомендовал к переводу из провинции в столицу, где тот вскоре и обосновался при его группе. *Материал* на Телятникова — его признание вместе с показаниями нескольких свидетелей — был отправлен на хранение в надёжное место, так что в преданности своего нового подчинённого Ясенев мог не сомневаться. Наличие компромата всегда являлось лучшей рекомендацией и самой весомой гарантией верности начальству российских чиновников. Вот почему воры и казнокрады, на которых имелся *материал*, во все времена были наиболее преданной опорой властей и быстрее других продвигались по служебной лестнице — если, конечно, они правильно заносили и не начинали копать под своё руководство.

Перевозками антиквариата в Ревель Ясенев занимался недолго. Валюта от них поступала хоть и надёжно, но в небольших количествах. Через некоторое время он передал, за половинную долю, этот бизнес Телятникову, которого произвёл в свои заместители, и которого плотно держал на крючке. А сам бывший российский полковник занялся поисками более обширной кормовой базы, используя свой прежний опыт и нынешние возможности.

Из институтского курса истории КПСС Перекуров-Ясенев помнил, что органы ОГПУ НКВД, в которых он сейчас служил, во второй половине тридцатых годов несколько раз перетряхнут, и тех кристально честных чекистов, которых не расстреляют при Ежове, посадят при Бериин. Так что 35-й год можно было считать крайней точкой его пребывания в этой организации. Собственно, к тому времени вообще следовало бы изыскать способ покинуть первое в мире государство рабочих и крестьян. Разумеется, с накопленным капиталом в виде солидного счёта в иностранном банке и коттеджа в цивилизованной стране. Впрочем, учитывая ещё и надвигающуюся войну, подобрать такое место было непросто. Вилла в Испании, самое популярное вложение средств российских эффективных менеджеров, равно как и квартира с видом на Темзу или домик у озера в Италии,

излюбленные места обитания российских патриотов его времени, отпадали. Швейцария была неплоха, но тоже небезопасна — с конца 30-х там плотно обоснуются гитлеровские спецслужбы, и бывший чекист очень даже мог бы их заинтересовать. Оставалась только Америка. Перебраться туда и решил, после раздумий, бывший российский полковник. Вот только все эти проекты мало что стоили без солидного финансового обеспечения. Увы, крохами, какие доставляло курирование контрабанды антиквариата, на коттедж и нормальный счёт в банке пришлось бы копить ещё лет двадцать.

Перебирая крупных бизнесменов, которым можно было бы предложить крышу, Перекуров припоминал известные ему факты из истории. Первым ему пришёл на ум знаменитый *Арманд Хаммер*, медик из США, который, приехав в Сов. Россию ещё при Ленине, занялся спекуляцией икрой и мехами, потом открыл карандашную фабрику, а потом, накопив капитал, принялся массово скупать по дешёвке царские вещи, прочий ценный антиквариат, и домой вернулся мультимиллионером. Увы, первые же попытки наведения справок об американце показали, что его бизнес крышуют люди из группировки Троцкого-Зиновьева- Каменева — так называемой "новой оппозиции", которая, хотя и понесла в середине двадцатых годов серьёзные политические потери, однако в хозяйственной жизни страны ещё имела немалый вес. Поэтому сбор компромата на шустрого "врача" представлялся крайне рискованным.

Затем бывший российский полковник вспомнил известное из советских учебников по истории название — *Ленские золотые прииски*. Эта компания, печально прославившаяся в царское время массовым расстрелом рабочих, после революции была вначале национализирована, а потом снова передана иностранцам, фирме "Лена Голдфилдс". Запросив в канцелярии Главконцесскома копию договора, бывший полковник даже присвистнул от изумления — английская компания должна была отдавать СССР только 7 (семь) процентов от добываемых ею на Лене, на Алтае, на Урале золота, меди и других металлов. Всё остальное отходило в её собственность. Причём концессия была заключена на тридцать лет.

— Этот менеджмент, пожалуй, даже эффективнее нашего прошлого, то есть, тьфу, будущего, — сказал вполголоса бывший российский полковник, изучая условия договора. — Какие откаты здесь можно будет получать!! — он мечтательно прищёлкнул языком.

Однако, дочитав материалы до конца, Яснев-Перекуров отчётливо понял, что ему, скромному оперативнику ОГПУ вклиниться в этот эффективный менеджмент никак не удастся — договор украшали подписи Троцкого, на тот момент председателя Главконцесскома, и его заместителя и ближайшего соратника Иоффе.

Поразмыслив ещё немного и перебрав знакомые ему из прежней жизни виды эффективного бизнеса — ввоз и захоронение на территории страны радиоактивных отходов, поставку протухшей еды для школьных завтраков, распродажу земли в водоохраных зонах под дачи уважаемым людям и прочее подобное — Яснев-Перекуров остановился на экспорте нефтепродуктов. Из высоких партийных чинов эту, потенциально очень прибыльную, деятельность пока никто, как ни странно, не курировал, а, значит, здесь имелось поле для манёвра. Правда, среди руководства нефтяников мелькала фамилия Серебровского, согласно досье давнего знакомого всё того же Троцкого — в его доме последний останавливался после возвращения из эмиграции в 1917 году — но он не имел особого влияния в партии а был, по существу, как следовало из его досье, просто инженерным работником.

— Итак, займёмся нефтью, — подвёл итог своих экономических изысканий бывший российский полковник. — К счастью, сейчас не 37-й год, — усмехнулся он. Не так давно это выражение было как бы слоганом демократов, повторяемым ими при каждой попытке привлечь к ответственности хоть какого-то крупного вора. Однако его же через некоторое время, после перехвата власти, стали использовать и патриоты, к которым Фёдор Михайлович Перекуров с полным основанием относил себя самого.

— Да, до 37-го года ещё далеко, — повторил вполголоса бывший российский полковник. — Поэтому займёмся делом. Тварь я дрожащая или право имею? — задал он сам себе сакраментальный вопрос, поставленный некогда его знаменитым тёзкой.

Он собрал из публикаций центральной прессы и профильных изданий информацию о работе "Нефтесиндиката", главной организации СССР по торговле нефтепродуктами с зарубежными странами, затем запросил служебную документацию по сбыту и принялся её внимательно изучать. Из опыта прошлого ему было ясно, что основным методом эффективного менеджмента в нефтянке станет занижение количества реальных экспортных поставок и распил стоимости полученной разницы между представителями советской и иностранной сторон. Достаточно легко он нашёл и человека, от которого зависело окончательное оформление документов на поставку. Им оказался Анатолий Авксентьевич Бодун, ответственный работник синдиката. Сравнив накладные низовых трестовых организаций на поставленную нефть со счетами, выставленными "Нефтесиндикатом" зарубежным фирмам, Перекуров-Ясенов убедился в том, что Бодун действительно занижал объём экспортных поставок, примерно на десять процентов. Получившуюся разницу он, очевидно, делил с управляющими западных компаний, покупавших нефть. Обрадованный полковник решил было, что эффективный менеджер уже у него в руках, но, изучив документы до конца, понял, что дело сложнее, чем представлялось на первый взгляд. Оказалось, что Бодун не просто занижал объём отправленной продукции, а засчитывал эту разницу в качестве очередной выплаты американской "Стандард ойл" за поставленное той новейшее нефтяное оборудование. Бывший российский полковник, исходя из своего прошлого опыта, мог бы поклясться, что цены на оборудование в подобных расчётах являются завышенными и что именно такая наценка составляет в данном случае суть эффективного бизнеса — вот только доказать это, в отличие от прямой фальсификации документов, было ой как непросто. Пришлось ему обложиться техническими справочниками и рекламными буклетами нефтяных фирм и с карандашом в руках трудолюбиво вычислять разницу между рыночной стоимостью бурового оборудования и расценками, по которым проводились компенсационные выплаты. В результате оказалось, что его подопечный занижал стоимость экспортной нефти в среднем на восемь тысяч долларов в месяц. Если предположить, что половина этой суммы уходила компании, половина оставшегося — в карман непосредственно управленцев компании, то на долю Бодуна приходилось около двух тысяч полновесных американских долларов в месяц. "Из этой суммы мы и будем исходить", — сказал сам себе полковник, завершая подсчёт. Вслед за чем он поручил своему подчинённому установить слежку за эффективным менеджером. Несколько раз Ахмед Кирбазаев фиксировал встречи Бодуна с представителем рокфеллеровской "Стандард ойл", а вот теперь ему удалось и сделать снимок в ресторане "Националь", на котором было видно, что американец передаёт сотруднику синдиката крупную взятку. Бодун, наконец-то, оказался на крючке.

Ясенов запер ящик стола на ключ и, видя, что Ахмед продолжает хмуриться,

наставительно сказал ему:- Помнишь, я объяснял тебе разницу между одноразовой реквизицией и постоянным *крышеванием*?

Кавказец задумался, потом кивнул.

— Значит, мы будем его стричь, как барана? — спросил он.

— Именно, — подтвердил старший сотрудник ОГПУ. — Мы не только не арестуем его, мы будем его поддерживать и прикрывать. Нет более верного клиента, чем надёжно скомпрометированный чиновник, — добавил он. — Но сначала нужно с ним побеседовать. Бодун через неделю отбывает в Краснодар на совещание технических специалистов нефтяных трестов. — Ясенев придвинул к себе пачку бумаг, достал оттуда одну, заполнил и протянул помощнику. — Вот предписание, возьми в кассе деньги, и дуй на Казанский вокзал за билетами. Мы отправляемся в Краснодар.

*

Чекисты обосновались в том же вагоне первого класса, что и их клиент, только в другом купе. Проходя пару раз мимо раскрытой двери двухместного люкса, который занимал нефтяник, Ясенев как бы невзначай бросал туда взгляд. Бодун сменил свой прежний чёрный костюм на потрёпанную спецовку, несомненно, чтобы лучше приспособиться к предстоящему общению в рабочей среде. Компанию ему составлял мрачный полууголовный тип, одетый в грубо выделанную куртку, под которой виднелась матросская тельняшка, а карман справа недвусмысленно оттягивало что-то тяжёлое. Судя по всему, это был порученец либотелохранилитель ответственного работника.

Вагон постукивал колёсами, за окном мелькали леса, луга, редкие посёлки — обычные пейзажи среднерусской равнины. Путь предстоял неблизкий, и старший сотрудник по особым поручениям углубился в изучение статей о текущем положении дел в нефтяном хозяйстве.

К середине 1920-х годов основная часть нефти в Советском Союзе добывалась на Кавказе — в Азербайджане и в районе Чечни. Ещё одним местом нефтяного промысла, значение которого, впрочем, постоянно уменьшалось, являлась Кубань, где шестьдесят лет назад была устроена первая в России нефтяная скважина. Тогда, в 1866 году, около казачьей станции Крымская, с глубины 55 метров забил нефтяной фонтан, дававший 12 тысяч пудов нефти в сутки. На месте скважины потом установили нефтяную вышку. К концу 1870-х годов центр нефтяного промысла переместился в регион Баку — "где огонь горит неугасимый", — пробормотал по себе Перекуров, припомнив фразу из "Хождения за три моря" Афанасия Никитина. Там запасы нефти оказались куда больше, чем на Кубани, и добывать её было легче. К середине 1920-х годов Апшеронский (Бакинский) полуостров давал 2/3 всего производства нефти в СССР. Тамошние предприятия входили в трест "Азнефть". Постепенно увеличивал добычу и трест "Грознефть", работавший с нефтяными месторождениями Северного Кавказа. В 1920-е годы возобновилась добыча нефти на Кубани. Благодаря внедрению современных технологий её промысел стал выгодным, кроме того, кубанская нефть содержала меньше примесей, чем кавказская, и хорошо подходила для получения авиационного топлива. На Кавказе и на Кубани работали нефтеперегонные заводы. В Краснодаре — точнее, Екатеринодаре; такое название носил этот город в царское время, потому что окрестные земли были некогда переданы императрицей Екатериной II казакам, для освоения и охраны — завод по переработке нефти был основан ещё в 1911 году. Это было небольшое полукустарное предприятие, на котором работало всего полсотни человек. Как и нефтяная скважина в районе Крымска, он был одним из первых в России. За ним

последовало создание нефтеперегонных заводов в Азербайджане, Чечне, Майкопе. Трубопроводы, протяжённость которых постоянно увеличивалась, доставляли нефть и продукты её переработки — бензин, керосин, мазут, смазочные масла — к портам Чёрного моря, откуда они уже шли на экспорт в европейские страны. В 1926 году за рубеж было продано 1,6 миллиона тонн нефти, около трети всего количества, добытого тогда в СССР. Бензина уходило на экспорт порядка 90 %.

Со второй половины двадцатых годов первоочередной задачей нефтяного промысла в СССР стала механизация трудоемких процессов и внедрение более совершенного оборудования, на основе использования, прежде всего, американского опыта. Закупленные у "Стандард Ойл" новые машины позволили заменить устаревший канатно-ударный способ бурения на вращательный, а также использовать для откачки нефти мощные электрические глубинные насосы. Если в 1920 году на бакинских промыслах вращательным способом было пробурено около пятой части всех скважин, то в 1926 году их количество подошло уже к двум третям. А переход на насосный способ позволил обеспечить полную механизацию нефтедобычи. К середине двадцатых годов изменения в технологии бурения привели к десятикратному увеличению скорости проходки, использование же глубинных насосов снизило себестоимость добычи нефти вдвое.

За чтением хоть и утомительно-подробной, но очень познавательной технической литературы старший сотрудник особых поручений ОГПУ почти и не заметил, как пролетело время поездки.

*

Локомотив прибыл на городской вокзал Краснодара рано утром, по расписанию.

Клиент чекистов сел в служебную машину.

Яснев тоже мог бы заказать транспорт заранее, позвонив из Москвы в местное отделение ГПУ или в облисполком, но, чтобы не привлекать к их миссии лишнего внимания, он предпочёл снять возле вокзала извозчика.

Расписанная виньетка на резиновом ходу с упряжкой из двух гнедых лошадей неторопливо двигалась следом за направлявшимся от центра города в сторону нефтеперегонного завода автомобилем.

Распорядившись притормозить на углу Закубанского проезда, откуда были видны круглые цистерны нефтехранилищ, и проследив за высадкой пассажиров автомобиля у ведомственной гостиницы, Яснев велел поворачивать обратно. Извозчик довёз чекистов до Пролетарской улицы, где, в общежитии местного ГПУ, расположенном недалеко от вокзала, они и обосновались.

*

Всесоюзное совещание инженерно-технических работников нефтяного хозяйства должно было начаться в 11 часов утра, в актовом зале административного здания, расположенного на том же Закубанском проезде, рядом с гостиницей.

Поскольку времени до мероприятия оставалось ещё порядочно, старший сотрудник ОГПУ решил поближе познакомиться с местом действия. Оставив инструкции своему подчинённому, он отправился на завод. Издали осмотрел громадные нефтехранилища и устроенные рядом с ними нефтеперегонные кубы, заглянул в производственные цеха, прошёлся по центральной улице заводского посёлка, мимо дощатых бараков для приезжих рабочих. За полчаса до начала совещания Яснев направился к зданию администрации.

Когда он вошёл в холл, там уже толпилась разношерстая публика. Большинство её

составляли технические специалисты. Среди них было и нескольких иностранцев, в том числе тот высокий американец, представитель "Стандард Ойл", с которым клиент чекистов встречался в ресторане "Националь". Около стойки буфета кучковались канцелярского типа личности, с виду мелкие местные боссы из парткома и фабзавкома. Пару раз появлялись, разыскивая кого-то из начальства, рабочие в перепачканных мазутом спецовках.

Наконец, по громкоговорителю прозвучало приглашение к участникам совещания проходить в зал, и те нестройной толпой потянулись в открывшиеся двери.

Ожидая начала мероприятия, Яснев устроился на краешке пятого ряда и углубился в чтение местной производственной газетёнки. Основное её содержание составляли статьи с бравурными заголовками, призывавшими трудящихся завода "драться за всемерное развертывание встречного промфинплана", "развивать соцсоревнование и ударничество", а также организовывать "сквозные бригады", "оперативно-плановые группы" и "рационализаторские артели". В переводе с языка советских канцеляризов, всё это обозначало разного рода добровольно-принудительные приёмы, имевшие целью повысить доходность предприятия за счёт недооплаты рабочего труда.

Ровно в 11-00, с громким боем настенных часов, на сцену вереницей вошли президиума и принялись рассаживаться за украшенным кумачовым флагом столом. Среди них был и одетый в спецовку-комбинезон Бодун.

Первым выступил заместитель директора завода. Он указал на важное значение производства нефтепродуктов для экономики молодого Советского государства, особенно, для получения так нужной для закупок современных станков иностранной валюты. Взявший слово следом парторг призвал коммунистов и беспартийных приложить все свои силы к выполнению их предприятиями напряжённых планов главка по добыче и переработке нефти.

Затем началась содержательная часть — доклады технических специалистов.

Сидевшие в зале — а это были, в основном, инженеры и представители западных торговых фирм — оживились и зачёркали авторучками в блокнотах, записывая параметры предлагаемых машин, цены на них, информацию о спросе на нефтепродукты и прочее. Наибольший интерес вызвало обсуждение внедрения на предприятиях нефтяной отрасли крекинга — метода разложения нефти под действием высокой температуры и давления.

Когда стрелки часов приблизилось к половине второго, деловое обсуждение закончилось и вновь пошли агитки, на этот раз от профсоюзных деятелей: призывы "не щадить сил", "ширить фронт работ", "догнать и перегнать", "усугубить и усилить".

Пропуская мимо ушей утомительную словесную трескотню, Перекуров-Яснев рассматривал развешанные вдоль стен зала красочные плакаты. В которых рисунки вышек, качающих из земли нефть, сопровождались сделанными аршинными буквами подписями:

Больше нефти в закрома родины!

Выше трудовой энтузиазм рабочих масс!

Мы придём к победе социалистического труда!

Портреты видных деятелей партии и правительства украшали здравицы;

Делу Ленина верны!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствуют товарищи Зиновьев, Каменев, Троцкий!

Бывший российский полковник мог бы рассказать присутствующим немало

интересного о судьбе помянутых лиц, а также разъяснить им реальный смысл приведённых лозунгов. Например, безудержно восхваляемые ныне в официальной советской прессе члены Политбюро Зиновьев и Каменев будут с конца двадцатых годов опускаться в партийной иерархии всё ниже и ниже, пока в 1936 году их не расстреляют как контрреволюционеров и врагов народа. Помянутый рядом с ними Троцкий будет в 1929 году выслан из СССР, после чего отбудет в Мексику, переживёт там ряд покушений, но, в конце концов, падёт от рук агентов Сталина. Что до *социалистического труда*, то он, действительно, на некоторое время *победит* в Советском Союзе, и даже поможет аграрной стране стать второй промышленной державой мира. Однако в исторической перспективе он получит смысл громадной недоплаты денег рабочим, колхозникам, специалистам — подавляющему большинству населения — недоплаты, которая через некоторое время конвертируется в прибыль олигархов — новых хозяев бывших социалистических предприятий. Именно она фактически станет ценой, которой будут оплачены дворцы олигархов, их самые длинные в мире яхты, их коллекции роллс-ройсов, бентли и элитных проституток.

Но, разумеется, бывший российский полковник ничего подобного говорить не собирался. Да ему никто и не поверил бы.

Когда время уже приближалось к перерыву на обед и некоторые начинали демонстративно постукивать по часам, председатель совещания неожиданно объявил о выступлении представителя ОГПУ из Москвы.

Под недоумевающе-настороженными взглядами затихшей аудитории Ахмед Кирбазев вышел на сцену, бодрым шагом подошёл к трибуне, возложил правую руку на свой громадный кинжал и уверенно заговорил:

— Товарищи! Ныне наша страна в едином порыве выполняет грандиозные планы, начертанные партией великого Ленина. Каждый день привносит в копилку Родины новые тонны угля, нефти, газа, металла, киловатты электроэнергии, километры тканей.

Однако, в то время как весь сознательный пролетариат Советской страны под руководством большевиков строит новую, социалистическую жизнь, ещё находятся выброшенные на помойку истории отбросы общества, ставящие свои личные и притом грязные делишки выше интересов народных масс.

Текст, который несколько часов назад вручил Ахмеду его начальник, он заучил наизусть, так что теперь шарил как по писаному, в прямом смысле слова:

— Помните товарищи, гидра контрреволюции не дремлет. Но меч партии, наши славные органы, всегда готовы пресечь преступную деятельность.

С такими словами Ахмед повернулся к президиуму, отыскал там взглядом Бодуна, пару минут мрачно смотрел на него, потом смачно сплюнул и снова повернулся к залу.

— Я говорю вам об этом, товарищи, потому что некоторые вредители, шпионы, взяточники радуются, когда им удаётся один-два раза обмануть наш народ. Но от расплаты не уйдёт никто из них. Карающий меч пролетарского правосудия непременно обрушится на головы всех врагов трудящихся.

Словно невзначай, он снова провёл рукой по кинжалу, повернулся в сторону президиума и кивнул, показывая, что речь окончена.

Под тихий тревожный гул аудитории председатель объявил перерыв на обед, вслед за чем местная руководящая верхушка, приезжие специалисты, а также иностранцы потянулись в спецстоловую. К спустившемуся со сцены чекисту подошёл управляющий заводским хозяйством и, растягивая в несколько напряжённой улыбке губы, подал приглашение на обед

вместе с красочно оформленным меню. Однако кавказец демонстративно отпихнул его руку, подошёл к стоявшим поодаль рабочим, что-то сказал им, а затем потопал вместе с ними к расположенной у проходной пивной-закусочной. Заводские служащие проводили всю компанию обеспокоенными взглядами.

*

Ответственный сотрудник "Нефтесиндиката" Анатолий Авксентьевич Бодун заказал на раздаче в спецстоловой рыбные деликатесы и белое вино. Он сел за отдельный столик, повязал на шею салфетку, взял вилку, отковырял кусочек белорыбицы, макнул её в соус, но изысканное кушанье не полезло ему в горло. Из памяти не выходила странная концовка совещания. Он бросил взгляд в сторону большого стеклянного окна, выходящего на жилой квартал, и увиденное там расстроило его ещё больше. Тайнственный чекист распивал пиво в компании рабочих, что-то обсуждая с ними и чокаясь кружками.

Пока Бодун размышлял откуда принесла нелёгкая этого типа и что от него можно ожидать, близ его столика обозначился и сел на соседний стул какой-то непонятный хмырь с пухлым портфелем в руках.

Вид незнакомца, фамильярно рассевшегося рядом, ещё больше раздосадовал нефтяника, и у него началась нервная изжога. Отложив в сторону вилку, он пару раз икнул, а потом с плохо скрытым неудовольствием уставился на незваного гостя.

— Я отвлеку вас только на минуту, — улыбнулся тот. — Позвольте задать вам всего один вопрос.

— Какой вопрос? — щурясь от падавших на лицо солнечных бликов, мрачно осведомился ответственный работник.

Снаружи, со стороны пролетарской пивной-закусочной доносился звон сталкивающихся кружек и гортанный хохот. Бодун мог бы поклясться, что это смеётся тайнственный чекист.

Тем временем присоседившийся незнакомец начал выкладывать из своего объёмистого портфеля какие-то документы.

— Вот, посмотрите, — положив на стол последнюю бумагу, предложил он, и ответственный работник "Нефтесиндиката", опустив взгляд вниз, с изумлением увидел копии счетов, которые он выставлял зарубежным фирмам, а рядом с ними — накладные на поставки нефти от трестов. Бодун прекрасно знал, что числа в первых существенно отличаются от сумм чисел во вторых — и что некоторая часть от этой разницы, конвертированная в валюту, каждый месяц оседает в его карманах. Он перевёл взгляд на незнакомца, а тот, снова улыбнувшись, увенчал кучку бумаг фотографией, на которой ответственный сотрудник принимал из рук представителя американской "Стандард Ойл" пухлый конверт.

— Мой вопрос простой: что вы предпочитаете — тысячу долларов наличными сознательному и разумному советскому гражданину, или карающий меч пролетарского правосудия разоблачённому шпиону и вредителю? — поинтересовался незнакомец.

Бодун перевёл взгляд обратно на документы.

— Откуда это у вас? Вы, собственно, кто будете? — судорожно сглотнув, спросил он.

Вразвалку, громко топая, к их столику подошёл давешний кавказец-чекист. Он уселся на стул и принялся сверлить ответственного работника тяжёлым взглядом. Как и было предписано ему в сюжете перфоманса, заранее составленного Перекуровым-Ясеныным.

Бодун затравленно глянул на кавказца.

— Мы — сотрудники московского отдела ОГПУ по борьбе со спекуляцией, —

небрежно сообщил Яснев.

В этот момент в спецстоловой появилось новое действующее лицо. Высоченный американец взял поднос с рыбными деликатесами, увидел в обеденном зале знакомого, приветственно махнул ему рукой, подошёл и, с бесцеремонностью, присущей янки, не спросив разрешения, плюхнулся на соседний стул.

— Glad to see you, Anatol, — громогласно объявил он.

Бодун вяло кивнул в ответ, потом уткнулся обратно в бумаги.

Яснев хмыкнул, а Ахмед Кирбазаев насупился.

Американец бросил на них мимолётный взгляд и принялся намазывать на хлеб с маслом чёрную икру.

— Who are these men? — спросил он, неделикатно тыча ножом в сторону визави Бодуна.

Сотрудник "Нефтесиндиката" тихим голосом объяснил who.

О, ГеПеУ! — на ломаном русском воскликнул американец. Он отложил бутерброд, повернулся к своим соседям и с интересом принялся их рассматривать. Заценил папаху, черкеску, вычурное оружие Ахмеда. Затем покачал головой, надкусил бутерброд и вновь перешёл на родную речь:

— Toto, I've got a feeling we're not in Kansas anymore¹, — сообщил он.

— Что он говорит? — требовательно спросил нахмурившийся Ахмед, возлагая правую руку на свой громадный кинжал.

— Он говорит, что ему очень нравится наша страна, — с кислой миной перевёл ответственный работник "Нефтесиндиката".

— Хм, — произнёс Ахмед, всем своим видом выражая недоверие.

— Вернёмся к нашим баранам, — переключил внимание нефтяника на себя старший сотрудник ОГПУ, сгребая со стола бумаги и возвращая их в портфель. — Что вы предпочитаете? Всеобщее осуждение коллег на этом совещании плюс десять лет тюрьмы шпиону и вредителю, или тысячу долларов разумному и сознательному советскому гражданину?

— Тысяча долларов, конечно, лучше, — сдавленным голосом признал очевидную истину Бодун.

— Тогда до скорой встречи в Москве, — сообщил Яснев, поднимаясь и забирая свой портфель. — Первого числа каждого месяца вас будет навещать мой помощник. Он кивнул на прощание и зашагал к выходу. Вслед за ним, окатив ответственного работника ещё одним недружелюбным взглядом, поднялся с места и Ахмед.

— Пхх. — Вспотевший Бодун снял с шеи салфетку, посидел немного, массируя виски, затем тоже встал и, пошатываясь, направился к выходу. Аппетит у него пропал окончательно.

Американец удивлённо посмотрел на оставленные почти нетронутыми отборные деликатесы — белую рыбу, крабовое мясо, устрицы в майонезе, паштет из омаров, бутылку "Цинандали".

— Oh, these weirdRussians, — покачал он головой и принялся за белужий суп.

Глава 2. Хоть кота пивом обольём.

После удачного завершения разработки Бодуна, старший сотрудник особых поручений ОГПУ вернулся к делу "Рыбопрома". В оперативном порядке этим трестом занимался член его группы, агент II класса Митя Фельдцерман, а Яснев только курировал действия

подчинённого и, с высоты своего немалого опыта, давал общие советы.

Расследование "Рыбопрома" началось не по предписанию начальства, а по просьбе Льва Самойловича Фельдцгермана, заведующего отделом распределения продовольствия в наркомате труда, хорошего знакомого Ясенева. Однажды, во время очередной передачи продовольственных талонов в ОГПУ для подтверждения их списания, старый друг попросил чекиста призвать к порядку зазнавшихся руководителей рыбного треста, особенно его астраханского филиала, которые уже полгода полностью игнорируют требование наркомата о присылке утверждённой планом части производимой ими продукции для передовиков и ударников производства.

Просьба пришлась Перекурову-Ясеневу очень даже по душе. Из прошлой жизни бывший российский полковник знал, что рыбное дело представляет необычайно благодатные возможности для эффективного бизнеса. Правда, и курировали его обычно весьма авторитетные люди, которым переходить дорогу было опасно. Однако, как известно, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Выслушав пожелание приятеля, бывший полковник даже потёр руки в предвкушении немалых доходов. Вот только Лев Самойлович почти сразу охладил его энтузиазм, попросив не слишком напирать на уклонение от налогов и спекуляцию, или, тем более, на связи с иностранными агентами и контрреволюцию, а только помочь восстановить деловые отношения с руководством.

— То есть, брать их под крышу или сажать не нужно? — разочарованно переспросил бывший полковник.

— Что вы, как можно? — ужаснулся Лев Самойлович. — Разве мы бандиты какие-нибудь? Там работают уважаемые люди. Их надо лишь чуть-чуть поправить... эээ... в дружеской беседе напомнить, что нашему наркомату полагаются поставки по государственным ценам, ежемесячно, для распределения среди передовиков производства, — он достал бумажку, — сто килограммов белых рыб, осетра и белуги, десять килограммов чёрной икры, бог весть сколько крабов — ах, извините, — подслеповато щурясь, уточнил он, — это из Камчатки, уже улажено. Так, значит, вяленые щуки, окуни, караси, плотва... да вот весь список. — Он положил на стол перед старшим сотрудником ОГПУ мелко исписанный листок бумаги.

— Ясно, — со вздохом отозвался Яснев. Отказать уважаемому человеку он не мог, хотя дело, похоже, выходило бесперспективным.

Запросив хозяйственную документацию "Рыбопрома", старший сотрудник ОГПУ углубился в её изучение. Прежний опыт быстро подсказал ему, где и как могут в этом бизнесе производиться хищения, приписки, уклонения от уплаты налогов, распилы государственных средств. Он уже приступил было к конкретным расчётам, но тут настали горячие деньки разработки Бодуна, и Яснев передал "рыбопромовское" дело Мите Фельдцгерману, а потом отправил его в Астрахань для изучения ситуации на месте.

Фельдцгерман вернулся в Москву из командировки в тот же день, когда Яснев и Кирбазаев прибыли из Краснодара. Агент II класса привёз неплохой материал. К уже найденным искажениям отчётности и завышению стоимости выполненных работ добавились фотографии обветшалых заводских корпусов, гниющих куч отходов в консервных цехах, убогих дощатых бараков рабочих — из чего следовало, что средства, отпущенные на усовершенствование производства и улучшение условий труда были потрачены нецелевым образом — попросту говоря, разворованы.

Поработав ещё немного над балансами предприятия, Яснев счёл, что собранного

материала достаточно, составил общую сводку, рассортировал снимки, отобрал наиболее выразительные из них, и отправил для переговоров в главк своего помощника. Во внутреннем кармане кожанки тот держал наготове бумажку, исписанную мелким почерком Льва Самойловича.

Переговоры с руководством рыбного треста прошли успешно, чему немало поспособствовала начертанная старшим сотрудником на ватманском листе схема с квадратами, ромбами, стрелками и именами, наглядно изображавшая откаты, распилы, хищения, взятки и прочие коррупционные связи действующих лиц, многие из которых занимали весьма высокие посты.

Из главка Митя Фельдцерман вернулся сияющий — все проблемы улажены, Лев Самойлович горячо благодарит. Однако на вопрос начальника: как намерены рыбопромовцы оплатить ему труд по улучшению работы их отрасли? он принялся бормотать что-то невнятное и, в конце концов, отведя глаза, сообщил, что из Астрахани от уважаемых людей будет ежемесячно поступать пара осетров и пять баночек чёрной икры.

— Ну что ж, — со вздохом согласился старший сотрудник по особым поручениям, визируя отчёт своего помощника и собирая все бумаги по делу "Рыбопрома" в общую папку, — как говорится: не удалось искупать коня в шампанском, так хоть кота пивом обольём.

*

Когда Яснев запечатал и отдал курьеру для отправки в архив материалы по рыбному делу, в его кабинете зазвонил красный телефон. Из секретариата руководства отдела поступил приказ его группе отправиться в подмосковный Дмитров для фильтрации очередной партии заключённых.

Выслушав распоряжение начальства, старший сотрудник положил трубку на место и принялся паковать вещи. Командировка, в которую его группу отправляли уже третий раз, обычно длилась несколько дней.

Глава 3. Встречи с интересными людьми.

С некоторых пор московское отделение ОГПУ обязали курировать фильтрационный лагерь осужденных за разные преступления, устроенный околонебольшого подмосковного городка Дмитрова. В этом лагере дожидались окончательного решения по апелляциям и последующей отправки в места заключения лица, которым были вынесены приговоры судами первой инстанции. Из тех, чьи апелляции отклонялись инспекторами ОГПУ, кого-то, в основном уголовников, везли в Бутырку или во Владимирский централ для пересылки в Сибирь; кого-то, главным образом, интеллигентов, проходивших по политическим делам — на Соловки или в политизоляторы. По негласным правилам, установившимся после образования Соловецкого лагеря, из интеллигентов преимущественные шансы попасть туда имели учёные и квалифицированные специалисты. Их ОГПУ потом могло "сдавать напрокат" разным ведомствам, за неплохую оплату.

Раньше апелляции разбирались прокуратурой и надзорными судами но, через какое-то время, из-за возросшего потока дел и нехватки личного состава, Наркомюст добился решения СНК о передаче рассмотрения жалоб в ведение ОГПУ. После чего особым бригадам чекистов пришлось, в порядке общественной нагрузки, выезжать в фильтрационные лагеря и выслушивать прошения, ходатайства, протесты.

Группу Яснева отправляли в Дмитров третий раз. Это было не особо приятное

поручение; хотя, в ходе его выполнения, случалось повидать интересных людей.

Уже во второй своей командировке старший сотрудник ОГПУ придумал рационализаторский приём, позволивший ему сильно ускорить фильтрацию. Рассмотрение апелляций разбивалось на два этапа. Сначала Кирбазевопрашивал кандидатов на встречу с начальством и, по данным ему инструкциям, проводил отсев, а на оставшихся составлял краткую сопроводилку. Затем те, кто прошёл первичную отбраковку, поступали на собеседование к Ясеневу. Такой конвейерный метод обеспечил быструю пропускаемость потока, благодаря чему старший сотрудник ОГПУ, на зависть коллегам, завершал свою миссию в очень короткий срок.

Стандартный диалог Кирбазеова с подавляющим большинством апеллянтов выходил кратким:

— За что сидишь? — был первый вопрос.

— Ни за что, — был обычный ответ.

— И сколько тебе дали?

— Пять, или семь, или пятнадцать, — со вздохом отвечал тот или иной зэк.

— Врешь, гнида-контра, — сообщал Кирбазеов, наизусть помнивший выданную ему инструкцию, — ни за что дают десять. Следующий!

В этот раз после предварительной отбраковки в списке на приём к столичному инспектору осталось только четверо.

Первым был типичный с виду профессор, сухонький старичок с бородкой клинышком и в пенсне, притащивший с собой какие-то чертежи и расчёты. Сделаны они были, похоже, углём, на грубой бумаге, а некоторые даже на бересте. Всё это он выложил на стол перед Ясеньевым, после чего опустился на стул и вытёр платочком лоб.

— Я сделал величайшее открытие! — выдохнул он.

Перекуров-Ясенев принялся перебирать рисунки, профессор же тем временем комментировал:

— Замшелые обскуранты учат, что атом нельзя разделить. Это глубоко ошибочное мнение. Я доказал, что ядро атома имеет сложную структуру, и его можно разбить.

Бывший российский полковник взгляделся в чертежи внимательнее. Его познаний в школьном курсе физики хватило, чтобы понять, что перед ним схематически изображён процесс деления ядра атома, а рядом — нечто вроде примитивной атомной бомбы. Он озабоченно забарабанил пальцами по столу.

Профессор же тем временем вдохновенно вещал:

— Моё открытие даст человечеству новые перспективы, раздвинет научные горизонты, перевернёт все наши представления о природе-

— Но какая от этого может быть польза народному хозяйству? — прервал его, размышляя, что предпринять, бывший полковник.

— Неисчерпаемая энергия атома станет двигать могучие машины, осушит болота, обводнит пустыни, — пафосно провозгласил учёный.

Полковник изобразил на лице скепсис.

— Ещё на основе моего открытия можно создать могучее оружие, — почти шёпотом поведал изобретатель. — Нашей стране обязательно надо заняться его разработкой.

Столичный инспектор снова побарабанил пальцами по столу, покачал головой, и отодвинул бумаги в сторону.

— Вы не понимаете, — дрожащим голосом сказал профессор, умоляюще глядя на

собеседника. — Если это оружие попадёт не в те руки, то погибнет половина человечества!

— А если в те — то всё, — пробурчал бывший полковник. — Плавали, знаем. — Повысив голос, он произнёс убеждающим тоном:— Ненаучные вещи говорите, товарищ, а ещё учёный.

Но, взглянув на профессора, в глазах которого пылал фанатичный огонь, бывший полковник понял, что тот не уймётся.

— Ладно, я передам ваши материалы компетентной организации, — сказал он, складывая в папку чертежи и расчёты. Фальшиво улыбнувшись обнадёженному изобретателю, чекист добавил:— можете быть спокойны, разберёмся, — но в его личном деле сделал пометку: "контрреволюционер, связанный с террористической организацией "Союз защиты родины и демократии", а ещё опасный сумасшедший, пытающийся вырваться на свободу и вернуться к террористической деятельности рассказывая о каких-то своих безумных открытиях". Он был уверен, что при такой характеристике ни один следующий проверяющий не рискнёт выпустить маньяка на волю.

Вторым апеллянтом оказался специалист по сельскому хозяйству, в сопроводительной бумаге на которого значилась непонятная запись, заканчивавшаяся знаком вопроса: "использовать для охраны кур?"

— Одомашнивание лисиц. Мда, интересная задача, — осторожно произнёс старший сотрудник ОГПУ, слушая посетителя и стараясь припомнить, где же он встречал его фамилию. Очень уж знакомо она прозвучала.

Тот, вдохновившись проявленным вниманием, прочитал целую лекцию о важности одомашнивания лисиц и о научной новизне этой темы.

— Но ведь говорят, что лисы не поддаются одомашниванию? — задумчиво спросил специалиста по сельскому хозяйству чекист.

Тот, гневно нахмурившись, выпалил:

— Это рутинёрство и лженаука! Будем гнить в подвалах инквизиции, гореть на кострах, но от убеждений своих не откажемся!

— Так, стоп, — поднял руку бывший российский полковник. Он вспомнил, наконец, где встречал эту фамилию, и сообразил, что она может доставить ему проблемы исторического масштаба. — Вы свободны, товарищ учёный. Вас арестовали по ошибке. Вот пропуск на выход.

Следующим оказался колоритный дед в вышиванке, с окладистой бородой, в которую были вплетены разноцветные ленточки.

Полковник с любопытством оглядел фольклорного типа.

— И кто же вы такой есть? — поинтересовался он.

— Ведун земли Русской, — с достоинством пророкотал дед.

— За что взяли? — был следующий вопрос.

Дед поскучнел и промолчал.

Перекуров-Яснев глянул в сопроводилровку. Там было только одно слово: "Дэвочки".

— Ладно, спросим так, — поправился чекист, — что вы умеете делать?

На этот вопрос былинный персонаж откликнулся очень даже живо. — Творю обереги, — густым басом сообщил он. — Из камня драгоценного, из дерева благородного, из металла истинного, из пуха лебяжьего, из чешуи зверя каркадила...

Бывший российский полковник поморщился. Он уже собрался было отослать деда обратно и сделать выговор Кирбазаеву за недостаточно аккуратный отсев, однако,

припомнив, сколько миллионов россиян слушали сеансы Кашпировского и Чумака, участвовали в финансовых пирамидах и в выборах властей, задумался.

Тем временем дед продолжал бубнить:

— ... и от глаза дурного, и от порчи, и от лихоманки, и от змея болотного...

"Передам-ка я его в наш оккультный отдел", — решил Перекуров. — "Сотрудники там сидят на госфинансировании, а такой персонаж позволит им организовать хозрасчёт. Если даже малый прайс и не занесут, то всё равно будут обязаны услугой".

Он взмахом руки остановил бубнёж, подписал деду амнистию и справку об освобождении, и велел дожидаться на выходе из лагеря.

Последним из отфильтрованных явился апеллянт, в сопроводилровке на которого значилось: "утверждает, что гений-изобретатель".

Войдя в кабинет, изобретатель окинул столичного гостя цепким взглядом и сходу предложил:

— А давайте украдём из бюджета двадцать четыре миллиарда.

Бывший российский полковник усмехнулся. "Вот и местный Бендер", — подумал он. Вслух же спросил: - Что у вас за проект? Производство красной ртути, освоение торсионных полей, создание отечественного квантового нанокomпьютера?

Если незнакомая терминология и озадачила изобретателя, то лишь на мгновение.

— Я предлагаю делать тонкослойную изоляцию, — сказал он. — В ленте миллиметровой толщины хаотический поток электронов окажется очень слабым и не сумеет пробить материал. Внедрение тонкослойной изоляции даст советской промышленности миллиарды рублей экономии!

— Вы, собственно, по какой статье сидите? — после некоторого размышления осведомился чекист.

— Фарцовка, валютные спекуляции, — нимало не смущаясь, ответил тот. — Оклеветали низкие завистники. По профессии я мыслитель широкого профиля.

Поразмыслив ещё немного, старший сотрудник ОГПУ принял решение.

— Я вам сейчас выпишу направление в физико-технический институт, — сообщил он. — Оттуда были заявки на перспективных кадров. Но дело ваше мы не закрываем. Оно останется у меня на контроле. Раз в полгода заходите в мой отдел с отчётом о размерах полученного финансирования.

"Перепадёт, скорее всего, мелочь. Но, как сказал классик, одна старушка — двадцать копеек, а пять старушек — уже рубль". С такими мыслями Яснев-Перекуров собрал в папку отчёты по инспекции, поднялся из-за стола и вышел из душного помещения. На площадке перед зданием администрации какие-то люди устанавливали осветительные прожектора.

— Что здесь происходит? — спросил чекист у оказавшегося рядом коменданта лагеря.

— Будут снимать фильм о перековке сознания бывших вражеских элементов, — ответил тот. — По заказу Наркомпроса. В вашу контору приходило письмо на согласование, разве вы не читали?

— Не видел, это не по моей части, — отмахнулся Яснев, присматриваясь к происходящему. Из грузовика выкатили громоздкий киноаппарат. Следом за ним на землю прыгнул лысый толстяк, в котором чекист, присмотревшись, узнал своего старого знакомого, писателя Ваннермана. Тот, глянул в сторону людей, стоявших на пороге здания администрации, но либо не узнал, либо сделал вид, что не узнал Яснева.

— Потом они собираются на Соловки. Тоже снимать фильм о перековке, — продолжал

комендант, протягивая чекисту какой-то документ. — Список допущенных лиц, — пояснил он.

Просматривая бумагу, Перекуров-Яснев обнаружил, что произведения одного из сценаристов он читал ещё в советское время. Было там что-то не то про змей, не то про драконов. А в перестройку имя этого писателя стало как бы символом совести российской демократической общественности.

Тем временем, на впопыхах устроенной сцене установили микрофон, и, встав на возвышение, под лучи "юпитеров", какой-то хмырь с пафосом провозгласил:

— ГПУ — мастер перевоспитания. Чрезвычайно радостно видеть как бывшие враги советского строя, перековавшись, встают в ряды добросовестных тружеников. Всем нам, творческим людям, призванным перестраивать сознание, нужно учиться у доблестных чекистов этому нелёгкому мастерству

По знаку Ваннермана на сцену вскочили актёры, одетые в зипуны и лапти, и, взяв балалайки, затараторили частушку-новодел:

*Я на бочке сижу, а под бочкой каша,
Ленин-Троцкий нам сказал, что Россия наша!*

Отошедший в сторонку хмырь взмахивал руками в такт звукам балалайки, словно дирижируя.

— В самом деле перековались, — сказал, глядя на происходящее, подошедший Кирбазаев. — Ишь, как отжигают.

Перекуров-Яснев усмехнулся. Он мог бы поведать Ахмеду немало занятных историй про перековку сознания — например, про то, как подобострастно стали суетиться перед олигархатом бывшие советские люди, особенно всесоюзно известные звёзды, в первом классе учившие "Мы не рабы. Рабы не мы". Но ничего этого он, конечно, рассказывать не стал.

Глава 4. У всех дети и ипотека.

— Мы что же, так и будем молчать?! — негодуяще воскликнула высокая светловолосая девушка, поставив на стол опустевшую чашку. Она поднялась со стула и, сердито стряхнув крошки печенья с платья, направилась в кухню за новой порцией чая.

Пока хозяйка гремела посудой, наполняя самовар водой, а затем насыпая в чайник заварку, пятеро молодых людей смущённо переглядывались между собой и потихоньку таскали из тарелки выпечку.

Зиночка Сенникова, возившаяся сейчас на кухне, регулярно приглашалана посиделки к себе домой товарищей по цеху, в основном молодых ребят. Зиночке недавно исполнилось двадцать лет, но из-за трогательных смешных косичек она напоминала девочку-школьницу. Попивая чай и закусывая печеньем, молодёжь обсуждала успехи "Спартака" и "Динамо", фильмы "Аэлита" и "Гиперболоид инженера Гарина", стихи Есенина и Маяковского. К концу чаепития разговор как-то незаметно переходил от общего трепана обсуждение хозяйственных, а иногда и политических тем. Половина молодёжи Печорского леспромхоза состояла в комсомоле, а Зиночка была даже комсоргом низовой ячейки второго цеха.

— Это просто возмутительно, — сообщила она, вернувшись с кухни и расставляя перед гостями заново наполненные чаем чашки. — Все знают про воровство лесоматериалов, и все молчат. А какие царские хоромы выстроил себе на украденные у народа деньги наш директор! — гневно сдвинув брови, воскликнула она. — Надо открыто заявить протест и

разоблачить мошенников!

— Видишь ли, Зиночка, — примирительным тоном сказал один из гостей, постарше и поопытнее, придвигая к себе чашку чая, — такие вещи полагается сначала обсудить с партийным руководством.

Молодая девушка тряхнула косичками и бросила на него возмущённый взгляд.

— Через три дня будет общее профсоюзное собрание. Вы как хотите, а я выступлю на нём и всё скажу, — решительно заявила она.

*

Сменявшие друг друга на трибуне актового зала делегаты цехов лесокомбината рапортовали о трудовых успехах, приводили имена отличившихся передовиков, сообщали о дальнейших планах по заготовке продукции. Выступивший вслед за ними представитель губисполкома зачитал статью из центральной газеты, в которой с гордостью говорилось о достижениях местного лесопильного производства. Партийный секретарь предприятия был более сдержан и делал в своём докладе акцент на важности поставок лесоматериалов для народного хозяйства страны.

Для большинства слушателей всё это было привычно-скучным ритуалом. Они позёвывали, почёсывались и посматривали на часы, томясь в ожидании окончания протокольного мероприятия и перехода к банкету.

Однако сонное бормотание в зале сменилось настороженной тишиной, когда председатель собрания, вместо заключительного слова, неожиданно объявил, что сейчас выступит секретарь комсомольской организации второго цеха леспромхоза, кандидат в члены ВКП(б) Зинаида Сенникова.

Высокая светловолосая девушка почти взбежала на трибуну.

— Товарищи, не верьте, вас обманывают, — взволнованно заговорила она. — В газетах пишут неправду. Бухгалтерия нашего предприятия занимается приписками и очковтирательством.

В зале поднялся легкий шум. На лицах многих слушателей проступило недоумение. Что происходит?

Миловидная девушка со смешными косичками боевито продолжала:

— Доходы от продажи леса оседают в карманах дирекции. Руководители обедают в отдельных спецстоловых, а рабочим выдают скудную пайку, выстраивают себе хоромы, а тружеников селят в бараках. И партийное руководство, — она кивнула на президиум, — об этом знает. Надо полагать, они отправляют долю от украденного покровителям в Москве.

Сенникова недолго продолжала свою горячую речь. На сцены появились двое военных в форме ГПУ и, крепко взяв девушку под локти, потащили её к выходу. Уже у самой двери она обернулась и бросила на сидевших в зале молодых людей отчаянный взгляд.

— Стойте, — немного поколебавшись, поднялся со своего места Вася Птахин, один из постоянных участников чаепитий в квартире Зиночки. Он хоть и не состоял в комсомоле, но относил себя к сочувствующим и всегда остро реагировал на несправедливости. — Так нельзя. Ведь в газетах действительно пишут неправду. В нашем леспромхозе действительно занимаются приписками. И рабочие на самом деле живут в дощатых бараках, в то время как начальство строит для себя хоромы.

С места поднялась ещё пара ребят. А затем, поколебавшись, ещё несколько. Все они были из компании, собиравшейся на чаепитиях у Сенниковой.

— Это вредители, — громко сказал, указывая на них, партийный секретарь. —

Загаившиеся враги, иностранные агенты, находящиеся на содержании лорда Бивербрука и кровопийц-банкиров лондонского Сити, проявившие, наконец, свою предательскую контрреволюционную сущность. Арестовать.

Рассредоточенные по залу агенты ГПУ в гражданской одежде подбежали к молодым людям и надели на них наручники. Возникший было в аудитории лёгкий ропот быстро стих.

*

Старший сотрудник по особым поручениям московского отделения ОГПУ Пётр Матвеевич Яснев бросил на стол газету "Известия ЦИК", на первой странице которой красовался заголовок "В системе леспромхозов разоблачена матёрая вредительская организация иностранных агентов! Советский народ требует суровых приговоров вражеским наймитам!" и поощрительно кивнул стоявшей перед ним по стойке смирно девушке в аккуратно выглаженной форме с малиновыми петлицами. Из-под фуражки с околышем того же цвета выбивались трогательные непослушные косички.

— Отлично сработано, Маша, — сказал он. — Нам давно не хватало в служебной отчётности разоблачения организации вредителей. Перевожу тебя из стажёров в штат. Будешь работать в моей группе. Но командировку тебе придётся продлить.

— Служу революции! — вскинув руку к козырьку фуражки, бойко ответила девушка. Несмотря на официальный характер мероприятия, она не могла скрыть довольной улыбки.

— Вольно, — небрежно махнул рукой её начальник. — Да, и вот ещё что. Он выдвинул ящик стола, достал оттуда свёрнутый рулоном отрез шёлковой материи и перевязанную голубым бантиком небольшую коробку. Положил предметы на стол и пододвинул их к девушке. — Это тебе премия от леспромхоза, — пояснил он. — Разоблачив иностранных агентов, находившихся на содержании лорда Бивербрука и госдепартамента... эээ... кровопийц-банкиров лондонского Сити, ты не только выполнила свой долг перед Родиной, но и оказала большую помощь руководителям предприятия, которые хотят теперь тебя отблагодарить. Смелее, — добродушно кивнул он засмутившейся девушке. Та развернула отрез, потом развязала бантик и во все глаза уставилась на роскошную косметику. — Мамочки! — совсем по детски воскликнула она. — Это же Кристиан Диор!

Яснев-Перекуров усмехнулся и положил рядом с двумя золотисто-розовыми флаконами тонкую пачку купюр. — Ещё тебе выдали небольшое денежное поощрение, — сообщил он. — Бери, не стесняйся. Как говорится, у всех дети и ипотека.

*

На центральной площади леспромхозовского посёлка шёл митинг, посвящённый годовщине Октябрьской революции. Покрытую кумачом трибуну украшала ваза с гвоздиками, которые, под порывами холодного ноябрьского ветра качались и жалобно никли.

Руководители предприятия докладывали о достигнутых со времени прошлого юбилея успехах в трудовой деятельности. Члены партбюро по ходу дела затрагивали и сложную международную обстановку, а представители профсоюза заверяли, что рабочий класс безусловно выполнит все задания партии и правительства.

После выступления начальства на трибуну поднялась, подтягивая мешковатый рабочий комбинезон, секретарь комсомольской организации второго цеха Зиновья Сенникова, известная в реестре секретных сотрудников московского ОГПУ как агент "Маша".

— Гляди-ка, отпустили девку. Небось за смазливую рожу — подельников-то её всех посадили, — громко сказал стоявший в первых рядах митингующих рабочий в спецовке,

толкая в бок своего соседа, лесопильщика-передовика. Ребята в их артели давно уже жаловались, что из-за этого передовика им то и дело увеличивают нормы выработки, а зарплату не прибавляют. А ещё этот шустрик отхватил на своё семейство сдвоенную трёхкомнатную квартиру. Если его посадят, то жилищная очередь подыметя вверх сразу человека на два, а то и на три!

Откинув капюшон и подставив лицо свежему ветру, девушка быстро затараторила:

— Мы благодарны родной партии и правительству, которые проявляют такую заботу о нашем народе. В этот трудный момент, когда Чемберлен и капиталисты-кровопийцы лондонского Сити объявили нам бойкот и наложили блокаду на нашу социалистическую родину, мы должны ещё крепче сплотиться вокруг нашего руководства. Установленная империалистами блокада бьёт по простым людям. Нам становится труднее покупать нужные лекарства для больных родственников, нашим детям зачастую приходится сидеть в нетопленных школьных классах. Но тщетны потуги западных империалистов и их продажных марионеток. Советский народ не купить и не запугать. Второй цех обязуется выполнить годовой промфинплан и выдвигает повышенный на десять процентов встречный план. А соседей, третий цех, мы вызываем на открытое социалистическое соревнование. — Звонкий девичий голос далеко разносился в морозном воздухе.

Рабочий в спецовке с нетерпеливым ожиданием смотрел на своего соседа-лесопильщика. Но тёртого жизнью передовика на такую дешёвую провокацию было, конечно, не развести.

— У нас зря не сажают. Раз органы отпустили — значит, Зина наш человек, рабочий, советский, — усмехаясь в усы, хриплым покурненным басом ответил он.

Часть 4

Пролог

Плешивый коротышка с двумя малиновыми ромбами на петлицах гимнастёрки, сидевший в кресле, задумчиво перебирал разложенные перед ним на письменном столе фотографии. На них были изображены сделанные в разные ракурсах виды роскошной дачи партийного секретаря Х; сцены банкета в ресторане, на которых тот же Х, навалившись животом на стол, поедал пудового жареного осетра и закусывал бутербродами с икрой; фривольные картинки отдыха Х на природе в компании пышногрудых красавиц.

Старший сотрудник особых поручений ОГПУ Пётр Матвеевич Яснев, стоявший навытяжку перед человеком с двумя ромбами, смотрел на те же фотографии настороженно-озабоченно. Они были тайно сделаны его сотрудником, Ахмедом Кирбазаевым, в рамках разработки, точнее, сбора *материала* на Х.

— Что же ты, Пётр Матвеевич, — укоризненным тоном произнёс, наконец, человек с ромбами, помощник начальника московского отделения ОГПУ Максим Аникеевич Остроухов, — незаконно, без разрешения суда и указания твоего начальства, занимаешься сбором информации о личной жизни уважаемого человека, партийного секретаря, преданного члена нашей большевистской партии?

Остроухов возглавлял четвёртый сектор управления внутренней безопасности московского отделения ОГПУ. Яснев с ним раньше почти не пересекался по рабочим делам, лишь несколько раз они встречались на общих собраниях. У бывшего российского полковника сложилось мнение о нём, как о безликом сером службисте канцелярского типа.

Хотя, с другой стороны, знакомый чекист однажды сказал: "этот человек, пожалуй, способен на поступок. Есть у него что-то такое в глазах". И вот теперь Остроухов неожиданно вызвал Ясенева-Перекурова в свой кабинет, где на столе лежали неизвестно откуда взявшиеся фотографии работы Кирбазева. Отринув пришедшую на минуту мысль, что Ахмед зачем-то решил подставить своего начальника, старший сотрудник особых поручений пришёл к выводу, что он сам попал в чью-то разработку.

— Разрешите доложить, товарищ комиссар, — откашлявшись, сказал он. — Так что, стараемся мы разоблачать коррупцию. Которая, значитца, незаметной гидрой пробирается в ряды большевиков и наносит большой ущерб народному хозяйству нашей страны.

Остроухов отринул неявное предложение перейти на принятый в среде товарищей по борьбе революционный жаргон, как бы свидетельствующий о социальной близости собеседников, и покачал головой.

— Коррупцию, говоришь? — переспросил он. — А что об этом — он хлопнул ладонью по снимкам, — напишет западная пресса? Которая обслуживает лорда Бивербрука и главарей Антанты, желающих отнять у нашего народа фабрики, заводы, шахты, рудники, расчленив нашу страну? Она начнёт поливать грязью наше социалистическое отечество, подготавливая вторжение империалистических держав. Понимаете ли вы, товарищ Яснев, что ваши действия могут быть квалифицированы как "измена Родине" или, по меньшей мере, как пособничество иностранной агентуре? — строго глядя на стоявшего перед ним навтыжку человека, произнёс комиссар, указывая на снимки роскошных дач-дворцов, двухэтажных шубохранилищ, и пьяных оргий высокопоставленных чиновников.

Бывший российский полковник понимал это лучше, чем кто-либо другой, но предпочёл промолчать.

— Или, может быть, вы хотите показать, что наша большевистская партия есть партия жуликов и воров, грабителей и коррупционеров? — прищурившись, усилил нажим комиссар.

Пока старший сотрудник размышлял над сложившейся ситуацией, чекист с двумя ромбами продолжал:

— Нам известно, что вы занимались слежкой за советскими специалистами в области нефтяной промышленности и сбором информации, представляющей интерес для зарубежных спецслужб. — Голос спрашивающего ещё больше построжел. — Для кого вы добывали эти сведения? Вы работаете на лорда Бивербрука и капиталистов-банкиров лондонского Сити?

Яснев-Перекуров оценил информированность собеседника, но риторический вопрос оставил без ответа, ожидая перехода к сути дела. Он уже уяснил, что происходит вербовка — сам проводил её не раз — и потому решил просто ждать конкретных предложений. *Материал* на него был собран качественный, следовало признать.

— А ещё с вашей стороны было крайне наивно предполагать, что нефтяная промышленность — стратегическая отрасль нашей экономики — находится без соответствующего присмотра со стороны компетентных органов, — усмехнулся комиссар, собирая фотографии и укладывая их в отдельную папку.

Яснев понял, что его операция с Бодуном провалена — того крышевали более ответственные товарищи. По правде говоря, об этом можно было бы догадаться и раньше. Старший сотрудник сделал в памяти отметку — объявить выговор Кирбазеву, который не заметил встреч работника "Нефтесиндиката" с чекистами — и, вздохнув, приготовился слушать неприятные известия дальше.

Однако его собеседник сменил тон.

— Вы провели очень грамотную работу с Бодуном, — похвалил он. — Вникли в суть дела, сделали точные расчёты. Я послушал его объяснения, посмотрел ваши материалы. Просто отлично!

Ещё меня очень впечатлил отчёт о вашем выступлении на совещании в МосЧеКа. Золотой унитаз как духовная скрепа, цель человеческого существования и метод борьбы с растлевающим влиянием иноагентов! — плешивый коротышка хохотнул. — Это было сильно!

Перекуров-Яснев припомнил, что он действительно говорил что-то такое старому царскому полковнику.

— В общем, нам нужны такие люди, как вы. Инициативные, решительные. — Комиссар похлопал ладонью по папке с фотографиями. — С железной логикой и, одновременно, фантазией. — Откуда-то из потайного кармана он извлёк снимок золотого унитаза, семь лет назад устроенного Ясневым в своей служебной квартире в Ровенской ГубЧеКа, и некоторое время любовался им.

— Что именно от меня требуется? — прервав молчание, осторожно спросил старший сотрудник по особым поручениям. Он понимал, что от сделанного предложения, каким бы оно ни стало, отказаться будет нельзя.

Чекист с двумя ромбами вернул фотографию золотого унитаза обратно в потайной карман и некоторое время барабанил пальцами по столу.

— До сих пор вы действовали как любитель, — наконец, сказал он.

Перекуров поморщился и его собеседник счёл нужным уточнить:- Ладно, не совсем любитель, скорее, как профессионал-одиночка. Все ваши операции — антиквариат, нефтянка, рыбное дело и прочее — это самодеятельность. Теперь вы будете работать в составе организации, группы. Моей группы. Вам нужно объяснять преимущества работы в группе единомышленников над одиночной самодеятельностью?

Бывший российский полковник облегченно выдохнул. Дела обстояли не так уж и плохо. Куда лучше, чем он вначале предположил.

— Итак, вы согласны войти в мою группу? — повторил комиссар, в упор глядя на собеседника.

— Вы можете на меня рассчитывать, — заверил тот. — Какие конкретно задачи будут передо мной ставиться?

— В основном те же, что ты решал и до сих пор, — комиссар вновь перешёл на "ты". — Но теперь не в одиночку, а в сотрудничестве с моими людьми. Сбор *материала*. Аналитика, учитывая твои способности. Иногда мы участвуем в рейдах на бандитов, в боевых акциях, в спецоперациях — при надобности будем к ним привлекать тебя и твоих сотрудников.

"Соперничество за крыши, стрелки, ликвидация конкурентов", — перевёл про себя на привычный язык бывший полковник. Вслух же он коротко произнёс:

— Надеюсь оказаться вам полезным.

Комиссар кивнул, словно и не ожидал другого ответа. — Твоя работа с Бодуном получила самую высокую оценку наших аналитиков, — сказал он. — Они определили, основываясь на твоих материалах, что Бодун, оказывается, утаивал от нас около тысячи долларов в месяц. Будем считать это твоим начальным вкладом в нашу совместную работу. Из него тебе будет отныне выдаваться двести долларов ежемесячно.

Бывший полковник про себя чертыхнулся. Он сам рассчитывал получать с Бодуна две-

три тысячи баксов в месяц. Но спорить с вышестоящим товарищем, конечно, не имел возможности. Поэтому, изобразив на лице радостную улыбку, он вежливо поблагодарил за высокую оценку его способностей и оказанное доверие.

— Получать деньги будешь наличными, — продолжал комиссар. — Присылай за ними раз в месяц своего порученца. Бодуна больше не тревожь. И позаботься о надёжном хранении денежных средств — впрочем, этому, я думаю, тебя учить не нужно. А следующее твоё задание будет вот каким...

Глава 1. Аналогов нет.

На подмосковном артиллерийском полигоне близ Софрино испытывалась стохастическая реактивная пушка Панчевского. Её казённая часть представляла собой пристыкованную к стволу воронку, а сам ствол, вопреки всем артиллерийским канонам, четыре раза изгибался под прямым углом. Изобретатель невиданного устройства, Аристарх Мокеевич Панчевский, невысокий лысый человечек, озабоченно суетился возле своего детища, покрикивая на техников, подтаскивавших к дулу тяжёлый конический снаряд, вставленный в латунный патрон с нитротканью. Несколько поодаль, наблюдая за процессом заряжания орудия, стояли высокие армейские чины, входившие в комиссию по военной приёмке Штаба РККА.

Наконец, общими усилиями техники втокнули снаряд в пушку, после чего растянули фитиль и отошли на безопасное расстояние.

Изобретатель взмахнул рукой, сверкнула вспышка, по фитилю пополз огонь, он добрался до казённой части, раздался выстрел, и члены комиссии озадаченно завертели головами, провожая взглядами снаряд, который после вылета из пушки запетлял словно заяц, а потом и вовсе взмыл вертикально вверх и исчез из поля зрения.

Основным достоинством стохастической реактивной пушки Панчевского, представлявшей собой, по словам её изобретателя, новое слово в военно-инженерной мысли, являлось движение выпущенного из неё снаряда по непредсказуемой траектории — что и было продемонстрировано сейчас самым наглядным образом. Действительно, вихлявший при полёте из стороны в сторону снаряд был, после долгих поисков, обнаружен закопавшимся в огород за пределами полигона в прямо противоположном направлении относительно того, под которым он изначально вылетел из жерла орудия.

Потрясённые члены комиссии некоторое время чесали в затылках, потом раздалось несколько неуверенных хлопков, вскоре перешедших в общую овацию, вслед за чем командиры и комиссары стали подходить к раскрасневшемуся от гордости изобретателю и поздравлять его с грандиозным успехом. После чего армейские чины занялись оформлением бумаг — подписанием акта о приёмке, визированием заключений технических экспертов, и прочим подобным. По ходу дела все они выражали восхищение новым, не имеющим аналогов на Западе, грозным оружием, которое должно сделать Красную армию самой могучей в мире.

— Имеет ли ОГПУ замечания к проведённому испытанию или к заключениям экспертов? — спросил, обращаясь к старшему сотруднику по особым поручениям, командарм, председатель комиссии по приёмке.

Яснев-Перекуров, усмехнувшись про себя, покачал головой. Поскольку именно он составлял заключения военных экспертов, которое те лишь подписывали, то, разумеется, замечаний у него никаких не было.

В официальных бумагах комиссии подпись представителя ОГПУ, как и полагалось по рангу, значилась последней, решающей.

Делая для проформы вид, что он вычитывает поданные ему документы, Яснев прокручивал в памяти цепь событий, которая привела к сегодняшнему триумфу его протеже Панчевского, и которая началась с разговора, состоявшего у него недавно с новым начальником, комиссаром Остроуховым.

— Как считаешь, Пётр Матвеевич, какая область, после нефтянки, является самой подходящей для *эффективного бизнеса*? — спросил тот, прочтя составленную Ясневым аналитическую обзорную записку. Комиссар легко усваивал терминологию, которую, понемногу прогрессорствуя, старался внедрять среди сотрудников ведомства, используя опыт своего прошлого мира, бывший российский полковник.

Перекуров-Яснев, конечно, из прежней жизни хорошо знал ответ на этот вопрос, но для вида немного подумал.

— Оборонка, — ответил он, наконец. — Это бездонная кладезь.

Остроухов довольно кивнул.

— Отлично. Я и сам так думаю. У тебя уже есть какие-нибудь конкретные наметки?

Перекуров вспомнил популярный мем его времени, обладавший волшебной силой выбивать бюджетные деньги из самых скупых финансистов. У него появилось чувство уверенности, что и здесь, при правильной раскрутке, под этот мем можно будет срубить бабла немеряно. А имея за собой такое прикрытие как отдел внутренней безопасности ОГПУ, можно будет развернуться так, что все его прежние достижения — с антиквариатом, рыбой и прочие — покажутся жалкими дилетантскими потугами.

— Аналогов нет, — кратко сказал он.

— Как-как? — озадаченно переспросил Остроухов.

— Создание не имеющего аналогов на Западе оружия, — пояснил бывший российский полковник. — То есть такого, до которого не дошла мысль ограниченных служением эксплуататорскому классу инженеров буржуазного мира, но до которого додумался наш раскрепощённый свободный народ. Реальные расходы на такие проекты будут минимальными, но, поскольку их результаты не имеют аналогов в мире, и сравнивать их, таким образом, не с чем, то под них можно будет запрашивать из бюджета любые суммы.

Комиссар откинулся в кресле, сложил руки на животе и с интересом посмотрел на своего нового подчинённого. Он, несомненно, был прав, определив его как талантливого самородка, одного из тех самобытных дарований, которые иногда появляются на поверхности общественной жизни из глубин народа.

— Кандидатуры изобретателей не имеющего аналогов в мире оружия можно подобрать из контингента спецпоселенцев лагерей, — развивал тем временем свою мысль старший сотрудник ОГПУ. — Я, кстати, не так давно проводил там инспекцию.

— И взял кого-нибудь на заметку?

Яснев кивнул. Он вспомнил лысого человечка, сидевшего за растрату и тщетно пытавшегося заинтересовать посещавших время от времени лагерь ревизоров проектом невиданной пушки, аналогов которой, по его заверениям, в мире не было. Яснев тоже, в одну своих из инспекций по линии ОГПУ, выслушивал этого человечка, сбивчиво толковавшего о реактивном движении, случайных процессах и нерегулярных траекториях, но тогда не заинтересовался его проектом, хотя и записал его данные на всякий случай. И вот теперь предоставилась возможность пустить этот проект в ход.

Он кратко объяснил своему начальнику идею Аристарха Мокеевича Панчевского — так звали изобретателя — насчёт орудия, запускавшего снаряд по непредсказуемой траектории — реактивно-стохастической пушки, как назвал её сам новатор.

— Такие пушки можно не только использовать в полевых условиях, но и ставить на танки, на бронетехнику, на самолёты. Они сгодятся и вместо зениток. В общем, имеют самый широкий спектр применения. По сути, это универсальное оружие.

— И такого оружия точно нет на Западе? Ни в Европе, ни в Америке? — спросил внимательно слушавший Ясенева комиссар.

— Нет и не предвидится, — заверил тот. — Гарантия сто сорок шесть процентов.

Поразмыслив, Остроухов кивнул.

— Добро. Бери своего изобретателя, составляй вместе с ним технический проект, приглашай экспертов и неси мне. Я возьму на себя контакты с армейскими чинами.

Да, и ещё составь этот, как ты его называешь, — комиссар начал было копаться в аналитической докладной записке, но Ясенев услужливо подсказал: — Бизнес-план.

— Ага, вот-вот. Ну и голова у тебя, Матвеич.

Не теряя времени, старший сотрудник ОГПУ по особым поручением вызволил из лагеря на Колыме изобретателя, который был безумно рад вернуться в цивилизованную жизнь, а также заняться любимой работой. Из числа спецпоселенцев того же лагеря Ясенев набрал и экспертов. Технический проект и экспертные заключения написал сам. Примерно зная дальнейшую историю страны, он понимал, что после прихода к власти Сталина судьба его экспертов окажется незавидной, но это его не беспокоило. Сами же эксперты, бывшие профессора и конструкторы, освобождённые из лагерей или возвращённые из ссылки, смотрели на своего освободителя как на посланца Божия. Дав им несколько дней отдохнуть, подстричься и подкормиться — чтобы тем самым ещё и дополнительно почувствовать разницу между нынешней городской и прежней лагерной жизнью, в которую они могли снова по его воле вернуться — Ясенев передал им технические обоснования, которые те подписали не глядя. В его прежнем мире Перекурову пришлось бы их уламывать, предлагать деньги или собирать на них компромат, но здесь на жизнь смотрели проще.

Вслед за чем старший сотрудник ОГПУ прибыл к своему начальнику с эскизом невиданного оружия, техническим проектом, экспертными заключениями, и бизнес-планом.

— Где прописаны *откаты* армейцам? — спросил Остроухов, просматривая предварительную смету *распила* бюджетных средств. Новые ёмкие слова тоже были введены в профессиональный оборот бывшим полковником.

— На предпоследней странице, — показал Ясенев. — На нашу долю остаётся примерно треть от всех выделенных денег.

Комиссар кивнул, прошёлся красным карандашом по бумаге, делая пометки и кое-где исправляя числа, после чего вернул документы своему сотруднику.

— Действуй, — сказал он. — Начни с обзвона вот этих командармов, они предупреждены, ссылайся на меня. Вот в этой части — её начальник человек с принципами — сначала свяжись с особистом и расскажи про аналогов-нет оружие. Пусть он объяснит политический момент своему командиру. Остальным хватит откатов. Числа кое-где я исправил.

Остроухов обвёл красным карандашом и дважды жирно подчеркнул итоговые суммы, которые должны были быть выделены из госбюджета на этот проект. Повернувшись к подчинённому, он повторил:

— Действуй, Пётр Матвеевич. Ты был прав, это бездонная кладёшь.

— На оружие денег жалеть не будут, — поддакнул тот, собирая бумаги и укладывая их в папку.

— Есть ещё какие-нибудь идеи? — поинтересовался комиссар.

— Есть, — кивнул Яснев. — Можно создать гиперолоид, прожигающий броню танков противника раскалённым лучом — такой проект предлагает некто Гарин, сидящий сейчас на Соловках. У итальянца, не помню фамилию, он сидит в Печорлаге, был проект самолёта, движущегося со скоростью больше двадцати махов. Есть и кое-какие другие идеи.

Яснев подумал о создании радара, принцип устройства которого он знал весьма смутно, но по прогрессорствовать в этой области был не прочь. Во всяком случае, он был совершенно уверен, что эффектно подать эту идею и получить под неё приличное финансирование труда не составит.

— Очень хорошо, — заключил комиссар. — Будем иметь всё это в перспективе. Подыскивай, Пётр Матвеевич, новых исполнителей, для спецоперации, которую назовём *Аналогов Нет*.

*

Дочитывая документы и ставя затем на них свою размашистую подпись, Яснев размышлял о перспективах.

Закончив формальности, он вернул бумаги председателю комиссии и громко сказал:

— Новое оружие, товарищи, должно крепко послужить делу мировой революции. За построение этого светлого завтра и борются наши лучшие люди!

Поднимая вверх сжатый кулак в ответ на раздавшиеся аплодисменты, он про себя добавил:

"А построение светлого завтра должно обеспечить лучшим людям доступ к серьёзному баблу уже сегодня. Да и ничто человеческое людям не чуждо, особенно когда оно само в руки плывёт".

Глава 2. Хорошо поднялись.

За один только первый месяц после подписания акта приёмки заказы на стохастические пушки Панчевского сделали управления полевой артиллерии, авиационного вооружения, военно-морских судов. Ожидались заказы для установки орудий нового типа на танках и бронемашинах. Также, в не слишком отдалённом будущем предполагалось заменить ими все зенитки страны.

Выданных заказов хватило на загрузку трёх артиллерийских заводов — с соответствующими выплатами всем причастным. В целом, урожай был снят очень обильный — как изначально и планировалось.

Теперь не только Пётр Матвеевич Яснев, но и все сотрудники его группы — Ахмед Кирбазаев, Мокей Телятников, Митя Фельдцерман — могли себе позволить ежедневные обеды в "Метрополе". Сам шеф, впрочем, предпочитал заказывать обеды на службу или на дом, в зависимости от того, где он в этот момент находился. Только Зиночка Сенникова, она же "агент Маша", включённая в штат совсем недавно, трудилась в командировке, продолжая выявлять иноагентов в Печорском леспромхозе. Однако и ей из ежемесячно проливавшегося на группу Яснева золотого дождя начальство выделяло определённую премиальную сумму.

— Э, как *хорошо поднялись!* — сказал однажды, после выдачи особенно крупного бонуса, Ахмед Кирбазаев. Вместе с другими сотрудниками ведомства он понемногу усваивал

профессиональную терминологию, которую незаметно, но настойчиво внедрял среди коллег, содействуя повышению их квалификации, бывший российский полковник.

Яснев кивнул, соглашаясь. Он с каждым днём чувствовал себя на новом месте всё увереннее, и в какой-то момент даже решил начать потихоньку собирать *материал* на Остроухова. Но первые же сведения которые он отыскал, заставили его насторожиться. Оказалось, что шеф, которого он ранее считал серой канцелярской крысой, имел весьма бурное прошлое, описанное в нескольких революционных брошюрах. На его счету числились экссы, теракты против губернаторов, подрывы домов, где обитали царские чиновники. Когда Яснев копнул ещё глубже, он узнал, что вскоре после революции группа боевиков Остроухова, на пару с анархистами, захватила контроль над богатым сибирским городом и поставила на счётчик всех местных предпринимателей. Затем между партнёрами случился конфликт с перестрелкой, после чего остатки уцелевших анархистов разбежались по неведомым закоулкам, а Максим Аникеевич возглавил местную ЧеКа.

Доведя свои конспиративные исследования до этого пункта, Яснев отчётливо понял, что дальше копать опасно и сдал назад. Однако в его отношении к шефу теперь появились признаки искреннего, а не показного, уважения.

На второй месяц после перевода в новый отдел старший сотрудник по особым поручениям отправился в служебную командировку в Швейцарию, где открыл на своё имя долларовый счёт и покатался на лыжах в горном альпийском курорте. После возвращения он попросил начальника направлять его в такие командировки каждые три месяца, на что Остроухов, учитывая весьма эффективную работу своего нового помощника, охотно дал согласие. Яснев-Перекуров понимал, что с накоплением первичного капитала и созданием запасного аэродрома ему следует поспешить — до прихода к власти Сталина оставалось уже совсем немного времени, и, значит, эффективному бизнесу скоро должен был наступить конец.

Глава 3. Стрелка.

Прошло примерно полгода с тех пор, как старший сотрудник ОГПУ Пётр Матвеевич Яснев вошёл, вместе со своими подчинёнными, в группу комиссара Максима Аникеевича Остроухова, получившую, по предложению бывшего российского полковника, неофициальное название *спецотряда по борьбе с коррупцией*. Яснев-Перекуров успешно применял свои прежние знания и умения, новое начальство ему благоволило, счёт в швейцарском банке постепенно рос.

В один ненастный осенний день в его кабинете включилась селекторная связь и работников сектора пригласили на общее собрание в актовом зале.

Яснев впервые увидел команду Остроухова в полном составе. До сих пор он имел дело, кроме самого комиссара, только с несколькими аналитиками, людьми интеллектуального типа. Теперь же, на общий сбор, явились все сотрудники, включая боевиков, которых оказалось около десятка. Некоторые из них проверяли оружие, другие пересчитывали деньги, третьи, похоже, закидывались наркотиками. Большинство из них были чекисту незнакомы, и он с интересом рассматривал синие наколки и бандитские физиономии, вполне достойные помещения в альбом Ломброзо.

Один из боевиков, плосколицый тип с плотно прижатыми к гладко выбритому черепу ушами, запуская в ноздрю порцию кокаина почувствовал на себе пристальный взгляд, повернулся, подмигнул чекисту, и сказал с сильным акцентом:

— По жизни попробовать надо всё, я щетаю. Верно, товарищ?

— Почему-то те, кто так говорит, имеют в виду наркотики и порно, а не изучение квантовой физики, — пробормотал вполголоса бывший полковник, знакомый с моралью про "всё попробовать" из своей прошлой жизни. Вслух же он, не желая раздражать наркоману-уголовника, ограничился вежливо-неразборчивым хеканьем и неопределённым кивком.

Наконец, появился и комиссар с двумя помощниками. Сухим тоном он сообщил собравшимся, что сегодня вечером состоится спецоперация против банды спекулянтов, попросил всех сменить одежду на штатскую, и к семи часам рассосредоточенно прибыть к боковому входу Казанского вокзала. Сама операция, добавил он, будет проводиться на сортировочному участке возле водной цистерны, где бандиты, по сообщению информатора, назначили стрелку своим конкурентам. — Предположительно придёт около пятнадцати человек. Мой вам приказ — ликвидировать всех, — закончил инструктаж комиссар.

На задание Яснев с Кирбазаевым, получившие для спецоперации пистолеты-пулемёты Томпсона, выдвинулись когда стало уже темнеть. Возле боковых дверей Казанского вокзала их встретил комиссар, которых указывал каждому из прибывавших чекистов его дислокацию — кому-то на крышу товарного вагона, кому-то — на перекрытие ведущих из станции в город переулков.

Вскоре небольшой отряд скрытно занял намеченные позиции и принялся ожидать прибытия обеих конкурирующих банд. "Как только услышите мой свисток — открывайте шквальный огонь", — предупредил всех комиссар.

Уже совсем стемнело, только слабо просвечивала сквозь тучи молодая Луна, когда, наконец, к площадке перед водной цистерной с разных сторон подошли две группы бандитов. От каждой из них отделилось по паре человек — главари с охранниками — которые пошли навстречу друг другу. Однако начать переговоры они не успели. Раздался свисток и на братву с крыш близлежащих товарных вагонов, из окон соседних зданий, из тёмных переулков обрушился свинцовый ливень. Мощные пистолеты-пулемёты Томпсона, которых даже у чекистов было немного и которые выдавались только для спецопераций, наповал разили ошеломлённых гангстеров. Через несколько минут площадка была усеяна изрешеченными пулями телами, лишь несколько бандитов, вопящих от ужаса, попытались убежать в переулок, но там их встретила засада.

Луна совсем скрылась за тучами. На погружённой во тьму небольшой площадке неподвижно лежал, в разных позах, десяток покойников. Чекисты собрались несколько поодаль, возле вагона товарного поезда.

Убедившись, что все бандиты мертвы, а никто из его подчинённых не пострадал, комиссар Остроухов приказал: - Рассосредотачиваемся и выходим к вокзалу. Завтра пишем отчёт, кто где был и что делал. Я ещё немного задержусь. Поторопитесь.

Чекисты начали расходиться. Яснев, переступив через рельсы, тоже направился было в сторону вокзала, но на полдороге его что-то остановило, возможно профессиональная интуиция, учувшая некий диссонанс в словах начальника. Он свернул к стоящему на соседних путях товарному поезду, укрылся за его вагоном и принялся внимательно наблюдать через щель между досками за происходящим на площадке, где только что были расстреляны бандиты.

В смутном лунном свете он увидел как комиссар, осмотревшись по сторонам и словно бы принюхавшись, оттащил один из трупов в укромное местечко, после чего припал ртом к открытой ране и с тихим довольным урчанием принялся жадно сосать свежую кровь.

Тучи снова скрыли Луну и стало совсем темно.

Ошеломлённый Перекуров немного высунулся из-за вагона, пытаясь получше рассмотреть происходящее.

Вампир, которым оказался его начальник, резко вскинул голову и повернулся в его сторону, вглядываясь во тьму.

Перекуров тотчас прынул назад и, пригнувшись, принялся потихоньку пятиться, держась так, чтобы его закрывал вагон. Наткнувшись на другой вагон, он залез под него, перебрался через рельсы, и, отделённый от водной цистерны теперь уже двумя поездами, со всех ног припустил к вокзалу. Через пять минут он сидел в тёплом помещении буфета, и, чтобы успокоиться, хлестал одну рюмку водки за другой. Он понимал, что случайно оказался свидетелем таких дел, о которых лучше быть в неведении.

На следующий день, сдавая вместе с коллегами отчёт о своих действиях секретарше шефа, он осторожно вглядывался в неё, пытаясь по её настроению уловить, заметил ли его вчера комиссар. Хотя дело происходило в почти полной темноте, но он когда-то читал или слышал, что вампиры способны видеть в ночи как кошки.

Неопределённость в этом вопросе продолжала беспокоить старшего сотрудника ОГПУ все оставшиеся дни недели. К вечеру пятницы он уже почти совсем успокоился и решил, что его подглядывание прошло незамеченным, хотя так и не придумал, что же ему делать с этим новым знанием.

Однако утром в субботу у него дома неожиданно зазвонил телефон, и комиссар предложил "встретиться и поговорить о делах".

Глава 4. Разговор в парке.

Перекуров и Остроухов жили в соседних служебных домах. Когда старший сотрудник ОГПУ спустился вниз по лестнице и вышел на улицу, комиссар уже ждал его возле дверей подъезда.

Перебросившись парой незначительных фраз, они направились в близлежащий парк. По пути им встретился дюжий высоченный мужик в спортивном костюме — Василий, агент транспортного отдела ОГПУ, живший в том же доме, что и комиссар. Ясенев был знаком с ним и они обменялись кивками. По Остроухову Василий лишь скользнул равнодушным взглядом. Коротышка-комиссар что-то недовольно буркнул и зло сверкнул глазами.

В парке они обосновались на скамейке, в тени деревьев, вдали от других гуляющих.

Комиссар достал из роскошного портсигара папиросу, вставил её в мундштук, щёлкнул зажигалкой и затянулся дымом.

— Ты видел, — утверждающим тоном сообщил он.

Старший сотрудник счёл бесполезным отпираться, но и говорить ничего не стал. Выжидающе уставившись на собеседника, он размышлял о том, в какую сторону может повернуться разговор. Ситуация выходила, по меньшей мере, странной и опасной.

Помолчав немного, комиссар сказал, отряхивая пепел с папиросы:

— Да, я принадлежу к семейству вампиров. Так нас называют люди. Нас мало, мы встречаемся редко среди людей. Мы особые, избранные. Люди не понимают нас, в своём большинстве они тупы и невежественны.

Ты показал себя другим. Ты умён, талантлив, отличный аналитик. Хорошо проявил себя и в последнем рейде. Я рад, что ты работаешь в моём отделе. У тебя большие перспективы.

Вампир ещё помолчал, а потом, доверительно нагнувшись к собеседнику, предложил:

— Ты можешь стать совсем своим для нас.

Ясенев-Перекуров облизнул пересохшие губы.

— Как это? — хриплым голосом спросил он.

— Ты можешь присоединиться к нашему сообществу. Семейству вампиров.

Поскольку Ясенев-Перекуров продолжал вопросительно смотреть на него, вурдалак пояснил:

— Один ритуальный укус в шею, и ты станешь нашим.

Старший сотрудник ОГПУ вздрогнул и невольно дёрнулся в сторону.

Его начальник усмехнулся, загасил папиросу и швырнул бычок в урну.

— Превращение человека в вурдалака может произойти только добровольно, — сообщил он. — Все эти рассказы в книжках про то, как мы набрасываемся на людей и, искусав их, превращаем в себе подобных — совершеннейшая ерунда. Только сам человек может превратить себя в вурдалака. При помощи других вурдалаков, разумеется.

Перекуров отвёл взгляд от лица вампира, в черных зрачках которого он теперь улавливал красноватые искорки. Сейчас он понял, что имел в виду его знакомый чекист, сказавший об Остроухове: "у него есть что-то в глазах".

Некоторое время старший сотрудник пытался собрать вместе разбегавшиеся мысли, но те как-то не очень хотели складываться во что-то определённое.

— Не всё же время тебе быть простым оперативником, — усилил давление его начальник. — После инициации твой статус сильно повысится. Мне в карьере постоянно помогали наши. Так и ты, если присоединишься к нам, тоже быстро взлетишь.

Перекуров откашлялся.

— Пока я не готов, — сказал он. — Это ответственное решение и над ним надо подумать.

— Думай, — благосклонно разрешил его начальник. Он закурил новую папиросу и продолжил:

— У нас обширные планы. Нас, вурдалаков, долго угнетали, преследовали, мы вынуждены были маскироваться и прятаться. Сейчас тоже мы ещё не можем развернуться в полную силу, открыто пить кровь у людей, готовить из неё гурманские блюда...

Плешивый коротышка облизнулся.

— Но мы стремимся к этому и обязательно достигнем своей цели. Мы превратим весь народ в покорное стадо своих рабов, которые будут верить всему, что мы говорим, и даже с радостью выполнять всё, что мы прикажем, включая отправку своих детей к нам на пропитание, чтобы мы сосали из них кровь. Или использовать их, чтобы сосать кровь из других. Ах! Нет ничего слаще тёплой, свежей человеческой крови!

Вурдалак снова провёл языком по губам.

— Мы преобразуем человеческий материал. Заставим их полюбить нас, вурдалаков, когда мы окончательно выйдем из тени. Мы превратим население этой страны в рабов, но при этом убедим их, что такое положение — лучшее из всех возможных, что служение нам, их хозяевам — высшая радость, которую они могут испытать.

Вурдалак мечтательно зажмурился, словно наслаждаясь описанной им картиной, потом снова открыл глаза и добавил:

— А ещё наши учёные считают, что кровь молодых, особенно детей, омолаживает организм, помогает ему избежать старения. Так что мы будем жить очень долго, насыщенной жизнью, а обычные людишки будут просто проходить по ней, бесполезными

однодневными тенями, не свершая никаких великих и славных деяний.

Вампир стряхнул с папиросы пепел, после чего продолжил:

— У нас много врагов. И внутренних — всех, кто не принимает наши сакральные вурдалачьи ценности, и внешних. Гадит англичанка — неймётся приспешникам лорда Бивербрука. Наши идеалы не понимают бездуховные твари пиндосы. Но у нас славная история, в которой мы черпаем дополнительные силы. У нас есть герои — много таковых пришло в своё время с Ордой. Вот когда нашим было раздолье! Потом в нашей истории было ещё много великих вурдалаков. И сейчас у нас тоже много влиятельных друзей наверху, которые помогают своим.

— В правительстве есть ваши?

— Конечно. Ты постепенно познакомишься со всеми, когда станешь одним из нас. Кроме них, есть и попутчики — полезные идиоты, как их иногда называют.

— А на Западе тоже ваши есть? — помолчав, спросил Яснев.

— Бездуховный Запад слаб, — ответил собеседник. — Когда-то там было вампиров не меньше чем у нас, но, с течением времени, изнеженные гейропейцы стали вырождаться, а вместе с ними стало слабеть там и наше племя. Да, на Западе ещё встречаются сильные личности, но, в целом, он слаб. Хотя недавно в Германии появился один перспективный человек, ничуть не хуже наших. Если ему удастся реализовать свой потенциал — мы славно попируем. Он, хоть и людской породы, но стоит близко к нам.

Полуприкрыв глаза, вампир продолжал вдохновенно вещать.

— Мы всех нагнём. Все будут стоять перед нами на коленях и умолять о пощаде. Весь мир станет нашим. Так предначертано судьбой.

"Новый Чингисхан", — тоскливо думал Яснев, выслушивая откровения своего разошедшегося начальника. — "Захватить весь мир!? Проклятье, почему они никогда не могут остановиться. Ведь наш эффективный бизнес так хорошо пошёл. Ах да, он же вампир, да ещё идейный. Чёрт их всех побери".

Впрочем, внешне бывший российский полковник продолжает сохранять вежливое выражение лица и внимательно слушать собеседника. Однако тот и сам, похоже, понял, что чересчур увлёкся и несколько снизил накал риторики.

— Мы, вурдалаки, в конечном счёте не хотим ничего, кроме уважения, — примиряющим тоном сказал он. — Весь мир должен нас уважать.

Вампир на некоторое время умолк, попыттел папиросой, потом повторил:

— Да, мы примем все меры, чтобы заставить мир уважать нас.

— И знаете что, — он снова доверительно наклонился к собеседнику. — Я начну со своего соседа. Вот того самого тупого Васи, которого мы сегодня встретили. Он меня совсем не замечает, не уважает. Но я заставлю его уважать меня.

Яснев припомнил встреченного утром мускулистого бугая из соседнего дома, а Остроухов, тем временем, продолжал бухтеть:

— Рядом живём, он ниже этажом, а ничуть меня не уважает. Ему это даром не пройдёт. Всё, что мы, вампиры, хотим от людей — это только уважение.

*

В понедельник старший сотрудник пришёл на работу совсем смурной. Из рук всё валилось и он, забросив недописанный отчёт в ящик стола и отшвырнув авторучку, принялся вполголоса разговаривать сам с собой:

— Я думал, он просто пилит деньги, а оказалось он — реальный вурдалак. Да ещё

идейный, так его растак. Диктатура вурдалаков в стране, потом во всём мире. Да ещё психические комплексы. Синдром коротышки. "Меня должны уважать". Тьфу. Не надо было мне с ним связываться.

Последнюю фразу он, забывшись, произнёс вслух, так что сидевший за соседним столом Кирбазаев удивлённо спросил:

— Э, почему, начальник, мы же так хорошо поднялись?

Бывший российский полковник досадливо поморщился, но пояснил:

— Он идейный, и тиран, и по законам тирании окружит себя лизоблюдами и подонками, а когда эта шаткая конструкция рухнет, то она похоронит под собой всех причастных, включая нас. Это во-первых. Во-вторых, мы пришли заниматься эффективным бизнесом, а непокорять Вселенную. Просто хорошо жить, а не выполнять чингисхановы планы, подставляя свои головы под бойню ради покорения вурдалаками мира. Короче, надо валить.

— Непонятно говоришь, начальник, — покачал головой Кирбазаев.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Ясенев-Перекуров. — Забудь.

*

На следующий день комиссар, предварительно позвонив, снова встретил старшего сотрудника у подъезда и, первым делом, осведомился:

— Надумал?

— Думаю, — односложно ответил мрачный Перекуров.

— Хорошо, думай. Когда надумаешь — скажешь. Это выгодно тебе, не мне. А я, между прочим, уже начал принуждать своего тупого соседа Васю к уважению.

— Как это?

— Он живёт прямо подо мной, этажом ниже. И вчера вечером я бросил ему сверху на балкон дохлую кошку.

— ??

— Он меня не уважает, я же говорил. А я должен доказать ему величие вурдалаков, — пояснил плешивый кровосос. — Сегодня утром я ещё и вылил ему на балкон помой. — Остроухов подмигнул и хохотнул. — Вася непременно меня уважает.

*

Ещё через два дня, когда комиссар и старший сотрудник по особым поручениям возвращались домой после работы, к ним подошёл хмурый Василий, который, похоже, подстерегал своего соседа.

— Кто нагадил мне на балкон? — исподлобья глядя на Остроухова, мрачно спросил он.

Тот оживился. Подмигивая и подталкивая своего коллегу в бок он принялся объяснить:

— Это, Василий, всем нам гадит англичанка. Лорд Бивербрук и капиталисты Сити устраивают против нас провокации. Пиндосы опять же у них на подхвате. Им нет большего удовольствия, чем облить грязью нас и наши ценности. Только сплотившись и проявляя уважение к своим вождям, наш народ сможет дать им отпор.

Василий, почесав в затылке и окинув недовольным взглядом их обоих, удалился.

Плешивый коротышка-комиссар, трясаясь от возбуждения, повернулся к Перекурову.

— Ты видишь, видишь? Вася уже начинает меня уважать! — брызгая слюной затараторил он. — Уже обратил на меня внимание!

Немного успокоившись и передохнув, он пояснил своему подчинённому:

— Англичанка всегда гадит, но мне надо доказать величие вурдалаков, надо втемяшить

в пустые головы вот этих вась необходимость проявлять к нам уважение. И заметь, он уже обратил на меня внимание. Скоро даже до его тупой башки дойдёт, что меня надо уважать.

Глава 5. Жест доброй воли.

Ещё через день, когда комиссар и старший сотрудник возвращались с работы домой, из переулка к ним навстречу устремился Василий. Его физиономия была прямо-таки перекошена.

— Ха-ха, похоже, он клюнул. Вчера я прямо у него на глазах обоссал его балкон, — похвастался плешивый коротышка. — А то всё никак до него не доходило. Смотри, сейчас он будет проявлять ко мне уважение.

С такими словами Остроухов приосанился, принял величественную позу, отставил правую ногу и простёр ладонь в сторону направлявшегося к нему бугая — приготовился, что тот будет проявлять к нему уважение — поцелует руку, падёт на колени, или ещё что.

Однако вместо всего этого разъярённый Василий схватил комиссара за горло и начал душиить.

Тот выпучил глаза.

— Ты что делаешь, ты как смеешь. ты должен проявить ко мне уважение, — пытаюсь оттолкнуть бугая, хрипел изумлённый вурдалак.

Василий, ничего не отвечая, с ожесточённым выражением лица усиливал нажим.

Вурдалак ещё немного потрепыхался и обмяк.

Василий отшвырнул в сторону безжизненное тельце, мрачно глянул на Ясенева и зашагал к себе домой.

*

— Что там с нашим главным? Его таки сегодня нигде не видно, а в отделе все смурные ходят. Секретарша вообще мечется как курица, которой отрубили голову, — поинтересовался Митя Фельдцерман.

Ахмед Кирбазаев и Мокей Телятников наострили уши.

— Он бросил на балкон к своему соседу Василию, который жил этажом ниже, дохлую кошку. Потом накидал дохлых лягушек. Потом подкинул змею. Помой каждый день сверху лил, — вздохнув, сообщил Ясенев.

— Зачем? — недоуменно спросил Кирбазаев.

— Хотел, чтобы тот обратил на него внимание, — сказал Ясенев.

— Э?

— Чтобы начал его уважать, — пояснил старший сотрудник особых поручений. — Вчера вообще на его глазах обгадил ему балкон.

— И что?

— Добился своего. Обратил на себя его внимание. А Василий — здоровенный бугай. Встретил его на улице и стал душиить.

— Э, начальник, ты же сам говорил, что он великий стратег? У него же были планы покорения всего мира?

— Планы-еропланы. Были да сплыли. Планы были грандиозные, а простой работяга Вася схватил его за горло, да и придушил.

— Насовсем?

— Он немного потрепыхался, а потом сделал жест доброй воли.

Ахмед глубоко задумался над этим образным эвфемизмом, Митя же понял его сразу,

поцокал языком и спросил:

— Почему в красном уголке нет фотографии в траурной рамке и венков?

— В отделе кадров сейчас говорят, что такой у нас давно не работает. Когда я к ним зашёл и спросил про Максим Аникеевича, то они ответили, что Остроухов уволился год назад. Правда, поглядывали на меня как-то странно.

— А что же тело?

— А оно исчезло. Лежало и вдруг стало таять, превращаться в туман. Развеялось совсем и даже лужицы на том месте не осталось.

— Ну, чудные дела.

— Не перенёсся ли он, часом, став попаданцем, как и я, в другое время, например, в будущее? — пробормотал вполголоса Ясенев. — Впрочем, мне это без разницы. Вряд ли я вернусь назад.

Кирбазаев услышал непонятные слова и переспросил, но бывший полковник отмахнулся: - Не бери в голову.

Эпилог

Производство стохастических пушек Панчевского продолжалось, и Ясенев по-прежнему получал небольшие откаты с каждой партии поставленных в армию орудий, впрочем значительно уменьшившиеся после исчезновения его начальника. Претендовать на большее он не осмеливался, потому как понимал, что без связей покойного комиссара он никто и звать его никак, и при случае старшие товарищи армейцыего попростугрохнут.

Однажды, после особенно тяжёлого трудового дня он, придя поздно вечером домой, тяпнул наскоро рюмку водки, закусил бутербродом, потом разделся, плюхнулся на кровать и принялся размышлять о своём будущем. Перекуров понимал что его эффективно бизнесу скоро наступит конец. Точные детали и годы репрессий в оборонке и армии он не помнил. Сакральную дату — 37-й год — он, конечно, знал намертво, но незадолго до неё тоже вроде бы что-то такое происходило? Поразмыслив ещё немного, он пришёл к выводу, что сворачивать свои дела и убираться из страны надо до середины тридцатых годов — иначе он может попасть под *маховик сталинских репрессий*.

Затем бывший российский полковник задумался о читанных им в своё время романах про попаданцев из России его времени в сталинский СССР, и внезапно даже привскочил на кровати от пришедшего к нему в голову озарения:

— Не может быть! — воскликнул Перекуров-Ясенев. — А что если... все эти кристально честные ленинцы, нестигаемые партийцы, блестящие журналисты, эффективные менеджеры, которых сталинские прокуроры называли жуликами и ворами, врагами народа и бешеными собаками- что, если все они были, как и я, *попаданцами в Советский Союз из России XXI века*?!

Мысль эта ошеломила бывшего полковника. Откинувшись обратно на спинку кровати, он вытер проступивший на лбу холодный пот и пробормотал:

— Надо срочно рвать когти. Хоть тушкой, хоть чучелом, но надо как можно скорее выбираться из этой страны.

Часть 5

Пролог

Проснувшись поутру, бывший российский полковник сообразил на трезвую голову, что его вчерашние ночные полупьяные рассуждения были неосновательными. Ниоткуда не следовало, что жулики и воры, посаженные или расстрелянные при Сталине, были попаданцами в Советский Союз из России XXI века. Наоборот, очевидно же, что подонки имелись во все времена, и, значит, подавляющее большинство "необоснованно репрессированных кристально честных коммунистов" наверняка были местного происхождения.

Прояснив ситуацию, Перекуров повеселел, сделал наскоро гимнастику, после чего побрился, умылся, выпил кофе и отбыл на службу. Сегодня у него был запланирован важный разговор с кем-то из центрального аппарата партии — звонивший не уточнил, с кем именно — и встреча эта должна была состояться в недавно образованном при Штабе РККА отделе перспективных вооружений. По всей вероятности, решил чекист, речь пойдёт о новых видах *не имеющего аналогов в мире* оружия, которое, несмотря на исчезновение его главного куратора от ОГПУ, продолжало интересовать армейское и партийное начальство.

*

Отметившись в своём ведомстве, старший сотрудник особых поручений оставил секретарше номер телефона, по которому его можно было бы разыскать в случае надобности, и отправился пешком в не очень далёкий от Лубянки Антиповский переулок, где обосновался отнесённый к Штабу Красной армии новый отдел.

Пришёл Яснев-Перекуров слишком рано, неизвестный партиец, вызвавший его на беседу, ещё не дал о себе знать, и чекист, потоптавшись в приёмной, зашёл в зал совещаний, где армейцы оживлённо обсуждали разные виды оружия. Пара офицеров, участвовавших вместе с ним полгода назад в испытаниях снарядов с непредсказуемой траекторией, кивнули ему, но никто больше к Перекурову интереса не проявил. Уяснив принципы создания нового типа вооружений, а особенно его финансовую сторону, военные дальше уверенно стали действовать сами. Сейчас, разбившись на небольшие кучки, они рассматривали выставленные на стендах затейливые макеты и красочные рисунки.

Перекуров переводил взгляд с одного предмета на другой, вслушиваясь в доносившиеся до него реплики. Ближе всего ко входу в зал стояла модель танка с двумя дулами, направленными в противоположные стороны. Большими красными буквами на нём было начертано "ТЗКиМР" — что Перекуров расшифровал как "Троцкий-Зиновьев-Каменев и Мировая Революция". Изготовителем машины значился "Экспериментальный завод имени героя революции Щорса". Под трёхметровой человекоподобной машиной, с виду напоминавшей Железного Вилли из книжек А. Волкова, была подпись: "Боевой робот с паровым приводом. Разработка КБ имени Парижской коммуны". На ватманском листе, прикреплённом к доске неподалёку от робота, была изображена туча зловещего вида летающих насекомых со стального цвета крыльями и трёхгранными жалами. Подпись внизу гласила: "Ударный отряд пчёл патрулирует границу. Проект научно-производственной трудовой артели имени товарища Фрунзе". Стоявший рядом плюгавый человечек, очевидно, представитель артели, взволнованно вещал:

— По сведениям наших газет, в секретных биологических лабораториях Англии выращивают генетически изменённых боевых гусениц, которые, будучи заброшенными на территорию нашего государства, избирательно уничтожают посевы у бедняков и середняков, оползая стороной кулацкие хозяйства. Мы должны дать отпор происку империалистов, защитить наше трудовое крестьянство!

Дюжина офицеров окружала стенд с макетом робота и видами боевых пчёл, делая в своих блокнотах зарисовки, и, время от времени, задавая изобретателям вопросы.

— Представляю, что со всеми этими новаторами станется, когда к власти придёт Сталин, — пробормотал вполголоса бывший российский полковник.

Позади него кто-то негромко кашлянул. Обернувшись, Перекуров увидел безликого человека в штатском, с виду типичного партийного функционера.

— Прошу за мной, товарищ, — сказал безликий. Он направился к выходу из зала, затем к одному из многочисленных кабинетов ведомства. Чекист проследовал за ним.

Из комнаты с табличкой "Зал заседаний" навстречу им потянулась шумно галдящая вереница военных с нашивками комбригов и командармов. Перекуров и его провожатый посторонились, давая им дорогу. Когда последний армеец покинул помещение, порученец кивнул чекисту на дверь, сам же обосновался на стуле возле стены. Перекуров вошёл в зал заседаний. Во главе длинного стола в одиночестве сидел знакомый ему по фотографиям в нынешних газетах — а ещё больше по картинкам в исторических книгах его прошлого времени — секретарь ЦеКа.

— Товарищ Яснев, — полувопросительно произнёс с лёгким акцентом партиец, и, дождавшись почтительного наклона головы вошедшего, кивнул: — Прошу садиться.

Бывший российский полковник осторожно присел на краешек стула. — "Накаркал", — беспокойно подумал он. — Неужто уже начинаются репрессии?

Однако секретарь довольно благожелательно смотрел на чекиста своими жёлтыми глазами и тот постепенно успокоился.

— Мы только что провели совещание с военными командирами насчёт новых типов оружия, — сказал партиец. — Товарищи изложили свои предложения. Мы, в ЦеКа, внимательно изучим их. Однако техника это не всё. Техниклой управляют люди. — Он на некоторое время умолк.

— Ничего путного не выйдет, если самой лучшей техникой будут распоряжаться люди старого, отжившего, частнособственнического мировоззрения, — наконец, снова заговорил он. — Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы как можно скорее воспитать новый тип человека, сознательно работающего для блага всего общества. Только с помощью таких людей могут быть осуществлены грандиозные планы, которые ставит перед собой наша партия. Пора, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихя в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. — Секретарь снова умолк, а Яснев-Перекуров, вспомнив ёмкую фразу из курса истории КПСС, отважился вставить слово:

— Кадры решают всё, — сказал он.

— Именно. — Секретарь ЦеКа одобрительно глянул на сотрудника ГПУ, достал блокнот, сделал в нём какую-то пометку, затем, отложив блокнот в сторону, продолжил:

— В связи с этим Центральный Комитет постановил ускорить развитие человеческого капитала и сделать в этом вопросе упор на техническую сторону дела. Мы намерены поручить решение этой задачи вам, товарищ Яснев.

— Я весь внимание, — немного хриплым голосом отозвался чекист.

— Сейчас над созданием человека нового типа трудятся писатели и кинорежиссёры. Но это процесс не быстрый, а времени у нас мало. Помощниками людей, во много раз увеличивающими их силы, давно стали механизмы и электричество. Нельзя ли создать техническое устройство, которое воздействовало бы на души людей, пробуждая в них лучшие

чувства, стремление служить обществу, и тем самым помогая созданию человека нового типа? — Подавшись вперёд, секретарь выжидающе уставился на собеседника. — В нашем народе таятся неисчислимы таланты. — добавил он. — Мы знаем, что вы немало общались с учёными и инженерами. Может быть, вам доводилось встречать изобретателя, который работает в таком направлении?

Перекуров задумался. Идея поначалу показалась ему фантастичной. Но потом он припомнил передачи российского телевидения в своём прошлом мире и решил, что задача ускоренного создания нового типа человека с помощью технических устройств не такая и утопическая. Больше того, она вполне реальна. Да, кстати, в одном из лагерей — надо будет просмотреть записи, где именно — он уже слышал о чём-то подобном.

Очевидно, мысли бывшего российского полковника как-то отразились на его лице, потому что внимательно наблюдавший за ним секретарь ЦеКа сказал:

— Вижу, товарищ Яснев, у вас есть задумки на этот счёт.

Чекист кивнул.

— Имеются наметки, — сообщил он. — Я попробую.

— Задания партии, товарищ Яснев, надо не "пробовать", а безусловно выполнять, — строго, но доброжелательно, с еле заметной лукавинкой в глазах, сказал секретарь ЦеКа.

— Есть, товарищ секретарь, — бодро ответил чекист. — Ваше задание будет безусловно выполнено.

— Вот это по-нашему, по-большевистски. — Секретарь поднялся с кресла и протянул руку, давая понять посетителю, что аудиенция окончена. — Через месяц жду вас с отчётным докладом.

Глава 1. Волшебная флейта.

Уже вернувшись на Лубянку, старший сотрудник по особым поручениям вспомнил имя того изобретателя, мысли о котором крутились в его голове во время встречи с секретарём ЦеКа. Это был Викентий Авксентьевич Заврыкин, безобидный маленький человечек, что-то лопотавший о "пробуждении душевных сил с помощью электромеханических резонаторов". Ему приписали отрицание ведущей роли партии в обществе, дали пять лет, и уже собирались было отправить на Колыму, где он, конечно, сгинул бы, по причине полной неспособности к жизни, но Яснев, во время очередной инспекции, пожалел бедолагу и смягчил ему наказание на высылку из столицы. Сейчас он обитал в Нижнем Новгороде, куда и направил депешу в местное ГПУ чекист, потребовав срочно этапировать означенного Заврыкина в Москву, в распоряжение центрального аппарата.

*

Старший сотрудник ОГПУ занимался в своём служебном кабинете текущими делами, когда ему позвонили с проходной.

— Петр Матвеевич, пришёл некий Викентий Заврыкин, уверяет, что его направили к вам, но повестки при себе не имеет, — сообщил дежурный офицер. — Вы вызывали такого?

— Да, это ко мне, — ответил Перекуров. — Пропустите. И дайте ему сразу бумагу на выход, я потом подпишу.

Через пару минут в дверь кабинета старшего сотрудника особых поручений робко постучали.

— Войдите! — крикнул чекист.

Дверь приоткрылась и в комнату осторожно ступил маленький человечек. Перекуров

помнил его довольно смутно, но сразу узнал.

— Проходите, не стесняйтесь, — дружелюбным тоном сказал он. — Рад встретиться с вами снова. Присаживайтесь. Надеюсь, вы без проблем добрались до Москвы?

Изобретатель смущённо кивнул и порозовел. — Спасибо вам, товарищ Яснев, — еле слышно проговорил он.

— Не стоит благодарности, это наша работа, — махнул рукой чекист. — Рад, что ваши затруднения благополучно разрешились.

Изобретатель ещё раз кивнул и прижал руки к груди.

— Я, собственно, вызвал вас, чтобы поговорить об аппарате, про который вы мне рассказывали на нашей последней встрече. — Перекуров глянул в записи. — Электромеханический резонатор, если не ошибаюсь.

Заврыкин оживился, его глаза заблестели. — Совершенно верно, так, — сказал он. — Импульсно-релейный электромеханический резонатор.

— Что он делает?

— Если вкратце, он генерирует электромагнитные колебания, воздействующие на души людей.

— Расскажите подробнее, — попросил Перекуров. — Как он работает, какие конкретно эффекты производит, на каких физических принципах основан.

Изобретатель с некоторым сомнением глянул на рабоче-крестьянскую физиономию чекиста.

— Не беспокойтесь, я постараюсь понять, — улыбнулся тот с превосходством человека XXI века, чьё школьное образование превышало уровень знаний местных академиков. — Впрочем, излагайте попроще, — на всякий случай добавил он.

Заврыкин послушно кивнул.

— Души всех живых существ можно рассматривать как наборы резонаторов, откликающихся на внешние воздействия, — начал он. — Значит, можно попытаться экспериментальным путём подобрать комбинации искусственно производимых гармонических колебаний — разной природы, от звуковых до электромагнитных — которые вызывали бы в душах отклики.

Вдохновившись, изобретатель принялся размахивать руками, стараясь получше донести свои идеи до собеседника.

— Я начал опыты с простыми наборами камертонов, теми, что используются настройщиками музыкальных инструментов. Сначала подбирал сочетания гармоник, которые вызвали бы отклик у кошек и собак. Затем занялся теоретическим расчётом, какие нужны комбинации частот или длин волн, чтобы получился нужный эффект у людей. Потребовалось пять лет напряжённой работы, но, в конце концов, с помощью интегрального и дифференциального исчисления, я нашёл решение. После чего занялся постройкой самого аппарата. Не всегда можно было отыскать требуемые материалы, особенно подходящие резисторы, — пожаловался он. — Да что там, с электрическими батарейками временами возникали проблемы.

— Но, в конце концов вы построили, что хотели?

Изобретатель гордо кивнул.

— И что же ваш аппарат делает? — сцепив пальцы, спросил чекист.

— Мой аппарат пробуждает в душах людей их глубинные чувства, которые в нашем народе, конечно же, направлены на благо других, всего общества, — торжественно сообщил

изобретатель.

— Гм, — выразил осторожное сомнение бывший российский полковник.

— Теоретические расчёты показывают, что это именно так, — сообщил Заврыкин.

— Теоретические? То есть, на практике вы его не проверяли?

— Только на себе, — извиняющимся тоном сказал изобретатель. — Едва только я собрался набрать добровольцев, чтобы сделать контрольную проверку, как меня... ну это самое...,- он замялся.

— Понятно, — прервал его чекист. — И как же будут проявляться эти глубинные чувства, которые, как вы утверждаете, активизируются благодаря вашему прибору?

Заврыкин вдохновился снова.

— У каждого по своему. У кого-то это будут выражения задушевных мечтаний, у кого-то — общественно-полезные действия. У творческих людей усилится тяга к работе на благо общества. У школьников, пионеров повысится интерес к науке, стремление подражать великим учёным и инженерам прошлого.

Изобретатель полуприкрыл глаза, его лицо приняло мечтательное выражение

— Представьте себе просторный, светлый Дом Культуры. В него строем входят пионеры, кто с моделью из фанеры, кто с прибором для исследований инопланетной атмосферы. Они начинают путь в прекрасное далёко, где их ждёт работа на общее благо, ради прогресса человечества. Разве это не замечательно?

Бывший российский полковник задумался, побарабанил пальцами по столу, потом спросил.

— Сознательность в людях ваш аппарат тоже усиливает?

— Безусловно, — ответил изобретатель.

— Я имею в виду стремление к выявлению антисоциальных настроений, — уточнил чекист. — К разоблачению, мошенников, жуликов, вредителей.

Изобретатель немного замялся, потом кивнул.

— Думаю, что да, — ответил он. — Почему же нет? Пробудившиеся в нашем народе глубинные чувства стремления к общественному благу найдут своё выражение и в такой форме. Несомненно, что все, подвергшиеся облучению резонаторами, станут негативно относиться к антисоциальным проявлениям.

— Так-таки все? — недоверчиво спросил Перекуров. — Вы полагаете, что ваш прибор подействует на каждого человека?

— Увы, есть некоторые, у кого сердце совсем зачерствело, и они не проявят глубинных чувств даже при максимальном воздействии волн моего аппарата, — грустно ответил изобретатель. — Но таких мало.

— Сколько примерно?

— Я прикидывал, процентов пять-десять.

— А как насчёт социальных групп? Есть ли среди них неподверженные воздействию ваших волн? — продолжал допытываться чекист. — Вы изучали этот вопрос?

— Согласно теоретическим выкладкам — подвержены все, — ответил изобретатель. — Мужчины, женщины, рабочие, крестьяне, служащие, партийные, беспартийные, всех возрастов.

— И дети?

— Расчёты показывают, что к воздействию подобранных мною комбинаций частот колебаний электромагнитного поля дети даже чувствительнее взрослых, — сообщил

Заврыкин.

— Ну что же, пока информации достаточно. — Перекуров откинулся в кресле. — Теперь надо будет провести испытания вашего аппарата на практике.

Изобретатель немного замялся.

— Видите ли, у меня был только один экземпляр, и я его едва начал было испытывать, когда меня... — он замялся, — ... это самое.

— Но сам прибор-то имеется? — спросил чекист.

— В немного повреждённом состоянии, — признался изобретатель. — Я, когда вернулся, сразу же бросился его восстанавливать, но ещё не довёл дело до конца.

— Напишите список всего, что требуется для доработки, — велел Перекуров. Подумал и добавил. — Делайте его в двух вариантах: один для индивидуального воздействия, а второй — для массового. — Он достал из ящика письменного стола чистый лист бумаги и подтолкнул его к Заврыкину.

— Для массового воздействия потребуется параболический отражатель, — сообщил изобретатель, берясь за авторучку.

— Значит, и его запишите тоже.

Заврыкин, склонившись над бумагой, трудолюбиво заскрипел пером. Закончив писать, он протянул довольно длинный список чекисту.

Перекуров бегло просмотрел листок. Ничего необычного в нём не значилось — радиодетали, линзы, соленоиды, провода, разная техническая мелочь. Он нажал кнопку вызова порученца.

— Сколько времени вам понадобится для завершения работы? — спросил чекист.

— Пары недель хватит, — заверил изобретатель.

— Годится, — вынес вердикт Перекуров. Он протянул бумагу вошедшему в комнату Кирбазаеву.

— Ахмед, закупи, что здесь написано, — дал распоряжение подчинённому старший сотрудник. — Оплату проведёшь через наш хозяйственный отдел.

Когда за Кирбазаевым закрылась дверь, чекист снова повернулся к изобретателю.

— Итак, через две недели жду результатов. Нам надо будет произвести контрольные проверки работы вашего прибора.

— Конечно.

— На разных общественных группах. Индивидуально и массово. — Подумав, Перекуров решил уточнить: — На какое расстояние действует ваш прибор?

— Если индивидуально, то на три-пять метров. Достаточно держать его включенным пару минут. Для питания в этом случае хватит и батареек, — сообщил изобретатель.

— Можно ли его будет при этом поместить в чемодан или портфель?

— Вполне. Через простые материалы радиоволны пройдут практически без потерь. Вот если экранировать металлом, алюминиевой фольгой, например, то действия он не окажет. Волны не проникнут через такую преграду.

— Так, а что нужно в массовом случае? На каком расстоянии будет действовать излучение, если вести его через отражатель?

— По расчётам, порядка сотни метров в радиусе. И тут энергии нужно побольше, так что для питания придётся подключаться к сети. Да, и сам излучатель потребуется разместить на чём-то высоком, типа радиовышки.

— Хорошо. Приступаем к работе, — заключил чекист. — Делайте доводку, а я пока

набросаю план испытаний. Вашему прибору и всей этой спецоперации мы дадим название "Волшебная флейта".

Глава 2. Глубинные чувства.

Заврыкин управился с работой за неделю. Перекуров, получив сообщение от изобретателя, что к испытаниям всё готово, оформил в своём ведомстве командировку в небольшой подмосковный городок — проводить массовый эксперимент в столице он счёл слишком рискованным — затем отправил машину с порученцем за прибором и его автором.

В отделении ГПУ подмосковного городка чекист, пользуясь мандатом от секретариата ЦеКа, вытребовал для себя отдельный кабинет и красноармейца в подмогу. Прибор он решил разместить на вершине водопроводной башни, где имелась небольшая, ограждённая перилами, площадка.

За день Перекуров и Заврыкин смонтировали аппарат, установив его излучатель на шарнирах, чтобы он мог вращаться. На ночь чекист велел изобретателю и красноармейцу остаться в башне, в камерке сторожа на нижнем этаже, чтобы ничего не случилось с ценным оборудованием.

Назавтра местные электрики подвели к башне электропитание и к вечеру подготовка прибора к работе была окончательно завершена. Перекуров отпустил порученца и, пока тот спускался по винтовой лестнице на землю, оба экспериментатора присели покурить.

— Ну всё. — Увидев, что красноармеец вышел из дверей водонапорной башни, чекист швырнул окурок за перила и поднялся. — Запускайте кракена.

Изобретатель недоумевающе глянул на него.

Перекуров досадливо отмахнулся. — Включайте свой прибор, Викентий Авксентьевич, я хочу сказать. Вы — автор, вам и честь первому перерезать красную ленточку.

Заврыкин подошёл к аппарату и потянул на себя рубильник.

Большая диодная лампа перед отражателем засветилась слабым голубоватым сиянием, а сам прибор начал издавать тихий писк.

— Поверните вокруг оси, — велел Перекуров, встав сзади.

Заврыкин кивнул и начал медленно вращать установленную на шарнирах конструкцию, в то же время перемещаясь, вместе с Перекуровым, вслед за ней, чтобы не попасть под излучение.

Проделав эту процедуру три раза, изобретатель остановился, затем выключил рубильник и вытер со лба выступивший у него от волнения пот.

— Достаточно, — слегка охрипшим голосом сказал он. — Две-три минуты воздействия должны дать нужный эффект.

*

В выделенный для него кабинет чекист пришёл с утра пораньше и занялся предварительной подготовкой отчёта о проведённом эксперименте. Оставалось только дожидаться его результатов. Но какими они должны быть? Каким окажется проявление глубинных чувств народа? Объяснения изобретателя на этот счёт были не слишком вразумительными. Время от времени у чекиста мелькала мысль — не является ли всё это дело шарлатанством? Хотя в людях бывший российский полковник спецслужбы разбирался, и интуиция говорила ему, что он находится на правильном пути.

Предаваясь размышлениям, Перекуров встал из-за стола и подошёл к окну. Провинциальный городок выглядел мирным и сонным. На тротуаре лениво клевали зёрна

воробьи. На ветке дерева, росшего прямо под окном, неспешно чистила пёрышки синица. По дорогам, огибая лужи недавно прошедшего дождя, шагали редкие прохожие. Время от времени раздавались гудки автомобилей. Со стороны местной школы помчалась наперегонки, размахивая портфелями, стайка пионеров.

— Наверное, перерыв в занятиях, — машинально отметил Перекуров.

Однако школьники, вместо того, чтобы, радуясь долгожданной свободе, разбежаться в разные стороны по своим мальчишечьим-девчоночьим делам, свернули к зданию местного ГПУ и столпились перед приёмной.

Удивлённый Перекуров, продолжавший наблюдать за ними в окно, увидел, как к детворе вышел дежурный сотрудник, задал им какой-то вопрос, те вразнобой что-то ответили, он им что-то сказал, после чего толпа детишек перетекла к крылу здания, в котором располагался кабинет Перекурова и, к изумлению столичного чекиста, выстроилась возле его дверей.

Зазвонил телефон. Перекуров снял трубку.

— Пётр Матвеевич, к вам пионеры, хотят о чём-то поговорить, — послышался голос дежурного офицера.

— Да? — озадаченно откликнулся Перекуров. — Хорошо, сейчас открою.

Он пересёк комнату и отворил дверь. Перед ним стояла, держа в руках какие-то бумажки, дюжина детишек, кто с октябрятскими значками, кто в красных галстуках.

— Что у тебя, малышка? — спросил он ближайшую к нему девочку с косичками.

— Это ведь вы дядя-чекист из столицы? — пропищала кроха.

Ясенев-Перекуров машинально кивнул.

Девочка протянула ему какую-то свёрнутую в трубочку бумагу.

— У меня сигнал об антиобщественном поведении, — сказала она.

Изумляясь ещё больше, чекист повернулся к соседней школьнице, немного постарше:

— А у тебя что?

— У меня тоже сигнал, — важно кивнула та.

— Хм. Что ж, заходите по одному, — сказал Перекуров.

Дети послушно упорядочились в очередь.

Та, которую чекист спрашивал первой, первой и зашла в его кабинет.

— И о чём же ты хочешь рассказать? — спросил старший сотрудник ОГПУ.

— Папа с мамой не читают советских газет, — малышка с золотистыми волосами, подвязанными розовым бантиком, протянула ему довольно-таки обширный меморандум.

— Ухитрилась же столько накалякать, — проворчал Перекуров. — Поди, и писать-то лишь недавно выучилась.

Первоклассница засмушалась и покраснела.

— Родители запрещают таскать варенье? — дочитав бумагу, заинтересовался Перекуров.

— Как вы догадались? — широко раскрыло глаза ангельское создание.

— Работа такая. — Чекист вздохнул, достал из шкафа папку, положил в неё бумагу, затем порывшись в столе, нашёл там коробку леденцов и протянул её сознательной октябрятке. — Иди гуляй, — сказал он. — Советская власть разберётся.

Закинув в рот конфету и размахивая портфелем с наклейками котиков, малышка убежала.

— У тебя о чём сигнал? — спросил чекист следующую девочку, школьницу постарше,

которая протягивала ему листок, исписанный чётким почерком.

— Моя мама, учительница, на уроке истории критиковала действия командарма Тухачевского в войне с белополяками.

Перекуров вначале досадливо поморщился, но, перевернув лист бумаги и глянув на подпись посетительницы, заинтересованно хмыкнул. Эта фамилия встречалась ему в ГПУ-шном списке местной номенклатуры.

— Кто у тебя папа? — спросил он, просмотрев содержание.

— Секретарь райкома, — гордо вскинул голову, сообщила школьница. — Он меня учит всегда быть бдительной и выявлять скрытых врагов Советской власти.

— Да, да, конечно. — Перекуров понял, что не ошибся. — Папа наш человек, советский, — кивнул он. — А мама, похоже, из бывших?

— Она полна буржуазных предрассудков и я с ней постоянно ссорюсь, — возмущённо фыркнула школьница. — Недавно у нас проходила агитационная компания "Долой стыд!" так она запретила мне идти голой по городу вместе с другими активистками женского движения — сказала, что это "неприлично"!

— Понятно. Спасибо за бдительность и доверие к Советской власти. — Перекуров положил сигнал в другую папку. Учительница его не интересовала, но заполучить *материал* на секретаря райкома было совсем неплохо. — Следующий! — крикнул он.

*

Когда Перекуров уже заканчивал сортировать поступившие к нему от школьников сигналы, в кабинет постучали, и, после отклика "Войдите!", в дверях обозначился заспанный изобретатель.

— Ох, тысяча извинений, Пётр Матвеич, я вчера так утомился и переволновался, что всё на свете проспал. Уже были какие-нибудь проявления глубинных чувств?

Чекист кивнул.

— Какие, у кого? — Заврыкин от нетерпения чуть ли не подпрыгивал. — Ну, не томите же!

— Пионеры проявили активность, — неопределённо ответил чекист.

— Я же говорил! — обрадованно воскликнул изобретатель. — Дети к моим резонаторным волнам намного чувствительнее взрослых! Наверное, они принесли рационализаторские предложения в местный клуб юных техников?

Перекуров молча подтолкнул к нему папку с сигналами.

Изобретатель принялся читать донесения бдительных пионеров и октябрят, время от времени изумлённо хмыкая и бормоча про себя: - Удивительное дело... Ну надо же... Хотя... Молодое поколение всегда занимает активную жизненную позицию...

— Входят строем пионеры, у кого в руках журнал, у кого написанный вручную обстоятельный сигнал, — процитировал Перекуров стишок его времени. — А вот и взрослые подтянулись, — добавил он, наблюдая в окно как у приёмной местного ГПУ понемногу собирается толпа, и уже понимая, куда её перенаправит дежурный офицер. — Викентий Авксентьевич, погуляйте пока, я буду занят, и, похоже, до вечера. — попросил он, глядя, как толпа возле приёмной становится больше и больше.

— Да, да, конечно, — скомканно ответил изобретатель, возвращая папку на стол.

Толпа граждан двинулась в сторону крыла здания, где находился кабинет столичного гостя.

— "Мы сегодня ругаем товарища Сталина. И всё-таки я хочу спросить: кто же написал

четыре миллиона доносов?" — пробормотал Перекуров фразу, которую любил приводить их институтский лектор по истории КПСС.

В дверь постучали.

— Что у вас, товарищи? — выйдя на порог, осведомился он у женщины боевого вида, стоявшей впереди всех.

— Это вы столичный чекист? — требовательно спросила та.

— Я, — кивнул Перекуров.

— Считаю своим долгом сообщить, что мой сосед по коммунальной квартире Васька Сукин, когда напьётся, выражается матерными словами в адрес Советской власти. Прошу обеззаразить общественную среду от означенного хулигана, поскольку его аморальное поведение оказывает разлагающее влияние.

Женщина протянула бумагу чекисту и добавила:

— А жилплощадь его пусть на нас переписут. Мы пять лет в очереди на улучшение стоим.

— Хорошо, гражданка, разберёмся, — ответил Перекуров, принимая заявление. — Выстройтесь в очередь и заходите по одному, — велел он остальным.

Толпа послушно преобразовалась.

— Так, кто вы, и что у вас? — спросил он следующую посетительницу.

— Артистка местного театра, — с достоинством ответила высокая дама, чем-то напомнившая бывшему российскому полковнику популярную в его прежнем мире артистку, дочь известного кинорежиссёра. — Считаю своим долгом сообщить об антиобщественном поведении нашего художественного руководителя, который во время героического освобождения Красной армией территории Польши от капиталистов и помещиков вёл примиренческую пацифистскую агитацию. Этот национал-предатель в маске и наймит западных империалистов использовал высокое звание работника советской культуры для внушения нашему народу чуждых ему убеждений. — Она протянула чекисту листок.

— Хорошо, разберёмся. — уже несколько утомлённо сказал чекист. — Следующий!

До позднего вечера Перекуров принимал заявления. Заврыкин ещё разок заглянул в его кабинет, бросил взгляд на громадную кучу бумажек на письменном столе, виновато кашлянул и скрылся обратно.

*

Сознательные граждане городка, в которых пробудились глубинные чувства, шли в приёмную ГПУ три дня, потом их поток иссяк.

Несколько заявлений пришло из близлежащей деревни — видимо, излучение Заврыкина добралось и туда, превысив теоретически рассчитанный порог дальности его воздействия. Все деревенские сигналы были, впрочем, довольно однотипными. На грубой бумаге школьным почерком было накарябано, как правило, что-то вроде "... единоличник Мишка Косой третью корову завёл... а евойная Верка не пошла на праздник солидарности трудящихся, она смеялась и говорила, что себе скоро шолковой отрез купит...".

Когда поток сигналов окончательно сошёл на нет, Перекуров занялся сортировкой собранных материалов. Он растасовал полученные документы по темам, потом уложил их в папки, и каждую надписал. В одну группу папок пошли донесения на рядовых граждан — таких было большинство. В другой группе были собраны сообщения, компрометирующие местную номенклатуру. Их было мало, но зато они представляли собой определённую ценность, при надобности монетизируемую или конвертируемую в хозяйственные или

политические услуги.

Закончив эту работу, старший сотрудник ОГПУ по особым поручениям потянулся в кресле и удовлетворённо усмехнулся. Эксперимент прошёл успешно, хотя и дал несколько неожиданные результаты. Во всяком случае, ему теперь было что доложить секретарю ЦеКа, а отпущенный для выполнения задания месяц ещё далеко не закончился.

Глава 3. Творческая интеллигенция.

— Викентий Авксентьевич, разместите ваш аппарат в этом портфеле и выведите от него наружу провод с кнопкой.

Чекист снова беседовал с изобретателем на Лубянке. После успешного завершения массового опыта предстояло проверить, как резонаторное излучение действует в индивидуальном порядке и на представителей разных социальных групп.

Заврыкин взял портфель, осмотрел, кивнул, а Перекуров продолжал:

— Аппарат следует хорошо закрепить, а кнопка должна быть рядом с ручкой портфеля, чтобы её можно было незаметно нажимать. Вопросы есть?

Изобретатель отрицательно покачал головой. — Работа несложная, — ответил он. — Завтра можете забрать.

*

Первый эксперимент Перекуров решил поставить на творческой интеллигенции. Он позвонил в "Мосфильм" и предложил взявшему трубку заместителю директора собрать группу для съёмок картины о бдительных и сознательных пионерах. Фамилия режиссёра, кандидатуру которого тот назвал, оказалась знакомой Перекурову по его прежнему миру. Она принадлежала целой династии видных деятелей культуры — поэтов, писателей, режиссёров, литературных критиков — в советское время неустанно прославлявших достижения социалистического строительства, а в постсоветское — так же усердно воспевавших капитализм и олигархию.

*

Старший сотрудник ОГПУ выбрался из служебной машины, нацепил кепку, чтобы не мокнуть под начавшим накрапывать дождём, и, захватив портфель с аппаратом, зашагал ко входу в здание киностудии. В вестибюле его встретил солидный плотный мужчина.

— Пётр Матвеевич Яснев? — спросил он.

Чекист кивнул, и тот представился. — Корней Филонтьевич Сказинский, заместитель директора. Мы разговаривали с вами два дня назад по поводу нового фильма. Прошу, пройдёмте в кабинет и обсудим сценарий.

Чекист снял намокшую кожанку, кепку, огляделся в поисках вешалки и, не найдя таковой, обратился к высокому человеку, замершему в почтительной позе неподалёку.

— Возьми-ка, любезнейший.

Тот услужливо наклонившись, обеими руками принял от Перекурова кожанку с кепкой. Сказинский, показывая дорогу, шёл впереди, Перекуров чуть отставал от него.

— Почему вы отдали ему свою одежду? — полуобернувшись, негромко спросил замдиректора у чекиста.

— Так ведь это же был лакей, — удивлённо ответил тот. — Разве нет?

— Что вы, это режиссёр, с которым я хотел вас познакомить!

— Гм, а физиономия и глаза у него точь-в-точь как у лакея, — пробурчал вполголоса Перекуров. — Только усы немного портят типаж. Я раньше где-то слышал его фамилию, —

повысив голос, сказал он.

— Знаменитое и талантливое семейство, — кивнул замдиректора. — Бывшие дворяне. Они ещё при царях работали. Его отец писал детские стихи, потом патриотическую литературу. При Николае II стал цензором и тайным советником. Но после революции он перековался. А за ним перековались и остальные родственники, включая нашего режиссёра.

— Точно перековались? — строгим тоном спросил чекист.

— Не сомневайтесь, — заверил замдиректора. — Наш написал стихи с призывом к детям сообщать в ГПУ об антисоветских настроениях родителей. Потом по его стопам пошли и другие писатели. Но основоположником этого жанра был он.

— Отлично. Как раз то, что мне нужно.

Когда замдиректора киностудии и чекист устроились в креслах, в дверь деликатно постучали, и на пороге кабинета обозначилась уже знакомая Перекурову личность.

— Вашу одежду я отдал для просушки, — подобострастно кланяясь, обратился вошедший к чекисту.

— Это Иван Арсеньевич Высоков, режиссёр, — представил вошедшего замдиректора студии, и, со словами "Присаживайся, Ваня", кивнул ему на свободный стул.

Перекуров подтянул к себе портфель, повернул его так, чтобы излучатель оказался направлен на режиссёра, затем незаметно нажал прикреплённую к ручке кнопку.

— Фильм "Дозорные", постановку которого я хочу с вами обсудить, имеет целью воспитание в наших гражданах с самого раннего детства сознательности и бдительности, — заговорил он. — Его сюжет таков. — Перекуров открыл блокнот со сделанными ранее наметками. — В селе, где недавно организовался колхоз, происходят хищения социалистической собственности. Пионер, ученик местной школы, замечает, что по ночам его родители куда-то исчезают. Он решает за ними проследить и обнаруживает, что те мешками таскают колхозное зерно в свои амбары. Сначала он пытается усюветить их, а потом, когда те, вместо прекращения своей деятельности, начинают ему угрожать, обращается за помощью в комсомольский актив. Расхитители разоблачены и осуждены, сознательный пионер получает именные часы, подписку на газету "Пионерская правда", и путёвку в крымский лагерь "Артек". В конце фильма на экране появляются лозунги: "Бдительность — наше оружие" и "Как ни извиваются враги, им не избежать суровой кары пролетарского правосудия". — Перекуров закрыл блокнот, вернул его в кармашек портфеля и незаметным движением отключил излучатель. — Что скажете?

— Очень актуально, — ответил внимательно слушавший чекиста замдиректора. — Берешься, Иван Арсеньевич? Как раз твой профиль.

Режиссёр, наклонившись вперед, быстро конспектировал слова чекиста, высунув от усердия язык. Услышав вопрос, он вскинулся и ответил: — Конечно, Корней Филонтьевич! До чего глубокая и своевременная концепция. Она произведёт революцию в современном кинематографе!

— Тогда обсудите детали, а я вас оставляю. Нужно срочно оформить выездные документы для поездки в Италию. Иван, через пару дней пришлешь мне начальный вариант сценария. — С такими словами заместитель директора обменялся прощальным рукопожатием с сотрудником ГПУ, кивнул режиссёру, и покинул помещение.

— Что ж, давайте обсудим детали, — сообщил Перекуров, глянув на часы и решив, что действие излучения уже должно было начать сказываться. — Я дам вам предложения в общей форме, а вы их разработайте профессионально.

— Конечно, товарищ Яснев, — кинорежиссёр продолжал преданно смотреть на чекиста.

— Итак, во-первых, — Перекуров начал загибать пальцы, — в фильме следует акцентировать тему пролетарского интернационализма. Главные герои, члены комсомольского актива школы — дети разных народов: русские, татары, якуты, происходящие из трудовых семей. Всех их объединяет классовая солидарность и ненависть к эксплуататорам. — Перекурову было очень любопытно как отреагирует на этот пассаж будущий классик, лауреат всех премий советской интернациональной литературы, ставший через некоторое время после перестройки, в соответствии с новым идейно-политическим заказом, горячим пропагандистом патриотизма и почвенничества.

— Ничто не может вызвать у интеллигентного человека большего отвращения, чем пещерный национализм, — прочувствованно ответил кинорежиссёр.

— Партия ставит вопрос так же, — кивнул чекист и продолжил:

— Во-вторых, в фильме нужно будет показать борьбу с религиозным дурманом. Главные злодеи — не просто расхитители колхозного добра, пособники кулачества, но и фанатики, охваченные изуверскими предрассудками, находящиеся под влиянием контрреволюционно настроенного попа. — Он наклонил голову и с интересом всмотрелся в лицо будущего колосса советской, махрово атеистической, литературы, вскоре после перестройки перековавшегося, в согласии с новыми веяниями, в истового приверженца православия.

— Мракобесие ведёт людей в пропасть, — убеждённо заверил кинорежиссёр. — Этот момент надо действительно хорошо осветить.

— И наконец, в-третьих, в фильме должна быть подчёркнута направляющая роль нашей партии.

— Само собой разумеется, — подхватил Высоков. — Мы вставим в фильм кадры кинохроники из выступлений партийных руководителей, а завершим его показом портретов членов Политбюро крупным планом. На первое место среди них я бы поставил товарища Сталина. А вы как считаете, товарищ Яснев? — Кинорежиссёр Высоков с каким-то непонятым выражением в глазах уставился на чекиста.

— "Так, стоп", — замелькали в голове у Перекурова мысли. — "До победы Сталина на партсъезде ещё полгода. Надо же, какая блестящая у товарища интуиция. Ну да ведь иначе он бы так высоко не взлетел". — Тут бывший российский спецслужбист взгляделся внимательнее в лицо собеседника и чуть не ахнул, увидев в его глазах очень характерное выражение. — "Да он же меня проверяет! Если я сейчас хоть словом поддержу оппозицию, старых соратников Ленина... Хорош гусь!"

Вслух же сотрудник ОГПУ сказал:

— Полностью с вами согласен, товарищ Высоков. Товарищ Сталин — вождь и учитель мирового пролетариата, и его портрет, конечно же, должен стоять на первом месте.

Произнеся это, он снова пристально взгляделся в лицо режиссёра и уловил в его глазах что-то вроде мелькнувшего тенью разочарования. "Кстати, времени прошло достаточно, надо проверить, сработал ли заврыкинский аппарат", — подумал Перекуров, и спросил:

— А скажите, товарищ Высоков, какая сейчас обстановка в вашем творческом коллективе? Чем дышит, к чему стремится, о чём мечтает передовая советская интеллигенция?

— Всё замечательно, товарищ Яснев. Руководствуясь указаниями партии, коллектив

нашей студии одерживает творческие победы одну за другой. Вот только есть несколько личностей... Знаете, как говорит народная пословица, "ложка дёгтя портит бочку мёда"...

— Ну, ну? О ком речь идёт? — поощряюще поинтересовался Перекуров. — Неужели в ряды бойцов нашего идеологического фронта затесались буржуазные перерожденцы?

— Увы, товарищ Яснев, — со скорбным выражением лица сообщил режиссёр. — Затесались. Два дня назад в нашей студии состоялось расширенное заседание партийного собрания, посвящённое призыву товарища Сталина ускорить темпы коллективизации. И как же повела себя на нём часть сотрудинок?

Перекуров вопросительно посмотрел на режиссёра и тот с трагическим надрывом в голосе воскликнул:

— Они молчали! Вы представляете себе, товарищ Яснев? В момент, когда решаются, по сути, судьбы нашей Родины, когда весь пролетариат, трудовое крестьянство, передовая советская интеллигенция ведут борьбу против кулаков и их пособников — эти люди молчали!

— Я составил списочек, и считаю своим долгом сигнализировать... — режиссёр открыл портфель, достал оттуда тетрадку, озаглавленную "За Правду", и протянул её чекисту. — Надо избавить нашу советскую культуру от чуждых ей перерожденцев, так сказать, выполоть с её плодородной нивы сорную траву.

Перекуров взял тетрадь, принялся её листать, режиссер же, тем временем, продолжал:

— Трудно поверить, товарищ Яснев, но эти люди, промолчавшие в то время, когда наша страна напрягает все свои силы в борьбе против мирового империализма и его пособников, возглавляют один из самых престижных и денежных литературных фондов. Они присуждают премии своим единомышленникам, а патриотически настроенных писателей держат в чёрном теле. Нам надо раскрыть истинное лицо этих затаившихся врагов. Может быть, даже надо создать комитет по расследованию антисоветской деятельности в области культуры.

Сотрудник ОГПУ задумчиво кивнул и сделал какую-то пометку в тетрадке.

— Но главное, конечно, литературный фонд, про него не забудьте, — заискивающе глядя в глаза начавшему укладывать бумаги в портфель чекисту, сказал режиссёр. — Его должны возглавлять другие, преданные нашей партии и стране люди, а не эти буржуазные перерожденцы и национал-предатели.

Глава 4. Партийная номенклатура.

— Общее — значит ничьё, — сообщил окончательно захмелевший секретарь райкома партии, глядя на собеседника осоловелыми глазами. — Ик. Нашу нынешнюю экономическую политику надо — ик-ик — подправить.

Застолье по случаю повышения в должности Артёма Викторовича Колозадова, стартовавшее в ресторане "Метрополь" в компании сослуживцев и друзей, продолжилось на его квартире вдвоём с Ясневым-Перекуровым, шепнувшем своему приятелю, что у него в портфеле лежит бутылка французского коньяка. Доставая ценный артефакт, чекист незаметно включил аппарат Заврыкина, и уже полчаса слушал излияния глубинных чувств партийца, дополнительно простимулированных качественным алкоголем.

— Вот главная причина, почему у нас неэффективная экономика, — возгласил секретарь райкома, опрокидывая в себя очередную рюмку коньяка. — Потому что общее — это ничьё!

— Когда человек ощущает своё, кровное, — продолжал он, сжав что-то невидимое в кулаке и с силой встряхнув его, — он и распоряжается им эффективно. Мы не решим проблем экономики, пока не передадим предприятия в собственность лучшим людям. Которые будут ими распоряжаться. На пользу общества, и не без выгоды для себя, конечно.

— Передать предприятия лучшим людям — это очень верная мысль, — поддакнул Перекуров. — Он наполнил коньяком ещё одну рюмку и протянул её приятелю. — А кому именно?

Партийный секретарь недоуменно устремил на него пьяный взгляд.

— Нам, конечно, кому же ещё?

Он принял рюмку, благодарно кивнул, и добавил:

— Нефть, газ, рудники, заводы, электростанции. Это же колоссальные богатства. Только нужно, чтобы народишко сначала разведал всё, обкопал, обустроил за государственные деньги. Тогда и можно будет их правильно... ик... ик... — секретарь райкома задумался, подбирая подходящее слово, но алкогольный угар существенно препятствовал ясности мышления.-... их можно будет — как бы это выразиться...

— Приватизировать, — подсказал Перекуров.

— Приватизировать? — партиец покатал новое слово на языке, потом ухмыльнулся. — А что — ёмко, выразительно. Общее — значит ничьё. Приватизированное — значит моё. Передать всё это... ик... достойным людям. Которые сумеют им правильно распорядиться...

... только пусть они сначала нам побольше наработают этого общего-ничейного имущества, — совсем уж косноязычно повторил партийный секретарь. Его голова склонялась всё ниже и ниже к скатерти стола, как вдруг он резко встрепенулся и уставился на собеседника.

— Но очень шустрые ребята в нашем комсомоле. Ох, какие шустрые. Как бы они мне дорогу не перебежали... Мне говорил один, что хочет подняться на нефтянке. Что там громадные бабки и они без толку уходят на всяких голодранцев. А я, говорил он, мог бы торговать со всей Европой. И стать... он сказал, что мог бы стать — как же это... управленцем? нет, не то... бизнесменом? нет, снова не то... Было какое-то слово, он говорил, что могли бы стать... ммм...

— Олигархом? — снова подсказал бывший российский полковник.

— О, точно! Матвейч, ты голова!

Перекуров скромно улыбнулся, про себя, впрочем, подумав, что нетрудно быть "головой", имея, помимо попаданческого послезнания, ещё и отличные оценки в зачётке по курсу истории КПСС.

Голова самого секретаря райкома партии окончательно склонилась к столу, и, клюя носом, он пробормотал, уже почти неразборчиво:- Построю себе виллу на Канарах... самую длинную в мире яхту... коллекцию автомобилей соберу... Лешеньку в Оксфорд... Машеньку в Кембридж...,- он уткнулся носом в тарелку и захрапел.

Перекуров подтащил приятеля к дивану, уложил его и кликнул домработницу. Затем тяпнул на дорогу полрюмки коньяка и отбыл к себе домой. Аппарат инженера Заврыкина успешно прошёл ещё одну проверку.

Глава 5. "Не верь, не бойся, не проси".

— Вечер в хату. — Старший сотрудник ОГПУ отодвинул кисейную занавеску, открывшую его взгляду богато сервированный стол, за которым сидел его давний знакомый

Семён Корнеевич Мальцев в компании с непонятным хмырем, судя по украшавшим его руки многочисленным татуировкам, бывшим зэком. За прошедших семь лет со времени их первой встречи старый вор в законе заметно сдал, но всё ещё выглядел крепким. Его резиденция по-прежнему располагалась на втором этаже трактира "Разносолье".

— С чем пожаловал, начальник? — Корнеич зыркнул на опасного посетителя из-под кустистых бровей. Зэк же взял с дивана гитару и принялся тренькать, бурча себе под нос что-то из блатного фольклора.

— Через два-три месяца отменят нэп, — сообщил чекист, усаживаясь за дальний от Корнеича конец стола и незаметно включая аппарат Заврыкина. — Нашу деятельность нужно свернуть до этого времени.

— Присылай своего человека, я кликну бухгалтера, подобьём бабки, — безразлично отозвался Мальцев. — Выпьешь за компанию?

Перекуров кивнул, подтянул к себе бутылку коньяка, наполнил рюмку, и, дожидаясь, пока подействуют резонаторные волны, принялся травить байки из жизни советского политического бомонда. Рассказал, как смеялись члены Политбюро, когда разгневанный Троцкий, покидая коварных соратников, проголосовавших против его предложений, безуспешно пытался хлопнуть тяжелой дверью. Живописал, как рабочие забросали гнилой картошкой Зиновьева во время его выступления на ленинградском заводе. Поведал, какой конфуз случился с Каменевым, когда его племянник, хвативший лишку в ресторане, явился в пьяном виде на заседание Московского горкома, которое вёл его дядя, и стал там буянить. Мальцев слушал его с явной скукой, а бывший зэк вообще не обращал внимания на рассказы чекиста, он всё так же брэнчал на гитаре. Прошло пять минут, потом ещё пять. Перекуров, поглядывая на часы, пересказал выступление Сталина с критикой оппозиции, сообщил о дискуссии в партии насчёт индустриализации, изложил планы первой пятилетки — а ни Мальцев, ни зэк так и не начинали выражать свои душевные мечтания, не заводили речей насчёт общественного блага и вообще не выказывали каких-либо признаков воздействия на них излучения аппарата Заврыкина. В поведении слушателей Перекурова ничего не переменилось — словно их и не облучили только что волнами, активизировавшими глубинные чувства. Разве что зэк, в конце концов, отложил в сторону гитару и принялся тасовать засаленную колоду карт.

Перекуров решил подтолкнуть события. Закончив пересказывать партийные решения насчёт первого пятилетнего плана, он принялся расписывать, какие неисчислимы блага ждут страну и народ от выполнения этих решений.

— Сейчас, — пафосно восклицал он, — в бешеном ритме возводятся Магнитка и Днепрогэс! А впереди — освоение богатств Сибири и Севера, уральской нефти инорильских руд, строительство Кузбасского горно-металлургического комбината! И все богатства, что добываются сейчас трудом рабочих, находятся не в частной, а в общей, в народной собственности! Всё принадлежит народу! Никогда такого не было! В какое замечательное время мы с вами живём, Семён Корнеевич!

Мальцев посмотрел на чекиста и презрительно сплюнул, а со стороны бывшего зэка донеслось насмешливое хрюканье.

Перекуров всё же попытался ещё раз навести матёрых уголовников на мысли об общественно-полезной деятельности:

— А впереди у нас куда более грандиозные планы. Добыча нефти, газа, металлов. Драгоценных камней. И всё это будет общее, народное. Какой богатой станет наша страна!

Какое светлое будущее открывается перед нами! Как счастливы советские люди, которым партия и комсомол дали сейчас возможность выбрать достойный жизненный ориентир-

— Знаешь, чем это закончится? — прервал, наконец, его излишняя Мальцев. — Как только народец обкопает, обустроит, наработает твоё общее — так оно и перейдёт в собственность партийных. А хозяевами заводов, о которых ты толкуешь, что сейчас строят ээки на севере, станут начальники лагерей.

Перекуров озадаченно умолк, дивясь его пронизательности, Мальцев же продолжал:

— На это общее-народное они купят яхт, дворцов, автомобилей, наймут элитных проституток, отправят детишек учиться за рубеж. Так что чем больше заводов понастроят надрывающие сейчас пупок за талоны да за грамоты лохи, тем богаче потом будут партийные.

— А самой прыткой будет нынешняя комса, — помолчав, прибавил старый вор в законе. — Она уже сейчас на ходу подмётки рвёт.

Со стороны зэка послышалось глумливое хеканье.

Чекист повернулся к нему. Тот ухмыльнулся, показав гнилые остатки зубов, достал не глядя из колоды четырёх тузов и бросил их на стол.

— Не там ведёшь агитацию, начальничек. Мы все эти уроки прошли, когда тебя и на свете не было. Так что у нас уже есть, как ты говоришь, "жизненный ориентир". — Зэк достал из рукава ещё четырёх тузов и присоединил их к предыдущим. — Не верь, не бойся, не проси.

*

Неудачная попытка побудить закоренелых рецидивистов задуматься об общественном благе не подорвала веры Перекурова в аппарат Заврыкина. Собственно, изобретатель и сам говорил, что есть некоторый процент людей, не поддающихся воздействию его излучения. Сотрудник ГПУ по особым поручениям продолжал собирать опытные данные, беседуя с представителями различных социальных групп у себя в кабинете на Лубянке, посещая, с неизменным чемоданчиком в руках, те или иные организации. Примерно пятая часть собеседников никак не реагировала на резонаторные волны, зато остальные давали, как правило, интересный *материал*. По вечерам чекист просеивал и сортировал результаты, раскладывая их по папкам.

Отпущенный на выполнение задания месяц прошёл, потом прошёл ещё один, и два, и три, и четыре, но от секретаря ЦеКа никаких известий не было. Впрочем, Перекуров знал из газет — и из истории своего прошлого мира — что в партии сейчас развернулась напряжённая борьба, точку в которой должен был поставить очередной съезд. Заранее зная победителей на нём, он выступил на партсобрании с осуждением левого уклона, чем заработал сначала настороженные — а через несколько дней, после оглашения резолюций съезда — уважительно-завистливые взгляды опытных партийцев.

Но вот, наконец, в один из декабрьских вечеров, в его кабинете на Лубянке раздался звонок из ЦеКа.

Эпилог

— Ваше задание выполнено, товарищ секретарь, — отрапортовал чекист, встав по стойке смирно перед сидевшем в кресле за письменным столом невысоким человеком в полувоенном кителе. — Инженер Заврыкин построил электромеханический аппарат, излучение которого пробуждает в нашем народе его глубинные чувства. — С такими

словами он достал из портфеля продолговатый чёрный цилиндр, заканчивавшийся раструбом с серебристым отражателем.

Секретарь ЦеКа с интересом глянул на прибор.

— Вы его испытали? — спросил он.

Чекист утвердительно кивнул.

— И какие результаты?

По знаку Перекурова, его помощник вкатил в кабинет, одну за другой, несколько тележек, доверху наполненные папками.

Секретарь ЦеКа посмотрел на папки, потом перевёл недоумевающий взгляд на сотрудника ГПУ.

— Это отчёты об испытаниях, — пояснил тот.

Человек в полувоенном кителе поднялся с кресла, подошёл к одной из тележек, взял верхнюю папку, наугад достал из неё бумагу и стал читать вслух:

"Настоящим считают своим долгом довести до сведения вышестоящих инстанций, что мои соседи по коммунальной квартире выгуливают свою собаку в праздничные дни Первомая, когда весь трудовой народ"-

— Что это? — секретарь ЦеКа поднял взгляд на чекиста.

— Доносы, — пояснил тот.

— Доносы? — нахмурился партиец.

— Я хотел сказать, сигналы, — торопливо поправился чекист. — От сознательных граждан нашей страны, в которых аппарат инженера Заврыкина пробудил их глубинные чувства.

Секретарь ЦеКа взял другую бумажку:

"Вся эта организация финансируется из-за рубежа империалистами, врагами нашей страны", — читал он. — "Они только прикидываются, что помогают больным диабетом, а на самом деле таят коварные планы по внедрению в наш народ чуждых ему ценностей"-

Секретарь вернул бумагу на место, прикинул папку на вес, отложил в сторону, задумчиво глянул на остальные папки и нахмурился. Потом подошёл к другой тележке с папками, на которых были надписи: "Правый уклон", "Левый уклон", "Право-левацкий загиб", достал из них несколько листков, вернулся на своё место и с углубился в их изучение.

— Откуда такой разброд и шатания в мыслях на десятый год победы нашей партии? — удручённо спросил он, дочитав последний документ.

Перекуров припомнил фразу из институтского лекционного курса по истории партии.

— Полагаю, что по мере развития социалистического строительства классовая борьба будет обостряться, товарищ секретарь, — сказал он.

— Да? Теоретически интересная концепция. — Секретарь ЦеКа сделал пометку в блокноте, затем забрал все "уклонистские" папки, перенёс в свой шкаф, после чего вернулся обратно к тележкам. — А здесь что? — он указал на папки, в заголовках которых значилось "Ответственные партийные и советские работники".

— Аппарат Заврыкина был испытан на нескольких руководящих сотрудниках и зафиксировал их глубинные чувства, — пояснил чекист. — Под воздействием электромагнитных волн они откровенно рассказали о своих мечтаниях.

Секретарь открыл одну из папок и достал оттуда лист бумаги.

"Я перепису на себя предприятия нефтяной промышленности", — зачитал он, — "договорюсь с западными компаниями и буду поставлять им сырьё... Куплю виллу на

Канарах... Каждый год буду несколько раз ездить на Мальдивы и в Куршавель..."- Партиец дочитал документ до конца, перевернул бумагу, посмотрел на имя и фамилию, и недоуменно покачал головой. — Этот человек считается в нашей среде партийной совестью, образцом честности и благородства, — сказал он. — Может, ваш электромеханический аппарат дал сбой?

Ясенев-Перекуров деликатно промолчал. Он мог бы добавить, что то же самое говорил ему старый вор в законе Мальцев, и притом безо всякого воздействия электромеханических волн, а лишь исходя из своего жизненного опыта. Но чекист не стал упоминать имя делового компаньона. Вместо этого он сказал:

— Наиболее активно проявляли свои глубинные чувства комсомольские работники. — С такими словами он взял с тележки новую папку и вытащил из неё несколько бумажек. Секретарь ЦеКа принялся их просматривать.

"... я бы занялся приватизацией газового сектора... на этом можно заработать миллионы фунтов и долларов", — прочитал он и, посмотрев на подпись, задумчиво произнёс. — Это же один из организаторов комсомола. У него в партийной характеристике написано: человек исключительной честности и скромности.

Взял другую бумажку, наискосок просмотрел, зацепился за слова: "... электростанции в моей частной собственности работали бы куда эффективнее". — Перевернул листок, глянул на фамилию и покачал головой.

— Хороший, скромный молодой человек — все о нём так отзываются.

Прочитав ещё несколько признаний и бегло пролистав другие, секретарь ЦеКа бросил их обратно на тележку и стал ходить по комнате. Наконец, он остановился и повернулся к чекисту.

— А что вы сами полагаете об этом, товарищ Ясенев? — Хотя лицо секретаря ЦеКа уже снова стало, как обычно, непроницаемым, но усилившийся акцент в его речи выдавал волнение.

— Я полагаю...,- чекист на минуту задумался. — Я полагаю, товарищ секретарь, что воровать миллиардами государственное имущество, а после этого иметь какие-то претензии к расстрельной команде было бы по меньшей мере странно.

Секретарь помолчал. Подошёл к окну, посмотрел на покрытую снегом ёлку. Разжёл потухшую было трубку, снова заходил по комнате. Затем подошёл к креслу и уселся в него, похоже, приняв решение.

— Это хорошо, что они так разговаривают, — сказал он. — Опасен не тот враг, которого мы знаем. Опасен враг скрытый, затаившийся, которого мы не знаем. Так что пускай разговаривают. Пускай разговаривают. Время счетов с ними придёт.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Приложение. Документальные материалы; исторический контекст.

Из мемуаров советских партийных деятелей

Н. Хрущёв:

"В Москве и Московской области уничтожили всех секретарей райкомов партии... Я был особенно потрясён, когда арестовали Коган... в партии с 1907 года, человек исключительной честности и благородства... Соيفер, секретарь Ленинского райкома партии, г. Москвы... член партии с 1905 или 1903 года... в буквально смысле слова партийная совесть, кристальной честности человек... А Марголин, ближайший друг

Кагановича! Взяли в Днепропетровск на укрепление местной парторганизации после ареста Хатаевича и там уничтожили...

Двух моих помощников в Москве также арестовали... один из них Рабинович, молодой хороший скромный человек. Другой — Финкель, тоже очень хороший человек исключительной честности и скромности".

"<в начале 1938 года на Украине>было в смысле кадров, что называется, чисто: ни одного секретаря обкома партии, ни одного председателя облисполкома нет, нет ни председателя Совета народных комиссаров, ни его заместителей... Украинское руководство, как партийное, так и советское, было уничтожено полностью: работники ЦК КП(б)У секретари, заведующие отделами... По Украине будто Мамай прошёл. Не было ни секретарей обкомов партии в республике, ни председателей облисполкомов... людей буквально хватили и тащили резать".

А. Микоян:

"Я знал Беленького как добросовестного честного работника... После него был арестован Гроссман, начальник жировой промышленности, уважаемый в наркомате человек. Такая же участь постигла моего заместителя Яглома... ГПУ требовало их ареста, я их защищал, Сталин настаивал и их арестовали..."

Вдруг Розенгольц был арестован как бывший троцкист... Я удивлялся только, что делал Сталин с людьми, которые честно работали для советской власти".

И. Гронский:

"В первой половине тридцатых годов власть в партии и государстве захватил Сталин, совершивший, по сути дела, самый настоящий государственный переворот..."

Во второй половине тридцатых годов Сталин руками Ежова и Берии уничтожил руководящие партийные, советские, хозяйственные, военные и пр. кадры".

Статистика

Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, в 1936-40 гг. было репрессировано 98 человек, в т. ч. 44 (из 71) члена ЦК и 55 (из 68) кандидатов в члены ЦК. При этом из репрессированных членов и кандидатов в члены ЦК не спасся от расстрела ни один человек. В 1937-38 гг. было арестовано и осуждено 18 из 22 членов Центральной ревизионной комиссии и около половины (29 из 61) членов Комиссии партийного контроля. Из 1996 делегатов XVII съезда ВКП(б) с решающим и совещательным голосом было арестовано 1108 человек, из них 848 были расстреляны.

Из 128 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, избранных на X съезде комсомола в 1936 г. в 1937-38 г. было арестовано 96.

Из 85 высших военачальников, составлявших в 1935 г. Военный Совет при наркомате обороны, в 1937-38 гг. были репрессированы 76; из них 68 были расстреляны.

За 1934-39 гг. были репрессированы около 22 тысяч сотрудников НКВД.

Из участников I-го съезда Союза советских писателей до начала войны было репрессировано более 40 % (из которых более 65 % состояли в партии).

На протяжении всей кампании *смены кадров* Сталин принимал прямое участие в определении судеб высокопоставленных функционеров. Донесения об арестах, ходе следствия и намечаемых приговорах направлялись ему Ежовым. На них Сталин делал свои

комментарии и пометки. Так, получив показания *старого большевика* Белобородова, Сталин переслал их Ежову с резолюцией: *"Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице?"* На протоколе допроса Соколовской, бывшей директорши "Мосфильма", жены бывшего наркомзема Яковлева, Сталин написал: *"Нам нужно знать, для чего эти два мерзавца почти каждый год ездили за границу"*.

В списках приговоров, составивших 11 томов, значились имена около 40 тыс. партийно-номенклатурных работников, приговорённых к расстрелу, и около 6 тыс., приговорённых к заключению в тюрьмы и лагеря.

"Товарищ Сталин никогда ничего не забывает и никогда ничего не прощает" (Бажанов).

Заметки

[

←1

]

Тото, похоже, мы уже не в Канзасе.